

8ФР
H62 П

А. Л. Никитин

РУССКІЯ
повѣсти, легенды и повѣрья
О
КАРТОФЕЛЬ.

М-09

КАЗАНЬ.
1922.

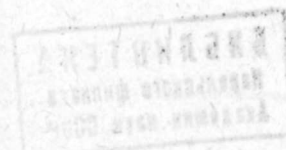
1954H
10

Синодальному
Церкви Симбирску

А. И. Никифоровъ.

авторъ
1/5 31 стр.

РУССКІЯ
повѣсти, легенды и повѣрья
○
КАРТОФЕЛЬ.

КАЗАНЬ.
1922.

899 П
H 62

1992 г.

20062

1973 г.

(Оттискъ изъ „Извѣстій Общества Исторіи, Археологіи и Этнографіи
при Казанскомъ Университетѣ, томъ XXXII, вып. 1).

749001

БИБЛИОТЕКА
Народнаго филіала
Академіи наукъ СССР

Содержаніе.

1. Литература вопроса.
2. Первая повѣсть о происхожденіи картофеля. Ея списки и возстановленіе первоначальнаго вида текста.
3. Вторая повѣсть о происхожденіи картофеля. Ея списки и возстановленіе первоначальнаго вида текста.
4. Планъ каждой изъ повѣстей. Ихъ книжный характеръ. Взаимотношеніе повѣстей I и II-й и наличіе общаго письменнаго источника.
5. Записи-изреченій какъ общій источникъ I и II повѣстей. Списки записей и критическія замѣчанія о текстѣ ихъ.
6. Другіе источники I повѣсти: а) краткая письменная редакція повѣсти о табакѣ и б) полная письм. ред. повѣсти о табакѣ. Степень участія составителя I повѣсти въ ея текстѣ. Время и мѣсто ея возникновенія. Опредѣленіе ея жанра.
7. Другіе источники II повѣсти: краткая редакція II повѣсти. Со-кращенная редакція II повѣсти. Степень и характеръ участія составителя пространной редакціи II повѣсти въ ея текстѣ. Авторъ, время, среда и мѣсто составленія пространной редакціи. Идея, стиль, языкъ и жанръ пространной редакціи.
8. Краткая редакція II повѣсти. Ея мотивы. Ихъ источники. Общая картина исторіи краткой редакціи. Среда, мѣсто созданія и степень популярности краткой редакціи.
9. Народныя повѣрья и другіе виды народныхъ произведеній, свя-занныхъ съ картофелемъ. Роль фактовъ быта въ ихъ созданіи. Значеніе народно-поэтической традиціи. 4 группы продуктовъ народно-поэтическаго творчества, связанныхъ съ картофелемъ. Психологическіе процессы, дѣйствовавшіе въ ихъ созданіи и бытованіи. Судьба повѣрій. Ихъ значеніе въ образованіи записей-изреченій.
10. Степень популярности повѣстей о происхожденіи картофеля. Свѣдѣнія о новыхъ спискахъ. Устное отраженіе повѣстей: вла-димірская легенда.
11. Значеніе записей-изреченій внѣ круга повѣстей о картофелѣ. Отраженія ихъ въ литературѣ письменной (Алская газета, Повѣсти о табакѣ) и устной (новыя поговорки изъ изреченій).
12. Графическая схема исторіи повѣстей, легендъ и повѣрій о кар-тофелѣ.
13. Общія выводы.
Дополненія.
Тексты.

ОПЕЧАТКИ.

Слѣдуетъ читать: *стр. 1*—строка 12 сверху: вниманіе; *стр. 2*—1 св.: Сперанскій; примѣч. 2: о происхожденіи; *стр. 8*—строка 10 св.: съ другими; *стр. 12*—7 св.: ея *вмѣсто* его; 23 св.: всѣ; 24 св.: пропуски; *стр. 13*—15 св.: дидактическій; 28 св.: вниманіе; *стр. 23*—19 св.: могивовъ; 20 св.: увидимъ, народныхъ; 21 св.: вѣрованій, породившихъ; *стр. 24*—13 св.: редакціи легенды; *стр. 26*—37 св.: внесеніе; *стр. 29*—18 св.: письменность; *стр. 59*—20 св.: не показается; *стр. 61*—34 св.: еще кто; *стр. 68*—9 св.: изреч. № 10; *стр. 71*—6 св.: т. е. К₁.

Русскія повѣсти, легенды и повѣрья о картофелѣ.¹⁾

Посвящаю свой трудъ Глубокоуважаемому Академику Владиміру Николаевичу Перетцу и свѣтлой памяти незабвеннаго Академика Алексѣя Александровича Шахматова.

Ученикъ-авторъ.

Вопросы появленія и начального періода жизни произведеній полународной полукнижной повѣствовательной литературы крайне интересны, но не всегда доступны изслѣдователю. Тѣмъ интереснѣе разобраться въ тѣхъ произведеніяхъ этого рода, которыя возникаютъ почти на нашихъ глазахъ, а не уходятъ корнями вглубь тысячелѣтій. Условія, сопутствующія возникновенію и жизни повѣстей названнаго типа въ новое время, могутъ оказаться, въ силу однородности во всѣ времена психологическихъ законовъ творчества, интересными и для воссозданія творческихъ процессовъ въ прошломъ. Одинъ небольшой эпизодъ въ этой области я попытаюсь освѣтить въ данной работѣ. Имѣю въ виду повѣсти, а за ними легенды и повѣрья о картофелѣ. Обращаюсь прежде всего къ повѣстямъ, которыя фиксируютъ вниманіе на происхожденіи картофеля.

1.

Повѣсти наши изучены слабо. Еще въ 1867 г. въ „Правосл. Собес.“ появилась анонимная статья о нашемъ сюжетѣ.²⁾ Основная цѣль автора опровергнуть ученіе раскольниковъ о томъ, что картофель—лестъ антихриста. Автору нужно привести самые рассказы раскольниковъ, и онъ это делаетъ по рукописямъ Казанской Дух. Акад. (не соловецкимъ). Здѣсь приводится текстъ одной записи о картофелѣ (ниже я называю такія записи записями—изреченіями), и двѣ повѣсти (называемыя мною—первая и вторая), къ сожалѣнію, не буквально, а лишь въ свободномъ пересказѣ.³⁾ Самое опроверженіе повѣстей, конечно, нынѣ не интересно. Эта статья, важная хотя бы потому, что знакомитъ насъ со всѣми видами повѣстей о картофелѣ, осталась совершенно неизвѣстной тѣмъ, кто позже касался нашего сюжета. Какъ будто ея и не было.

¹⁾ Подъ повѣстью разумѣю сюжетъ, принадлежащій письменности; легенда—устный сюжетъ; повѣрье—устный эмбрионъ сюжета—мотивъ, принадлежащій творчеству народа.

²⁾ „Замѣчанія на раскольническое ученіе о картофелѣ“ (Прав. Соб. 1867, II стр. 67—79).

³⁾ Эта свобода передачи текстовъ лишаетъ меня возможности отождествить хотя бы нѣкоторые изъ найденныхъ мною самостоятельно среди рукописей Каз. Дух. Акад. (не описанныхъ еще) списковъ повѣстей о картофелѣ съ тѣми, которыми пользовался авторъ статьи „Правосл. Соб.“ Сенлики анонима („Цвѣтникъ“ 1846 г.; Сборникъ безъ №) тоже не помогаютъ. Просмотръ рукописей неописанныхъ, конечно, можетъ быть лишь бѣглымъ. Указанныхъ анонимомъ рукописей мнѣ однако разыскать не удалось.

Изв. О. А. и Э. т. 32, в. 1.

Въ 1895 г. А. Сперанский¹⁾ издалъ легенду, записанную со словъ крестьянина Владимірской губ. и уѣзда.

Гъ 1902 году акад. В. Н. Перетцъ,²⁾ переиздавъ текстъ А. Сперанскаго, дополнилъ его изданіемъ одного варианта повѣсти³⁾, найденнаго авторомъ въ старообрядческой рукописи Кіевской Дух. Акад. № 67 (Аа 162), и экскурсомъ въ область исторіи происхожденія легенды. Отмѣтивъ, что легенды о происхожденіи картофеля „возникли подъ влияніемъ усиленной и не въ мѣру усердной правительственной пропаганды употребленія этого растенія въ пищу, чѣмъ и воспользовались оппозиціонные элементы народной массы XVIII в.—старообрядцы разныхъ сектъ и толковъ“ (стр. 89), акад. В. Н. Перетцъ даетъ справку о времени занесенія къ намъ картофеля (конецъ второй пол. XVIII вѣка) и отношенія къ нему со стороны культурнаго общества какъ къ растенію универсально благотѣльныхъ качествъ. Ввиду однако того, что многіе все же „взирали съ презрѣніемъ“ на новое растеніе, нѣкоторые журналы, напр. Экономическій Магазинъ, Труды Вольн. Эконом. Общ., Академич. Изв. и др. пропагандировали картофель очень усиленно. Но въ народѣ враждебное отношеніе къ картофелю сохранилось до сихъ поръ и отразилось въ легендахъ. Оба изданныхъ текста авторъ признаетъ независимыми и различными легендами. Общей частью ихъ является—центральная—обрѣтеніе картофеля, выросшаго изъ трупа черно-книжника. Она имѣетъ основаніе въ чисто народныхъ представленіяхъ о метампсихозѣ и въ частности о происхожденіи растеній изъ труповъ людей.—въ нашей же легендѣ возникла подъ влияніемъ легенды о происхожденіи табака. Вокругъ центральной части легенды располагаются другіе мотивы также обязанные происхожденіемъ легенды о табакѣ. Такую связь акад. В. Н. Перетцъ усматриваетъ въ блуднѣи дѣвицы со псомъ и во врачѣ въ Кіевскомъ вариантѣ и въ словахъ ангела епископу въ вар. Сперанскаго. Новымъ въ легендахъ о картофелѣ В. Перетцъ считаетъ сказочный мотивъ избранія царя для вар. Сперанскаго и имя царя Мамера для кіевского. Выводъ акад. В. Н. Перетца таковъ: „легенды о картофелѣ возникли не ранѣе половины XVIII ст., когда это растеніе было занесено въ Россію. Основаніемъ для распространенія подобнаго рода легендъ вѣроятнѣе всего было враждебное чувство недовѣрія къ правительственной пропагандѣ картофеля. Легенды о немъ создались подъ влияніемъ сказанія о табакѣ, но со внесеніемъ новыхъ подробностей, при чемъ основн. главн., центральной части легенды—было простонародное повѣрье о растеніяхъ, вырастающихъ на трунахъ людей. Убѣжденіе въ лѣкарственныхъ свойствахъ картофеля могло поддерживаться литературой XVIII вѣка.“⁴⁾

¹⁾ Русская Старина, 1895 т. 84 стр. 214.

²⁾ В. Н. Перетцъ. Легенды о происхожденіи картофеля. Сборникъ памяти М. Н. Майкова. Спб. 1902 стр. 89—98. Библиографич. замѣтка см. Онъ же. Изъ лекцій по методологіи ист. рус. л—т. Кіевъ 1914, стр. 479.

³⁾ В. Н. Перетцъ и А. Назаревскій (см. ниже) не дѣлаютъ въ нашемъ сюжетѣ разграниченія легенды отъ повѣсти, тогда какъ такое разграниченіе, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго, подсказывается матеріаломъ. Въ изложеніи работъ В. Н. Перетца и А. Назаревскаго слѣдуетъ за ихъ терминологіей.

⁴⁾ Назв. соч. 98.

Въ 1911 г. А. Назаревскій¹⁾ нашелъ еще одинъ вариантъ легенды въ спискѣ Арх. Св. Синода № 1605, XIX в. на двухъ листахъ въ листъ и издалъ его, сопроводивъ рядомъ замѣчаній. Принявъ выводы акад. В. Н. Перетца, онъ сравниваетъ списокъ Арх. Св. Сина. съ обѣими легендами, изданными у В. Н. Перетца, при чемъ приходитъ къ выводу, что новый списокъ „по своему содержанію стоитъ какъ бы между обѣими разсмотрѣнными выше редакціями: совпадая всѣми главными частями и мотивами съ 1-й редакціей, вообще, примыкая главнымъ образомъ къ ней, онъ въ тоже время отдѣльными подробностями и выраженіями сближается и со 2-й редакціей (т. е. по Кіевскому сп.)“²⁾. Отмѣтивъ дальше новыя факты связи легенды о картофелѣ по архивному сп. съ легендой о табакѣ, А. Назаревскій заключаетъ, „что ближе всего къ повѣсти о табакѣ стоитъ редакція легенды, представленная спискомъ Кіевской Духовной Академіи [конца XVIII в. № 67 (Аа 162)]. Это—первая попытка приспособить готовую литературную форму, готовый образецъ къ изображенію и осужденію новаго житейскаго факта; старое содержаніе лишь сокращается и упрощается—и одно „мерзкое зелье“—табакъ замѣняется другимъ—картофелемъ. Естественнѣе было бы потому считать *первой* редакціей именно эту. Вторую редакцію (хронологически и по степени близости къ литературному образцу) представляетъ нашъ списокъ и текстъ „Русской Старины“; она болѣе „индивидуализирована“, дальше отошла отъ образца и, сохраняя основной мотивъ о произрастаніи „мерзкаго зелья“ изъ трупа грѣшника, замѣняетъ блудницу, волхвомъ-царевичемъ и т. п. Въ этой редакціи текстъ „Рус. Старины“ сохранилъ менѣе чертъ сходства съ повѣстью о табакѣ, чѣмъ разсмотрѣнный нами новый списокъ.“³⁾

Въ 1916 г. А. П. Сысоевъ⁴⁾ напечаталъ текстъ „Книга Баронія, глава 263“, бросивъ замѣчаніе о связи его съ легендами о происхожденіи табака и картофеля.

Перечисленная литература даетъ лишь самое общее представленіе о легендахъ и повѣстяхъ о картофелѣ. Повѣрья же, напр., пока не затрагивались вовсе названными лицами. Привлеченные мною новыя матеріалы позволяютъ сказать нѣсколько больше и внести поправки въ выводы предшествующихъ изслѣдователей.

Прежде всего можно установить два самостоятельныхъ вида повѣстей о происхожденіи картофеля, каждый изъ которыхъ извѣстенъ мнѣ въ нѣсколькихъ спискахъ.

2.

Первая повѣсть (оставляю въ сторонѣ вопросъ хронологическій) представлена однимъ пересказомъ и тремя списками:

¹⁾ А. Назаревскій. Къ исторіи легенды о происхожденіи картофеля (Рус. Фил. Вѣстн. 1911, т. 66 стр. 15—21.

²⁾ Тамъ же, стр. 18.

³⁾ Тамъ же, стр. 19.

⁴⁾ См. Акад. В. Н. Перетцъ. Отчетъ объ экскурсіи семип. русск. филологіи въ Кіевъ въ 1915 году. Кіевъ 1916 стр. 153.

1) Пересказъ повѣсти данъ въ „Правосл. Собес.“ анонимомъ ¹⁾. Ссылка на то, что повѣсть взята изъ „Книга Пандокъ гл. 28 лист. 68 част. послѣдняя“ не даетъ возможности отождествлять списокъ, которымъ пользовался анонимъ, съ однимъ изъ приводимыхъ ниже, ибо всѣ списки первой повѣсти имѣютъ эту фразу въ качествѣ заглавія. Наоборотъ, прибавка во всѣхъ остальныхъ спискахъ слова „четверть“ или „четвертая“ (см. текстъ) свидѣтельствуетъ, что списокъ анонима есть особый списокъ. Датируетъ его анонимъ концомъ XVIII или нач. XIX вв. Судя по пересказу этотъ списокъ ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ.

2) Списокъ, находящійся въ раскольничьемъ сборникѣ Киевской Дух. Акад. № 67 (Аа 162) въ 8-ку, конца XVIII в. ²⁾ на лл. 58—59, собранія митр. Макарія изданъ акад. В. Н. Перетцемъ ³⁾. (Называю этотъ сп. II). Мнѣ удалось найти еще два списка среди неописанныхъ рукописей Казанской Дух. Академіи, именно:

3) Рукопись собранія митроп. Григорія, Хр. Кат. № 1678 (прежніе №№ карандашные 32, 14 и 62 зачеркнуты). Это сборникъ „Жертovníкъ и исповѣстникъ“ въ 4-ву, на 3+91 лл. На об. 1 нenum. л. запись „Тимоеея Смишна“. На внутренней сторонѣ деревяннаго въ кожѣ переплета почеркомъ рукописи, т. е. полууставомъ значится: „Начата же сіа с(вя)тая кника (sic) творится в лѣто от созданія мира 7338-го, совершена же бысть 7350-го на память с(вя)таго Селиверста“. Сборникъ состоитъ изъ большого числа всевозможныхъ выписокъ въ старообрядческомъ духѣ. Характеръ ихъ опредѣляетъ оглавление, находящееся на 2 и 3 нenum. лл. Напр. Житіе Адамова і Еввино; жертва, приносимая к Б(о)гу Авраамовы заповѣди; о Моисеевѣ законѣ; о жертвѣ Илиі прор(о)ка о жертвѣ идолской; о средѣ и пятцѣ, о крестномъ знаменіи, начало царства антихристова, проклятіе на двоверстное сложеніе и др. Наконецъ, въ самомъ концѣ почти (лл. 88—90) помѣщаются занимающіе наше вниманіе тексты. Въ оглавленіи сказано: „Тогда явится ц(а)рь славы с' силою листъ 88. О картофѣ, от чего расплодился, листъ 89. О чаю и табакѣ, о одѣжде, листъ 90“. (Называю сп. K₁).

4) Рукописный сборникъ библ. Казанской Дух. Акад. Хр. Кат. № 2084 (прежніе: № 65, къ № 32, 26), въ 8-ку, разными полууставными почерками XIX в. на 320 лл. Содержаніе сборника—всевозможныя выписки—изъ Стоглава о крестномъ знаменіи, изъ Евангелія, Номоканона, Златоуста, Златого Бисера, Катехизиса, Патерика, Мессіи праведнаго, слова Ипполита объ антихристѣ и мн. др. Наша повѣсть приведена съ обычнымъ заглавіемъ на лл. 313—315 об. (Называю списокъ K₂).

¹⁾ Правосл. Собес. 1867, II стр. 71.

²⁾ См. Н. Петровъ. Опис. рукоп. собраній, находящихся въ г. Киевѣ, вып. I. М. 1891 стр. 115. Петровъ ошибочно считаетъ данную повѣсть повѣстью о табакѣ и относитъ списокъ къ XIX в. Невнимательность Петрова подрываетъ кредитъ его даты. Поэтому предпочитаю дату акад. В. Перетца. Приобрѣтена рукопись № 67 Макаріемъ отъ частнаго лица, хотя и неизвѣстно точно отъ кого и гдѣ (см. опис. стр. 1).

³⁾ Легенды о происхожд. картофеля, стр. 93.

Естественный и первый вопросъ при изученіи повѣсти—вопросъ объ ея текстѣ. Даже поверхностное ознакомленіе съ изданнымъ текстомъ у акад. В. Н. Перетца, приводитъ къ заключенію, что изданіе даетъ текстъ весьма неисправный. Поэтому обращаюсь къ восстановленію первоначальнаго вида текста первой повѣсти.

Для восстановленія текста первой повѣсти я располагаю, какъ указано уже, тремя списками—PK₁K₂.

I. Всѣ три принадлежатъ къ одной редакціи, т. е. буквально совпадаютъ въ большей части текста.

II. Ни одинъ изъ списковъ PK₁K₂ не восходитъ къ другому, т. е. каждый имѣетъ слишкомъ характерныя индивидуальныя варіанты: П—вар. 1, 6, 8, 9, 18—19, 27, 34; K₁—вар. 3, 4, 7, 14—15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 24—25, 33, 35, 38, 39, 46, 47; K₂—вар. 2, 5, 6, 11, 12, 13, 14, 26, 29, 32, 36, 40, 42, 45, 48.

III. Взаимоотношенія списковъ опредѣляются слѣдующими группами варіантовъ: PK₁K₂ разбиваются въ варіантахъ на двѣ группы—K₁ и PK₂. Наиболѣе характерныя примѣры слѣдующіе:

K ₁	PK ₂
1. по дворамъ (вар. 37)	по дворамъ <i>садить</i>
2. Царь (вар. 3)	<i>Бысть</i> царь
3. <i>Это было в древнія года</i> (14—15)	<i>Въ древнія лѣта было</i>
4. всемъ на пагубу <i>человѣкомъ</i> (18)	всемъ на пагубу
5. собирать <i>цвѣты</i> (21)	собирать <i>траву</i> , цвѣты
6. <i>принося</i> своему врачу (23)	<i>принесе</i> своему врачу
7. <i>и приказалъ</i> показать <i>мѣсто и стали</i> <i>дное</i> мѣсто раскапывать (24—25)	П: <i>и приказалъ</i> показать (л. 59 об.) и мѣсто раскапывать. K ₂ : <i>и приказалъ</i> (л. 315) и мѣсто раскопати
8. расплодился (38)	распространилась.

Другіе менѣе значительныя случаи вар. 4, 7, 16, 17, 20, 22, 33, 35, 39, 46, 47. Группа варіантовъ PK₂ указываетъ на вѣроятность между оригиналомъ повѣсти и PK₂ общаго для послѣднихъ посредника, отъ котораго не зависитъ K₁. Особенно цѣненъ вар. 24—25, который для PK₂ даетъ гаплографическую ошибку. Назвавъ посредника Z, получимъ такую схему списковъ:

Текстъ I повѣсти.

IV. Обращаясь къ реконструированію текста первой повѣсти, мы видимъ, что согласно схемѣ текстъ списка K₁ можетъ быть ближе

къ оригиналу, а если принять во внимание, что онъ яснѣ передаетъ содержаніе повѣсти и что чтенія PK_2 мѣстами болѣе испорчены, то признаю, что онъ и *долженъ* быть ближе къ оригиналу ¹⁾. Поэтому текстъ сп. K_1 считаю основнымъ и кладу въ основу изданія. Мѣстами исправляю его по другимъ спискамъ. Именно, въ вариантахъ 3, 4, 23, 35 и 37 вношу поправки изъ PK_2 , какъ чтенія, поддерживаемыя двумя списками и исправляющія очевидные lapsus'ы списка K_1 . Что касается слова „держа“ (вар. 5), которое вношу по K_2 , то предпочитаю его какъ болѣе архаичную форму, хотя, конечно, такая замѣна для текста XIX вѣка не обязательна. Относительно слова „нашли“ (вар. 27), которое я беру изъ П, то предпочтеніе сдѣлано въ угоду большей ясности смысла, но возможно, что въ оригиналѣ стояло „пошли“ (какъ въ K_1K_2). Тоже и о вар. 28, гдѣ могло быть и слово „быліе“: я конфектирую это мѣсто словомъ „бѣлые“ по ассоціаціи „жили“ съ бѣлыми корешками картофеля.

Такъ восстанавливается текстъ I повѣсти. Что касается вариантовъ списковъ, то они всѣ плодъ механической переписки.

3.

Вторая повѣсть извѣстна была до сихъ поръ въ одномъ пересказѣ и одномъ списокѣ, именно:

1) Пересказана повѣсть тѣмъ же анонимомъ въ „Правосл. Соб.“ ²⁾.

2) А. Назаревскій нашелъ списокъ ея въ Архивѣ Св. Синода въ 1605, въ листѣ, на двухъ листкахъ, скорописью XIX вѣка, и издалъ въ Рус. Фил. Вѣстн. 1911 г. стр. 20 съ ошибками: напечатано каятся 20¹⁶—надо читать—кл(ан)ятся; напеч.—неверному дѣланію 20²²—надо чит.: скверному дѣланію; напеч.—прощения 21⁷—надо чит.: прощенье (Называю списокъ А) ³⁾.

Мнѣ удалось найти еще четыре списка этой *второй* повѣсти, именно:

3) Въ библіотекѣ Казанской Дух. Акад. среди полузабытыхъ листовъ и тетрадокъ, происхожденіе коихъ неизвѣстно, но какъ можно догадываться по сургучнымъ печатамъ на нѣкоторыхъ „Семеновскаго нижняго земскаго суда“, „Святѣйшаго Правительствующаго Синода“, „Неклюдово-Воскресенск: ц: нижегород: епарх: с“ восходящихъ къ раскольникамъ поволжскаго края, попались мнѣ тексты, относящіеся къ легендамъ о происхожденіи картофеля. Писаны они на тетрадѣ въ 4-ку. Почеркъ по типу полууставный XIX в., но весьма малограмотный. Тетрадь имѣетъ четыре листа, нумерованные каждый внизу справа. Текстъ занимаетъ 3 листа. Малограмотной рукой сдѣланы записи: наверху 1-го листа „Ни подобаѣтъ сем...“ ⁴⁾ спис... ⁴⁾ читать, пусто пи-

¹⁾ Есть нѣсколько странное сочетаніе вариантовъ, именно: PK_1 въ вар. 2 и 5 противопоставляются K_2 чтеніями, какъ кажется ошибочными въ PK_1 ; или K_1K_2 въ вар. 27 противопоставляется П также кажется общей для K_1K_2 —ошибкой. Это даетъ нѣкоторое основаніе возводить K_1 , П, K_2 и совершенно независимо къ оригиналу. Общая гаплографическая ошибка П и K_2 не препятствуетъ этому, ибо въ обоихъ сп. (П и K_2) могла произойти независимо, т. е. въ обоихъ она находится при переходѣ со страницы на страницу. Т. обр. до новыхъ списковъ точная генеалогія списковъ затруднительна.

²⁾ Правосл. Собес. 1867 II стр. 73.

³⁾ Раньше А. Назаревскаго описанъ у А. Никольскаго. Опис. ркп. хранящ. въ Арх. Св. Синода. II в. I стр. 428.

⁴⁾ Концы словъ неразборчиво.

сано“ ¹⁾; пониже новымъ почеркомъ записано: „Глупость“; на об. 3 л. запись вверхъ ногами тоже крайне неграмотной рукой „Сия книга синбиркой (позже первая 4 буквы исправлены на Симб. А. Н.) губернии Касуняго (sic) уезда села Устерень помещика Николая Степановича Кораткова 1851 года мѣсяца ноябрю 2 числа милостивому моему Государю Егору, Егору (?) Кратаеву“. На об. 4 л. „Милостивому моему Государю Егору Григоріеву жилаю добраго здаровья“. Возможно, что именно по этому списку пересказана повѣсть въ „Правосл. Собес.“, но точно установить это нельзя, м. пр. и потому, что анонимъ приводитъ текстъ по „сборнику“, тогда какъ рассматриваемый текстъ есть лишь тетрадка въ 4 лл. (Называю этотъ списокъ К). Нынѣ эта ркп. подъ № Доп. № 1.

4 и 5. Въ собраніи А. А. Титова (нынѣ въ Росс. Публ. Б.) № 1453 (Охр. Кат. 2255) небольшая рукопись, въ 8-ку, писанная полууставомъ XIX вѣка на 2+5+1+4+3 лл., т. е. состоитъ изъ двухъ сшитыхъ тетрадокъ. На обложкѣ I-й тетрадки записано: „Притча о картофелѣ“ и помѣтка кажется библіотекаря о принадлежности ркп. Павлу Мельникову. На л. 2 сверху „Милостивомо (sic) моему“, внизу: „Приобрѣтено въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. 1849 г.“. Съ 3-го листа начинается текстъ: „Притча о картофии выписана изъ книги Пандока глава вѣдцать (sic) 5 о хранительномъ были от дуба“. За текстомъ конецъ 7 л., 7 об., 8—чистые. На л. 8 об. „Вопросъ: что радощнее всего на свету. Отвѣтъ: радощнее всего на свѣту свѣтлое Хр(и)стово Воскресеніе. В(о)просъ: что хуже всего человѣку на свѣту. Отвѣтъ: хуже всего человѣку бесъ покаянія оумреть“. Съ л. 9 по 12 еще списокъ повѣсти почти тождественный съ первымъ, совпадающій съ нимъ даже въ ошибкахъ. Заглавіе этого второго списка: „Притча о каргоффе выписана изъ вѣги Пандока глава 25 о хранительномъ были от дуба“. Об. 9 л. чистый, т. е. писецъ перескочилъ на л. 10. Послѣ текста пробы пера: „Христосъ воскрес“, „Степанъ писалъ ета писала Степанъ Степанъ писалъ ета Степанъ“. Листъ 12 об.—чистый. На л. 13: „1848-го года мартъ“, лл. 13 об.—15 об. чистые. Рукопись въ картонномъ синемъ переплетѣ. на об. верхней корочки—сигнатура: „Библіотека П. И. Мельникова №“. (Списки этой рукописи называю—первый— T_1 , второй— T_2). ²⁾

6) В собраніи же А. А. Титова есть еще ркп. № 1454 (Охр. кат. № 1064) въ 8-ку, на 1+9+3 лл.; писанная полууставомъ XIX в. Большую часть рукописи занимаетъ текстъ: „Выписано изъ книги Пандѣкта о хранительномъ бѣліи картоѣи всякому христианину подобаѣтъ хранигися отъ сегдъ бѣлія“. Листы 10 и 11 чистые, на 11 об.—12 позднѣе скорописью выписка изъ Кирилловой книги о молитвѣ. л. 12 об. написано два слова: „Книга небеса“. Рукопись въ картонномъ переплетѣ. (Называю списокъ Н) ³⁾.

¹⁾ Два слова неразборчиво.

²⁾ А. Титовъ. Описаніе славяно-русскихъ рукописей А. Титова, подъ № 1453. Упомянутъ этотъ списокъ также у В. Г. Дружинина. Писанія русскихъ старообрядцевъ Спб. 1912 № 542.

³⁾ Тамъ же, подъ № 1454.

Для изданія повѣсти пользуясь только списками, оставляя въ сторонѣ пересказъ, т. е. онъ ничего новаго въ содержаніе повѣсти не вноситъ.

Обращаюсь къ восстановленію текста II повѣсти. Пока сличаю лишь ту часть всѣхъ списковъ, которая начинается съ начала текста, а кончается словами: „Богу нашему слава, ныне и присно и во веки вѣкомъ аминь“ (по сп. Н). То, что слѣдуетъ дальше въ большинствѣ списковъ въ тексту повѣсти, какъ показано будетъ ниже, не относится. Итакъ передъ нами НКТ₁Т₂А. Всѣ пять принадлежатъ къ одной редакціи, что доказывается общимъ содержаніемъ и буквальныймъ тождествомъ отдѣльныхъ частей текста. Но тождество не полное. Характеръ различій выяснится изъ сличенія, главная цѣль котораго выявить въ предѣлахъ возможности первоначальный видъ текста повѣсти.

Типичнымъ текстомъ является текстъ списка Н, поэтому его кладу въ основу изданія. Чтобы восстановить архетипъ списковъ, т. е. текстъ, приближающийся къ тексту повѣсти, рассмотримъ варианты.

I. Прежде всего списки НКТ₁Т₂А разбиваются на двѣ группы, на Н и КТ₁Т₂А. Съ одной стороны КТ₁Т₂А имѣетъ по отношенію къ Н:

1) пропуски: напр.:

Н	КТ ₁ Т ₂ А
Прежде <i>всѣхъ</i> нача кланятися из <i>нихъ</i> старейшии (вар. 35, 35—36) потомъ второй <i>нача</i> кланятися (39)	прежде старшай (Т ₁ Т ₂ А—старейшина) потомъ (А—доб. же и) второй кланятися (Т ₁ Т ₂ —кланяшеса; А— <i>нѣтъ</i>).
<i>от сего места</i> и расплодися (125—126).	расплодися (А—расплодиша, К—приплодися).

Другіе подобные случаи пропусковъ см. вар. 4—5, 18—19, 29—30, 34, 35, 45—46, 54, 62, 72, 78, 83, 89, 106, 116, 133, 160—161, 164, 14—15,

2) *перевраза*: напр. Н: повесть (вар. 3)—КТ₁Т₂А—притчу; Н: со други (65)—КТ₁Т₂А с другими; Н: скороните (95)—КТ₁Т₂А: покороните; Н: во *всѣхъ* земляхъ (127—128)—КТ₁Т₂А—по *всей* земли; Н: после смерти (155)—КТ₁Т₂А: по смерти; ср. также вар. 157—158, 165, 170, 9. 20.

3) *перестановки*: напр.: Н: п(а)р(е)мъ и б(о)г(о)мъ (46—47)—КТ₁Т₂А: богомъ и царемъ; ср. также вар. 11, 13—14, 156, 193—194.

Такимъ образомъ Н не восходитъ къ группѣ КТ₁Т₂А. Съ другой стороны и КТ₁Т₂А не восходитъ къ Н, т. к. КТ₁Т₂А имѣютъ чтенія, отсутствующія въ Н: напр.:

Н

КТ₁Т₂А

кому быть из нихъ богомъ и царемъ и начаша единъ по единому (31)

кому быть (А—*нѣтъ*) богомъ и царемъ (А—бога и царя) *и поставиша* (К—поставили) *свещу посред(и)* (А—среди) *себя* (Т₁Т₂А—*капища*, А *доб.* каждому пасти поставленъ предъ своею свещею; *и от* (А—пред) *кого* (Т₁Т₂—кого; А—которымъ ихъ) *загорится* (А *доб.* затлейтся) *свеща* (А—*доб.* и) *тому б(о)гомъ и царемъ быть* (А—и тотъ будить царь и богъ; Т₁Т₂—тому и быть царемъ и богомъ) и *начаша* *единъ по единому* (К—едином).

Такимъ образомъ Н и КТ₁Т₂А не зависятъ другъ отъ друга и слѣдовательно восходятъ къ общему источнику.

II. Если назовемъ Х протографъ КТ₁Т₂А, то необходимо установить отношеніе къ Х отдѣльныхъ списковъ. КТ₁Т₂А разбиваются снова на двѣ группы на К и Т₁Т₂А. Последняя группа противопоставляется К:

1) Пропусками, которые въ Т₁Т₂А—ошибочны:

К	Т ₁ Т ₂ А
собралися (=16 (=Н	<i>нѣтъ</i>
почитать <i>его</i> (=51) (=Н	почитати
<i>яко</i> столпъ <i>трава</i> (111 и 112) (=Н	столпъ
трижды <i>анагемы</i> <i>придоми</i> (=предаша, вар. 166, 167)	трижды
<i>и(ы)не и присно и</i> во веки 209—210) (=Н)	во веки.

2) *перевраза*ми:

К	Т ₁ Т ₂ А
едино (20)	единомъ
посред(и) <i>себя</i> (31 ^a)	посреди (А среди) <i>капища</i>
старшай (37 и 52)	старейшина
призываетъ (90)	приказывати
когда (92) (=Н)	егда
святые (162—163)	вернии христианни
см. также вар. 63, 154.	

3) *Перестановкой*: К—своем(у) *скверном(у)* закон(у) *и* делу (=Н)—Т₁Т₂А: *своему* закону и *скверному* делу.

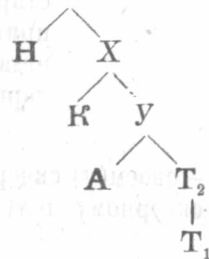
Разсмотрѣнные варианты показываютъ, что ни **К** не могъ произойти отъ **T₁T₂A**, ни наоборотъ. Остается предположить, что **К** и **T₁T₂A** произошли отъ **X** независимо другъ отъ друга.

III. Разсмотрю теперь группу **T₁T₂A**. Она снова разбивается на двѣ, на **T₁T₂** и **A**. Что **T₁T₂** не могутъ восходить къ **A**, какъ и наоборотъ, это несомнѣнно, ибо списокъ **A** имѣетъ такія крупныя индивидуальныя отличія какъ напр. въ вар. 133—153, гдѣ **T₁T₂** даютъ: „наипаче в книгѣ Баронъ речено: во осмы вѣкъ возлюбятъ губину раьше картофе(й) царие и еще иноцы ѿ въ монастырахъ и въ пустыняхъ и расплодѣца по всемъ странамъ проклятое зелье и не будетъ родитиса хлебъ и всякое овое ие и будѣтъ гладъ и нужда потомъ смерть“, въ **A** читаемъ: „И тако возлюбѣша священническій чинъ та же и мирскій народы будить первая трава въ монастыре и пустыняхъ. Аще въ которой стране расплодѣтъ людѣе сѣе проклятое зелье, то въ той стране не будить плода пошеницы и всякаго овоецѣ не будить и нужда, а потомъ смерть“. Другія разночтенія **T₁T₂** и **A** подтверждаютъ выставленное положеніе (см. вар. 6—7, 9, 10, 17, 18, 31, 40, 58—60, 66, 77, 91, 104—105, 110, 124, 129, 173, 175, 177, 178—181, 184). Поэтому признаю, что **A** и **T₁T₂** восходятъ къ протографу группы **AT₁T₂** (назову его „у“) независимо другъ отъ друга.

IV. Наконецъ, остались списки **T₁** и **T₂**. Они почти буквально тождественны и потому всегда въ вариантахъ къ другимъ спискамъ выступаютъ въ парѣ. Всѣ разночтенія между **T₁** и **T₂** сводятся къ слѣдующимъ: отсутствіе въ **T₂** ошибки въ цифрѣ заглавія (ошибка имѣется въ **T₁**); дальше: **T₁**: повѣдать (вар. 2)—**T₂**: повѣдати; **T₁**: Алексей (9)—**T₂**: Анексей (послѣднее ближе къ правильному Анексій); **T₁**: нарече (122)—**T₂**: і нарече; **T₁**: и будетъ (вар. 149)—**T₂**: но будетъ (=Н); въ **T₂** отсутствуетъ ненужное словечко сеі, имѣющееся въ **T₁** (вар. 28). Въ остальныхъ чтеніяхъ **T₁** и **T₂** тождественны. **T₁** и **T₂** переплетены въ одной рукописи, и, значитъ, могли быть списаны одна съ другой; при этомъ варианты **T₁** есть отклоненія, т. е. въ данныхъ мѣстахъ чтенія **T₂** вѣрнѣе, наконецъ, оба списка имѣютъ почти тождественную орфографію и даже въ одномъ мѣстѣ оба перечеркиваютъ неправильно вписанныя слова. Поэтому не вижу препятствій считать **T₁** спискомъ съ **T₂**. Съ этимъ согласуются и даты списковъ (см. выше). На второй тетрадѣ значится 1848 годъ, тогда какъ годъ приобрѣтенія 1849 м. б. обозначаетъ и время написанія перваго сп., т. е. поставленъ на первой тетрадѣ.

V. Такимъ образомъ въ результатѣ анализа списковъ **HKT₁T₂A** мы получили такую ихъ генеалогическую схему:

Текстъ II повѣсти.

Эта схема вполне объясняетъ всѣ наличные типы комбинацій вариантовъ, которые имѣются въ критическомъ аппаратѣ, въ частности варианты **KT₁T₂**, противопоставляемые или **A** или **H** или **АН** (напр. вар. пропуски 21^a, 49, 56, 120, 143, 144—145, 146, 152, 153, 197—198, 200, 204, вставку 186, перефразы 6—7, 8, 22—23, 40—41, 58, 59, 69, 114—115, 118, 123, 174 и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ эта схема даетъ возможность приступить къ восстановленію текста повѣсти. Обращаюсь къ этой работѣ.

VI. Изъ генеалогической схемы списковъ мы видимъ, что списокъ **H** пережилъ менѣ сложную исторію и, слѣдовательно, долженъ сохранять наиболѣе близкій къ первоначальному виду повѣсти текстъ. Дѣйствительно, всматриваясь въ варианты критическаго аппарата, мы можемъ смѣло сказать, что сравнительно со всѣми другими списками, **H** поразительно исправный. Поэтому работа реставратора должна свестись къ поправкамъ сп. **H** по вариантамъ изъ другихъ списковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возникаютъ сомнѣнія въ правильности чтеній **H**.

1) Варианты **X** т. е. **KAT₂T₁** такихъ поправокъ въ **H** даютъ мало, т. е. внесеніе въ **H** чтеній въ родѣ „притчу“ вмѣсто **H**—„повѣсть“ (вар. 3) и т. п. не могутъ имѣть достаточнаго оправданія. Еще меньше оправданія нашли бы поправки—пропуски въ текстѣ **H** вродѣ группы I, 1. Поэтому всѣ пропуски текста **KAT₂T₁** считаю (привда, не категорически) искаженіемъ подлиннаго вида повѣсти, которое возникло въ **X**.

Что касается вставокъ, которыя можно сдѣлать въ **H** на основаніи **KT₁T₂A**, то я останавливаюсь на двухъ: вар. 31—31^a несомнѣнно представляетъ для **H** гаплографическую ошибку, поэтому я вношу въ **H** такое дополненіе: *і поставиша свещу посреди капища і от коего загорится свеща тому боюм и царемъ бытъ*. Затѣмъ въ вар. 189 добавляю къ **H**—і. Затѣмъ считаю болѣе удачными для текста повѣсти, чтенія въ вар. 57 како вм. какъ, и перестановку въ вар. 11, какъ болѣе близкую къ логическому теченію мысли.

2) Считаю нужнымъ внести поправки изъ **T₁T₂**. Схема допускаетъ возможность, что **T₁T₂** донесли чтенія подлинника повѣсти въ болѣе высокой сохранности. Таковы: въ вар. 11 слово „во еллинахъ“ вмѣсто „во еллинахъ“ списка **H**; въ вар. 177: „а кой“ вмѣсто „аки“, первое гармонизируетъ съ дальнѣйшимъ относит. мѣстоим. „той“ въ вар. 209 полагаю, что конецъ **T₁T₂** слава *отцу и с(ы)ну и святому д(у)ху* есть отраженіе подлинника повѣсти, ибо окончаніе, т. е. „и нынѣ“... находится въ другихъ спискахъ. Во всякомъ случаѣ необычность конца **T₁T₂**—бросается въ глаза, а въ **H** слова недостають.

3) Дальше вношу поправки: изъ **AK** вар. 17: шесть вм. 6; изъ **K** вар. 87: *доб. разболеся*, какъ прочнѣе объясняющее причину завѣщанія старшаго еллина; вар. 180 *доб.: что грехъ ясти, да;* это мѣсто въ **H**—очевидный пропускъ, и нѣтъ основаній возражать противъ чтенія **K**. Можетъ быть слѣдуетъ также внести изъ **A** вар. 163—163^a слова: *сѣе мерское зелье*.

4) Остается вопросъ о заглавіи, но представить себѣ точно его текстъ въ деталяхъ трудно, ибо списки ничѣмъ не обнаруживаютъ воз-

возможности предпочесть одно передъ другимъ. Поэтому оставляю заглавіе для повѣсти изъ сп. Н.

Такимъ образомъ считаю текстъ второй повѣсти о происхожденіи картофеля восстановленнымъ, а исправность сп. Н. даетъ полную увѣренность, что мы имѣемъ текстъ очень близкій къ его первичному виду.

VII. Прежде чѣмъ заняться однако изученіемъ нашей повѣсти, надо покончить еще съ однимъ вопросомъ, связаннымъ съ текстомъ его. Именно, каково значеніе остальныхъ списковъ кромѣ Н? Не привлекаютъ ли варианты ихъ спеціальнаго вниманія изслѣдователя? Въ нѣкоторомъ отношеніи да. И прежде всего надо замѣтить, что всѣ четыре списка КАТ, Т, въ какой то одинъ моментъ, который я въ генеалогической схемѣ назвалъ X, претерпѣли нѣкоторое отклоненіе отъ первичнаго вида. Это отклоненіе нѣтъ однако оснований считать творческимъ актомъ послѣдующихъ мультипликаторовъ текста. Большею частью это чисто механическіе пропуски. Поэтому списки КТ, Т, А и невозможно считать особой редакціей повѣсти. Зато въ дальнѣйшей жизни X, т. е. подъ руками дальнѣйшихъ переписчиковъ мы можемъ замѣтить кое-что интересное. Текстъ повѣсти не всегда служитъ объектомъ только мертвой механической переписки, онъ живетъ хотя и медленной, но животрепещущей жизнью. Пробѣгаю по спискамъ въ ихъ индивидуальныхъ отклоненіяхъ отъ повѣсти:

1) Т, Т, — это близнецы и вышли изъ подъ пера механическаго переписчика, поэтому о нихъ сказать нечего. Все варианты Т, Т, къ тексту повѣсти указываютъ на механическіе пропуски (вар. 17, 40, 61, 68, 75, 98, 99, 102—103, 104—105, 130, 130^а, 134, 144, 191—192, 201—202, 207—208, 210—211), перестановки (вар. 80, 77, 195—197), перефразы (вар. 79, 85—86, 97, 100, 110, 129, 167—168, 173, 175, 179, 178—181, 184, 192—195), подчасъ безспорно ошибочные (вар. 140, 186, 187), или, наконецъ, вставки ничего не вносящія существеннаго въ текстъ (вар. 131, 157, 163, 204). Огромное большинство вариантовъ мелкіе.

2) Списокъ Н, какъ выше указано, исправенъ и его варианты сводятся къ тѣмъ немногимъ продуктамъ механическаго письма, которые исправлены выше.

3) Зато списокъ К даетъ варианты, кромѣ механическихъ (пропуски вар. 43, 63, 74, 80, 84, 85, 96—101, 129—130^а, 141—142, 150, 151, 178; перефразы 9, 20, 32, 27, 52, 61, 67, 70—71, 85—86, 101—102, 112, 114, 127, 129, 133—134, 166, 167—168, 177, 182, 192—195, 206, 207—208, изъ нихъ есть опредѣленные ошибки—33, 90, 167; перестановки 16—18, 111, 124, 175—176 и вставки—91, 185, 151, 136, 139) еще иного порядка. Въмѣсто грамматическихъ формъ болѣе архаичнаго типа въ текстѣ повѣсти—сп. К даетъ болѣе новый видъ ихъ. Такъ: Н: собрашася (вар. 16)—К: собралися; Н: начаша (26)—К: стали; Н: загореса (42)—К: загорелася; Н: удившася (107)—К: удивилеса; Н: собрашася (162)—К: собралися. Можетъ быть того же порядка infin. въ К на —ть вмѣсто —ти въ Н (см. вар. 27, 50, 73). Во всякомъ случаѣ, не переоцѣнивая значеніе этихъ вариантовъ, я все же полагаю, что въ сп. К мы имѣемъ текстъ

слегка подновленный въ отношеніи грамматическихъ формъ. Гораздо болѣй интересъ представляютъ два смысловыхъ варианта въ К: *первый*: Н: вѣрнии хри(сти)анстии учителяе (162—163)—К: с(вя)тыя: нѣтъ ли здѣсь стремленія писца К подчеркнуть авторитетность проклятія картофеля? *Второй*: Н даетъ въ заключеніи: „Сего ради убоимся... отступимъ... покаемся и станемъ чисти“, К—связываетъ это заключеніе съ предшествующей фразой, которая говоритъ о томъ, кто что *получитъ*, если будетъ ѣсть картофель: К: убоится... отступить... покается, станитъ чист... Я не сомнѣваюсь что этотъ вар. въ К—безсознательный, но онъ важенъ, т. к. придаетъ тексту совершенно иную психологическую окраску, иной фонъ. Если Н связываетъ читателя съ личностью автора повѣсти (формы 1 лица) на почвѣ поученія и сообщаетъ *персонально* дидактическій характеръ, то К,—вѣроятно же всего безсознательно для писца, превращаетъ этотъ характеръ въ обстрактно дидактической (формы 3 лица) и переводитъ повѣсть—поученіе въ повѣсть—разсказъ. Т. обр. въ списокъ К я вижу элементы послѣдующаго момента естественной жизни текста повѣсти. Это не новая редакция, но вариантъ съ микроскопической долей новаго значенія, какъ результата новаго подхода къ повѣсти со стороны читателя или переписчика.

4) Остается сп. А, дальше всѣхъ отошедшій отъ первичнаго вида повѣсти. Проходя снова мимо механическихъ вариантовъ (пропуски—24, 40, 45, 53, 55, 108, 113, 174, 183, 185—188: перефразы—11, 13—14, 21, 22, 22—23, 44, 77, 79, 82, 85, 85—86, 93, 96, 96—102, 104—105, 109, 114—115, 117—119, 123, 127, 129, 129—130^а, 131—132, 162, 167—168, 169, 170—171, 173, 175, 177, 178—181, думаю что механиченъ и большой пропускъ въ концѣ А—вар. 195—207: перестановки 49, 171—172, 184; вставка 190) обращаю вниманіе на слѣдующіе:

Текстъ повѣсти.

Бысть въ царст(в)е царя Анепсия
(6—7, 9)

шесть мужей (18)
избирати между себе, кому быть
изъ нихъ богомъ и ц(а)ремъ і поставиша свещу посред(и) капища
і от коего загорится свеща (28—30)

потомъ (38)
абие загореса (40—41)
како азъ не почитаемъ вами и не
почтиша мя 57, 58—60)

не посоветова со други своими (66)

почитати, яко же и прежде (73)

сп. А.

Во время [оно] при царе Онисии

шесть друзей
избирати между собою бога и царя:
и поставиша свещу среди капища
каждому части поставленъ предъ
своею свещею и предъ которыми
ихъ загорится затлеится свеща...

потомъ же и
предъ ними загореса
како тако азъ отъ васъ на свети
больши есмь дай то мне неделю
цар(с)товати надъ ними
посоветова съ другими своими
товарищами

почитати тако, яко же и прежде

когда я умру (91)
и раскопаша (114)
израсте сие морское зелье и наре-
чено (119—123)

Еще наипаче в книге Барони ре-
чено бысть: на осмый векъ возлюбить
ч(е)л(о)в(ѣ)цы губину, ревше карто-
оеи пари и князе и св(я)щеницы
и в м(онасты)рехъ и в пустыняхъ и
расплодятся по всемъ странамъ про-
клятое сие зелье картооеи иза сие не
будеть изобилно родится хлебъ и
всякое овощие; но будетъ гладь и
нужда потомъ и смерть (133—153).

Я полагаю, что всѣ эти варианты въ А возникли какъ резуль-
татъ осмысленія испорченныхъ мѣстъ въ оригиналѣ писца А или глубже
въ оригиналѣ протографа на пути между А и У. Передъ писцомъ былъ
не совсѣмъ удобопонятный мѣстами текстъ, и онъ поневолѣ порой дол-
женъ былъ его исправлять и осмыслять, внося, конечно, далекія отъ
первичнаго вида текста конъектуры. Т. обр. въ сп. А мы имѣемъ также
текстъ съ сознательнымъ вмѣшательствомъ читателя-писца, хотя это
вмѣшательство чуждо какой-либо тенденціи.

Какъ число списковъ, такъ и обиліе механическихъ искаженій
текста по спискамъ, и особенно свидѣтельства о производившихся прав-
кахъ текста и подновленіяхъ свидѣлствуютъ о крупной популярности
памятника. Это тотъ послѣдній выводъ, который мы извлекаемъ изъ
критики текстуральной стороны памятника.

4.

Получивъ тексты обѣихъ повѣстей, перехожу къ ихъ дальнѣй-
шему изученію.

I. Вчитываясь въ текстъ *первой* повѣсти, мы видимъ въ ней слѣ-
дующій планъ.

I. Разсказъ о блудодѣянн царской дочери со псомъ.

II. Пророчество о появленіи чего-то (д. б. картофеля) на пагубу.

III. Собираніе травы для врача.

IV. Растеніе изъ трупа блудницы.

V. Испѣленіе разслабленнаго.

VI. Разсказъ о распространеніи картофеля по свѣту.

Принимая во вниманіе этотъ планъ, мы приходимъ къ положе-
ніямъ, что: 1) не всѣ мотивы первой повѣсти имѣютъ внутренне моти-
вированную спайку, напр. II-й влиняется въ повѣсть непонятно и не
къ мѣсту; въ этомъ обстоятельствѣ я усматриваю моментъ механичности
въ работѣ составителя повѣсти, т. е. нѣкоторое указаніе на ея книж-
ное происхожденіе; 2) имя царя Мамера чисто книжное и взято, какъ
указалъ еще акад. В. Н. Перетцъ¹⁾ изъ „Слова о 12 снахъ Шаханши“;

¹⁾ Легенды о происх. картофеля, 97.

популярнаго м. пр. и у старообрядцевъ; 3) наконецъ, языкъ повѣсти
опредѣленно книжный: дщерь, ю, полата, обрѣте и др.

Все это побуждаетъ считать повѣсть не записью народной леген-
ды, а произведеніемъ литературы письменной.

II. Структура *второй* повѣсти отличается болѣе глубокимъ и про-
думаннымъ планомъ, но за то большей сложностью. Части здѣсь крупнѣе
мотивы разработаны болѣе полно и обстоятельно. Планъ такой:

I. Вступительное обращеніе къ „братіи“.

II. Разсказъ о происхожденіи картофеля изъ трупа человека:

а) избраніе бога и царя путемъ самозажигающейся свѣчи,

б) смерть чернокожника, обойденнаго избраніемъ,

в) растеніе изъ трупа чернокожника,

г) разсказъ о распространеніи картофеля по свѣту.

III. Ссылка на авторитетъ книги Баронія и христіанскихъ учи-
телей въ запрещеніи картофеля.

IV. Заключительное обращеніе къ „братіи“ отступить отъ прокля-
таго зелья.

Эта структура интересна въ нѣсколькихъ отношеніяхъ: 1) она
изобличаетъ наличность въ повѣсти строго продуманнаго искусственнаго
плана, противопоставляясь т. обр. искусственностью построенія обычно
простой схемѣ легенды устно-народныхъ; 2) введеніе цѣлаго отдѣла
ссылки на авторитеты указываетъ, что создатель повѣсти былъ чело-
вѣкъ въ какой то мѣрѣ книжный; 3) и ссылки на авторитетъ и вступ-
леніе, и особенно заключеніе рисуютъ совершенно опредѣленную и не-
оспоримую цѣль созданія повѣсти—побудить „братію“ отказаться отъ
мерзкаго зелья; 4) эта цѣль достигается съ большимъ искусствомъ:
схема даетъ гармоническое и послѣдовательное развитіе матеріала: сна-
чала предуготовленіе „братіи“ о чемъ пойдетъ рѣчь, потомъ живая ис-
торія растенія, потомъ непривлекательная для христіанина картина про-
исхожденія картофеля усиливается ссылками на угрозы якобы книжныхъ
авторитетовъ лицамъ, употребляющимъ зелье, и лишь въ самомъ концѣ
раскрываются карты—авторъ прямо призываетъ отказаться отъ „про-
клятаго“ зелья искусство-несомнѣнное; 5) наконецъ, если къ этой ис-
кусной схемѣ построенія повѣсти прибавить отдѣльныя выраженія, то
можно получить опредѣленный выводъ. Авторъ употребляетъ во всту-
пленіи и заключеніи слово „братіе“, произведеніе называетъ „повѣстью“,
въ заключеніи употребляетъ чисто книжныя выраженія „суда страшнаго
и судія грознаго“, въ первой части слово „капище“, наконецъ, грам-
матика повѣсти книжная. Все это указываетъ, что авторъ второй повѣ-
сти также былъ книжникъ и что повѣсть наша есть произведеніе книж-
но-литературное, а не устно-народное. Самый же конецъ повѣсти „Бо-
гу нашему слава отцу и сыну и святому духу и нмѣ и присно и во ве-
ки векомъ аминь“ можетъ быть даже указываетъ, что мы имѣемъ дѣло
съ литературнымъ словомъ.

III. Въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся эти двѣ повѣсти?

1) Безспорно, что ни первая не могла произойти изъ второй, ни
вторая изъ первой. Каждая имѣетъ слишкомъ различные мотивы, па-
словшіеся вокругъ основнаго обрѣтенія картофеля на трупѣ грѣшника
или грѣшницы.

2) Но между повѣстями первой и второй есть существенно общее. а) Общими являются два мотива — основной, нахождение картофеля на трупѣ (IV первой = IV второй) и второстепенный рассказ о распространении картофеля (VI = VI), б) Общими являются также нѣсколько буквальных текстуальных выражений, нѣкоторые из которых отмечены еще Назаревскимъ.

Повѣсть первая.

1. открылся в'сѣмъ на паубу
2. обрѣте траву
3. докопались до костей и вышло йс' тайныхъ будъ костей
4. и повсюду расплодился поганая картова и в Росію дошла
5. но и в' монастырехъ святыхъ осквернилось
6. Богу нашему слава

3. Поэтому заключаю, что обѣ повѣсти имѣли въ числѣ источниковъ: а) какіе то общіе и б) непременно письменные, ибо только пользование одинаковыми письменными источниками объясняетъ текстуальную близость выше приведенныхъ мѣстъ. Необходимо отыскать эти общіе источники повѣстей.

5.

Одинъ изъ этихъ общихъ для обѣхъ повѣстей источниковъ находится легко.

1. Въ большинствѣ списковъ обѣхъ повѣстей привлекаетъ вниманіе изслѣдователя странный фактъ. То передъ повѣстью (К, П), то послѣ нея (НКТ, Т₂), то и передъ и послѣ повѣсти (К₁) находятся какія то дополненія, въ которыхъ собраны замѣтки о картофелѣ, чаѣ, кофѣ, табакѣ, одеждѣ и вѣрномъ знаменіи. По характеру они напоминаютъ изреченія, поэтому я называю ихъ записями изреченій. Спрашивается, что это за дополненія къ повѣстямъ, каково ихъ происхождение, назначеніе и отношеніе къ повѣстямъ о картофелѣ. Но прежде всего позволю себѣ остановиться на ихъ текстѣ.

Изреченіе о картофелѣ — № 1 извѣстно мнѣ пока по слѣдующимъ спискамъ: 1) сп. Н; 2) сп. К; 3) сп. Т₁; 4) сп. Т₂. Наиболее исправное чтеніе даетъ Н.

Изреченіе о картофелѣ — № 2 извѣстно по тѣмъ же спискамъ. Лучшій Н.

Изреченіе о картофелѣ — № 3 извѣстно по одному сп. Н, при чемъ я считаю возможнымъ внести слово „глаголет“ по аналогіи съ предшествующими двумя №№. На этомъ изреченіи видно вліяніе изреченія № 7 (надо полагать, что изреченія о табаке старше картофельныхъ).

Изреченіе о картофелѣ — № 4 извѣстно въ слѣд. спп. 1) сп. Н; 2) сп. К; 3) сп. П¹⁾; 4) сп. К₁; 5) сп. К₂; 6) сп. Цвѣтникъ 1846 г.,

¹⁾ Изданъ А. П. Сысоевымъ у акад. В. И. Перетца. Отчетъ объ экскурсіи семин русскихъ филол. въ Кіевъ въ 1915 г. К. 1916 стр. 153.

Повѣсть вторая.

- расплодится... на паубу
израсте трава
яко от уда и от костей его.

- а) и расплодился по всемъ странамъ проклятое сие зелье картова...
б) и расплодился во всехъ земляхъ неверныхъ ... въ Росію...

возлюбить. и в м(онасты)рехъ и в пустыняхъ

Богу нашему слава.

изданный въ Правосл. Собес.¹⁾, называю этотъ сп. С. Эти 6 сп. разбиваются на двѣ редакціи: первая въ сп. Н, вторая въ остальныхъ спискахъ, при чемъ К, какъ показываютъ варианты, представляетъ что-то среднее между обѣими редакціями. Наиболее исправный сп. П ред. — К₁ за исключеніемъ вар. 6, въ которомъ правильное чтеніе дается спискомъ П. Трудно сказать, которая изъ двухъ редакцій этого изреченія болѣе первична, но несомнѣнно, что обѣ восходятъ къ общему родоначальнику.

Изреченіе о картофелѣ — № 5 извѣстно въ слѣд. спп. 1) сп. К; 2) сп. П; 3) сп. К₁; 4) сп. К₂; 5) сп. С. Эти пять списковъ я нахожу возможнымъ разбить на 4 редакціи. Наиболее типичной является видимо 1 редакція въ сп. П (съ исправленіемъ въ вар. 1 по сп. С), она же, видимо, ближе къ архетипу даннаго изреченія; 2-я редакція въ сп. К, привноситъ новый штрихъ въ содержаніе — распространяя отрицательное отношеніе не только къ картофелю („во все едино“); 4-я редакція вноситъ въ смыслъ первой моментъ погибельности („Погибель есть“); наконецъ, 3-я редакція, можетъ быть, на основѣ неправильнаго прочтенія писцомъ оригинала превращаетъ конецъ текста въ вопросительную форму. Эти отлѣнки смыслового различія между текстами и позволяютъ видѣть въ нихъ 4 редакціи, изъ которыхъ 2-я, 3-я и 4-я произошли изъ первой.

Изреченіе о картофелѣ — № 6 извѣстно въ одномъ сп. Н. Какъ показано ниже это изреченіе можно разсматривать какъ особую сокращенную редакцію II повѣсти о происхожденіи картофеля²⁾.

Изреченіе о табакѣ — № 7 извѣстно въ одномъ сп. Н.

Изреченіе о табакѣ — № 8 извѣстно въ спп.: 1) К₁; 2) изданный В. С. Манджосомъ³⁾ по ркп. собранія Михайловскаго № 544 (въ Росс. Публ. Б.); называю его М; 3) изданный А. П. Сысоевымъ по ркп. Росс. Публ. Б. Q. I № 1169⁴⁾, называю его Ф. Кромѣ этого извѣстны выписки о табакѣ по другимъ рукописямъ⁵⁾.

Изреченіе о чаѣ — № 9 мною представлено по 7 спп.: 1) сп. К; 2) сп. К₁; 3) сп. К₂ на л. 8 об.; 4) сп. М; 5) сп. въ старообрядческомъ

¹⁾ 1867 годъ, II, стр. 68.

²⁾ Есть основанія предполагать, что были и иныя еще изреченія о картофелѣ. По крайней мѣрѣ едва ли плодомъ выдумки беллетриста является нижеслѣдующій отрывокъ, напечатанный у К. Попова. Расколъ и его путеводители. Саратовъ. 1890 стр. 3: «Наставникъ читалъ: — Божественныя книги, именующія «Небеса», «Лѣтописецъ горы Синайскія», «Златая мата» и «Соборная Голубица» повѣствуютъ: аще кто ястъ грѣховный бобъ, сирѣчь богомерзкій картофель, да будетъ шестью кратъ анафематствованъ и проклятъ, яко еретикъ. И той антихристъ принесетъ сласти многи по праву чловѣкомъ. И похотный міръ возлюбятъ ихъ. И въ то плачевное время произидетъ трава, зовомая «Кортъ», отъ Пруцкія земли, отъ еретика «Офель». И аще сія двѣ реченія «Кортъ» и «Офель» соединили, то имать нарециши Картофель. Сія реченія христіанинъ пріими въ сердцѣ своемъ и зело рыдай о прелести окаяннаго; вся бо земля исполнится оныя пагубы і прельщенія. А книга «Соборная Голубица» имѣетъ вѣса 1 пудъ 30 фун.; записана она замкомъ и винтами, а кроется подъ землею». Книга Голубица м. б. тоже что Голубица? Этотъ отрывокъ крайне интересенъ, т. к. во 1-хъ старается осмыслить самое названіе растенія и во 2-хъ т. к. сохраняетъ видимо отчасти воспоминанія о пути появленія картофеля (отъ прущія земли).

³⁾ Проф. В. Н. Перетцъ. Отчетъ объ экскурсіи сем. рус. фил. въ СПб. въ 1911 г. К. 1912 стр. 98.

⁴⁾ Акад. В. Н. Перетцъ. Отчетъ... въ Кіевъ въ 1915 г. К. 1916 стр. 154.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 133 указано еще нѣсколько списковъ.

Изв. О. И. А. и 9. т. 32, в. 1.

сборникъ библиотеки Иркутской Дух. Семинаріи XLV, 1797 л. 86, изданъ проф. А. М. Селищевым¹⁾, называю сп. И; 6) сп., изданный въ „Православномъ Собес.“²⁾ по ркп. Каз. Дух. Акад. безъ №, называю его К₆; 7) сп. находящійся на 48 л. въ раскольниковъ Цвѣтникъ Библ. Каз. Дух. Ак. Доп. № 4 (бывш. № 869) въ 8-ку, XIX в. Рукопись — собраніе всевозможныхъ сравнительно небольшихъ выписокъ. Называю его К₇³⁾. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что всѣ тексты восходятъ къ одному родоначальнику, но я нахожу возможнымъ разбить ихъ все же на 3 редакціи: 1-я ред. въ спп. К₁, К₂, ИМ является наиболѣе типичной, 2-я редакція въ сп. К₄ произошла, очевидно, изъ первой удвоеніемъ проклятій, наконецъ 3-я редакція въ спп. КК₃ идетъ отъ архетипа первыхъ двухъ путемъ осложненія заголовка и прибавленія въ концѣ анафематствованій кофе и картофеля. Оговариваюсь относительно сп. К₃. Можетъ быть это тотъ же списокъ К₁ лишь подправленный издателемъ его въ Правосл. Собес. и напечатанный безъ окончанія (вар. 4—5).

Изреченіе о кофѣ — № 10 представлено мною по 5 спп.: 1) сп. К₁; 2) сп. К₂ на л. 9; 3) сп. М; 4) К₄ на л. 48; 5) К₃, однако этотъ послѣдній списокъ исключаю изъ вариантовъ, потому что издатель его въ Правосл. Соб.⁴⁾, видимо, обращался свободно съ текстомъ и придѣлалъ къ нему заголовокъ отъ изреченія о чаѣ по 3-ей редакціи. Полагаю, что такой заголовокъ отсутствовалъ специально передъ изреченіемъ о кофѣ на томъ основаніи, что этого заголовка нѣтъ ни передъ однимъ изъ спп. К₁, К₂, М, К₄, ибо изреченіе о кофѣ *вездѣ* слѣдуетъ за изреченіемъ о чаѣ и приписывать первому заголовокъ второго или общій для обоихъ нѣтъ основаній. Названные 4 спп. одной редакціи⁵⁾.

Изреченіе о крестномъ знаменіи — № 11 представлено мною въ 3 спп.: 1) сп. М; 2) сп. К₂ листъ 6; 3) сп. У (рукописный сборникъ Кабинета рус. л-ры при Казанскомъ Универс. № 1264, кон. XVIII в. 8⁰ л. 180). Каждый изъ списковъ даетъ разныя редакціи, вышедшія, конечно, изъ общаго источника и именно изъ Стоглава⁶⁾.

¹⁾ Проф. А. М. Селищевъ. Забайкальскіе старообрядцы семейскіе. Иркутскъ 1920 стр. 4. Тамъ же (стр. 29) указаны еще разсужденія «12-я ересь. чай. 13 ересь. табакъ» по ркп. Иркутской Дух. Сем. XLV.

²⁾ 1867, II стр. 171 въ анонимной статьѣ «Замѣчанія на раскольниковское ученіе о чаѣ и кофѣ».

³⁾ Этотъ сп. изданъ въ Прав. Соб. 1867, II стр. 171. Вѣроятно, имъ же пользовался и И. Добровольскій. Русскій расколъ въ его отношеніи къ церкви и правительству (Правосл. Обзор. 1862, т. VII, стр. 388), гдѣ авторъ, приводя изреченіе о чаѣ, ссылается на 48 л. ркп. Каз. Д. Ак. За Добровольскимъ повторилъ изреченія въ перифразѣ В. Андреева. Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи. Спб. 1870 стр. 135. Кромѣ этихъ списковъ то же изреченіе находится и въ другихъ спискахъ: Росс. Ак. Н. № 33. 15. 15. л. 13 об.; Росс. Публ. Библ. Собр. А. Титова № 3189 и др. (указаны А. Сисоевымъ Назв. соч. стр. 133—134 и Манджосомъ. Назв. соч. стр. 97). Наконецъ, по какой то тетради то же изреченіе о чаѣ приводится и у К. Попова. Расколъ и его путеводители. Саратовъ 1890 стр. 2. Не ввожу въ текстъ варианты К. Попова, т. к. они ничего новаго не даютъ.

⁴⁾ 1867, II стр. 174.

⁵⁾ О кофѣ изреченія въ перифразѣ есть еще у И. Добровольскаго. (Правосл. Обзор. VII, стр. 388), у В. Андреева. Назв. соч. 135.

⁶⁾ См. Стоглавъ. Казань. 3 изд. 1912 г. стр. 64.

Изреченія объ одеждѣ — № 12, 13 и 14 изданы по сп. К₁, гдѣ они на л. 91. Существуютъ и еще списки изреченій объ одеждѣ¹⁾.

Итакъ, я отмѣтилъ 14 записей изреченій запрещеній на табакъ, картофель, чай, кофе, одежду. Каждое почти изъ нихъ извѣстно въ нѣсколькихъ спискахъ, а многія въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Даже бѣглое ознакомленіе со старообрядческими сборниками убѣждаетъ, что число этихъ изреченій какъ равно и число предметовъ, которыхъ они касаются, можетъ быть весьма замѣтно увеличено. Другими словами записи изреченій были чрезвычайно популярны и распространены въ рукописяхъ. Въ какой мѣрѣ восходятъ эти изреченія къ тѣмъ авторамъ, имена которыхъ они упоминаютъ въ своихъ титулахъ? Относительно нѣкоторыхъ можно сказать положительно, что ссылки вѣрны. Напр. изреченія 11 о крестномъ знаменіи дѣйствительно взято изъ Стоглава. Но относительно большинства изреченій можно сказать, что ихъ источникомъ быть не могла. Ни Пчела, ни творенія Симеона Нового Богослова въ старшихъ редакціяхъ содержатъ изреченій о картофелѣ не могли (т. е. писаны и переведены раньше появленія картофеля въ Россіи и даже Европѣ)²⁾. Нѣтъ о картофелѣ упоминанія и у Баронія³⁾. Источникъ большинства этихъ изреченій иной, и о немъ мнѣ предстоитъ еще говорить дальше. Теперь же обращаюсь къ вопросу объ отношеніи этихъ записей — изреченій къ изучаемымъ повѣстямъ о картофелѣ.

II. Прежде всего утверждаю, что эти записи изреченій, хотя и связываются съ повѣстями о картофелѣ порой очень тѣсно въ спискахъ, но къ

¹⁾ См. напр. въ рукоп. Иркутской Дух. Сем. XLV 1822 вопросъ «о чаѣ, о табакѣ, объ одеждѣ, о брадобритіи» (проф. А. М. Селищевъ. Забайкальскіе старообрядцы семейскіе. Иркутскъ. 1920 стр. 30). Что существовали протесты противъ переодѣваній доволь, но поздно, приведу выписку изъ любопытнаго посланія къ Николаю I пономаря Василія Федорова Безсчастнова изъ Тамбовской губ. Линецкаго округа села Студеноекъ Христорождественской церкви Пономарь м. пр. сообщаетъ «... въ нашей губерніи и въ прочихъ находящаяся необыкновенныя улицы, такъ что въ разныя праздничныя дни собираемся на улицу и играемъ и пляшемъ мужеска полу и женска вкупу въ всю ночь, а ежели бракъ гдѣ случится, то также дѣвцы во время обѣда обыгрываютъ съ плясаніемъ всѣхъ, кто только за столомъ находится, а послѣ того мужіе въ женскіе платья облачаются, а жены въ мужескія и по улицамъ также играемъ и пляшемъ, еще на сошествіе Святаго Духа дѣвцы и бабы по улицамъ съ играми танца водятъ... еще на Петровъ день ежегодно на рѣлахъ качаемся еще по наученію родителей въ юности ежегодно же коледу на всюю кричатъ по окнамъ...» (изъ дѣлъ Архива Св. Синода. Копія этого посланія, къ сожалѣнію, безъ указанія мѣста хранится у проф. И. М. Покровскаго и была имъ любезно предоставлена мнѣ, за что приношу проф. И. М. Покровскому благодарность).

Запрещеніе переодѣваній также связано съ цикломъ легендъ. (См. М. Успенскій. Старообрядческое сочиненіе XVIII стол. объ одеждѣ въ Изв. огд. рус. яз. и сл. Ак. Н. 1905 г. т. X кн. 2 стр. 18 и сл.).

²⁾ Много вниманія удѣлили критикѣ этого присвоенія изреченій отцамъ церкви анонимъ въ названныхъ выше статьяхъ о картофелѣ, чаѣ и кофѣ (Правосл. Соб. 1867, II).

³⁾ Собесѣдникъ В. Дали, искавшій у Баронія запрещенія на картофель не нашелъ такого (см. стр. 24 пр. 2). Едва ли вѣрна ссылка и на Зонара въ изреченіи № 9, ибо здѣсь перебой именъ Зонара и Назарея. Существуетъ, правда, «Книга Зонаръ Со Богомъ правила св. Отецъ и апостоловъ соборъ о епископѣхъ и о мнѣсѣхъ, и о мірскихъ челоуѣцехъ». Печатано въ раскольниковъ типографіи (въ Библ. Каз. Дух. Ак. подъ номеромъ 93⁰ 27), но видѣть мнѣ ее не удалось (нѣтъ на мѣстѣ). Въ Румянц. сборникѣ № 374 выписка о табакѣ приписывается даже Григорію Синаиту (Востоковъ. Опис. ркп. Рум. Муз. стр. 552) и, конечно, нѣвѣрно. Между прочимъ давно замѣчено, что... одно мѣсто посланія Павла къ Евреямъ (XII 15) раскольниками отнесено къ табаку: «Смотряюще да не кто лишится благодати Божіи: да не кій же корень горести выперъ прозябавъ, пакость сотворить, и тѣмъ осквернятся мнози».

текстамъ повѣстей органически не принадлежать. Это видно изъ сравнительной таблицы расположенія записей изреченій и повѣстей по спискамъ.

*) Основываясь, что со списками ИФС я особенно не считался, т. е. чтобы точно установить расположеніе изреченій, надо идти въ рукахъ самихъ рукописей, а рѣш. ИФС у меня не было. Зато расположеніе изреченій въ спискахъ н. н. ПНКТ, Т, К, К, подробно мною по рукописямъ, а М. достаточно показывается въ изданіи.

Н ₁	Н ₂	П	Н	Н	Т ₁ Т ₂	А	М	Н ₁	И	Ф	С	Н ₂
4	4	4										
5	5	5										
8	И повѣсть (д. 313— 315 об.)	И повѣсть	II повѣсть	II повѣсть	II повѣсть	II повѣсть	—	—	—	—	—	
9	па д. 6— № 11.		1	1	1		9	9	9*	8*	4*	
10	па д. 8 об. — 9 № 9 и 10		2	2	2		10	10				
12			3	4			11					
13			4	5								
14			6	9								
расположеніе неизвѣстно.												

Эта таблица съ полной наглядностью показываетъ: 1) что записи изреченій приписывались какъ въ I такъ и во II повѣстямъ о картофелѣ; 2) что они попадаютъ и при повѣстяхъ (К, К, ПНКТ, Т, Т) и отдѣльно отъ повѣстей (МК, ИСФ); 3) обратно, что повѣсти встрѣчаются въ спискахъ въ соединеніи съ изреченіями и совершенно безъ изреченій (А); 4) что когда повѣсти бывають соединены съ изреченіями, то послѣднія комбинируются то передъ повѣстями (ПК₂), то за ними (НКТ, Т₂), то одновременно и передъ повѣстью и за ней (К₁); 5) что самое расположеніе изреченій неустойчиво, неодинаково по количеству и составу, а слѣдовательно случайно; 6) что въ сборникахъ изреченія иногда разносятся по разнымъ листамъ, изобличая ихъ особенность отъ повѣстей о картофелѣ (К₁), 7) наконецъ, на случайность сдѣлания повѣстей о картофелѣ съ изреченіями указываетъ и то обстоятельство, что въ текстахъ изреченій идетъ рѣчь не только о картофелѣ, но и о табакѣ, чаѣ, кофѣ, одеждѣ и крестномъ знаменіи; 8) съ формальной стороны на то же указываютъ киноварные инициалы, начинающіе изреченія въ нѣкоторыхъ спискахъ (напр. К₁), а, главное, обычное для старинныхъ памятниковъ окончаніе повѣсти посредствомъ „аминь“ (I-я повѣсть) и „слава и нынѣ“ (II повѣсть)¹⁾.

Итакъ записи изреченій представляютъ особые памятники письменности.

III. Но полученный выводъ важенъ особенно вотъ въ какомъ отношеніи. Обѣ повѣсти о происхожденіи картофеля, оказывается, были знакомы съ текстами изреченій. Возникаетъ вопросъ, не были ли эти изреченія тѣмъ общимъ источникомъ, которымъ пользовались составители какъ первой, такъ и второй повѣстей. Нижеприводимыя сближенія подтверждаютъ это предположеніе²⁾.

1) Первая повѣсть обнаруживаетъ несомнѣнное пользованіе текстами изреченій:

Первая повѣсть.

А в послѣдняя времена в пришествіе сопротивника закона, по седми тысящъ прихода его открытается всемъ на пагубу челоукомъ.

И зачели по дворямъ садить, и повсюду расплодилась (ПК₂—

Текст изреченій.

Изреч. № 4, 1-я ред.:... яко онъ приидеть антихристъ, противникъ Христу и принесетъ страсти похотныя ...И в то время нанесетъ сопротивникъ свой плеведа Б(о)ж(и)мъ поущениемъ (сп. К 2 ред. доб.: во осмо(й) вѣкъ тысяще) грехъ ради нашихъ...

Изреч. № 1, 2 ред.: ...будетъ трава еже от него зовомая картовь...

¹⁾ Самый вопросъ объ органической связи записей изреченій съ повѣстями о картофелѣ выдвинутъ потому, что въ рядѣ списковъ (Н, НКТ, Т₂) записи изреченій настолько близко примыкають къ повѣстямъ, не отдѣляясь ни киноварными инициалами, ни красной строкой, что категорическое рѣшеніе вопроса объ ихъ самостоятельности возможно только въ результатѣ сравненія ряда списковъ.

²⁾ Вопросъ о возможности обратнаго вліянія допустимъ лишь по отношенію къ немногимъ изреченіямъ, напр. № 6, но о немъ ниже, стр. 27.

распространилась) поганая картошь и в Росію дошла, едва едва которые спаслись от нея на употребленіе, малая нѣкая часть человекъ, Божиимъ помощіемъ; нетокмо в миръ, но и в монастырехъ с(вя)тыхъ...

2) Мѣста, сближающіяся во второй повѣсти съ изреченіями:

Вторая повѣсть.

И наречено имя ему картови. От сего места и расплодился во всехъ земляхъ неверныхъ, потомъ наипаче расплодился в Росіи на пагубу душамъ христіанскимъ от дьявольскаго навожденія Б(о)жіимъ попущеніемъ за грехи наша.

Еще наипаче в книге Барони речено бысть: на осмый векъ возлюбятъ ч(е)л(о)вѣцы губину, рекше картови, цари и князе и священники и в монастырехъ и въ пустыняхъ и расплодился по всемъ странамъ провѣтное сие зелье картови и за сие не будетъ изобилно родится хлѣбъ и всякое овоще...

...верный хри(сти)анстии учителие сие мерское зелье прокляша и троекратно анафема предаша...

Изр. № 4, 1 ред.: ...и распространица по лицу всея земли и в Росію...

...Б(о)ж(и)мъ попущеніемъ грехъ ради нашихъ ...и миръ весма ему послужит, цари и князи и с(вя)щенники и иноцы и весь чинъ богатыхъ...

Текстъ изреченій.

Изреч. № 4, 1 ред.: и будетъ трава сия зовома кортъ (2-я ред.—картовъ)... и распространица (К, т. е. сп. 2 редакции: расплодился) по лицу всея земли и въ Росію...

Изреч. № 4, 1-я ред.: ...нанесетъ сопротивникъ свой плевели Б(о)ж(и)мъ попущеніемъ грехъ ради нашихъ. Ср. также № 5... имать расплодился повсюду... Ср. также № 6... и расплодился повсюду...

Изреч. № 4, 1-я ред. Книга Баронія. гл(а)ва часть в. Рече Г(оспо)дь... и миръ весма ему послужит, цари и князи и с(вя)щенники и иноцы и весь чинъ богатыхъ... И будетъ трава сия зовома кортъ (сп. К, 2-й ред.: картовъ), а иные называютъ овощемъ рускимъ и распространица (К—расплодится) по лицу всея земли...

Изреч. № 4, 2-я ред. сп. К: ...Б(о)жіимъ попущеніемъ во осмо(и) тысячъ...

Изреч. № 9: 3-я ред.: ...аще кто дерзнетъ пете чай, да... будетъ проклятъ трижды анафема, а к(а)ртофѣи пятію анаф(е)ма, кофеи девятію анафема.

Изреч. № 9, 1-я ред. сп. МК: будетъ преданъ тремя азамъ и мѣстами.

Произведенныя текстуальныя сближенія доказываютъ: 1) что повѣсти первая и вторая пользовались при ихъ составленіи какъ источникомъ какими то записями изреченій типа вышеприведенныхъ; 2) совпаденія текстовъ обѣихъ повѣстей (указанныя выше на стр. 16) объясняются тѣмъ, что обѣ повѣсти пользовались одними и тѣми же записями, хотя и въ различныхъ вариантахъ. Можно прямо указать на текстъ 4 го изреченія, какъ на конкретный фактъ для такого заключенія. Но 3) наличность буквальныхъ совпаденій повѣстей съ записями изреченій и присутствіе послѣднихъ при спискахъ повѣстей показываютъ, что составители ихъ вѣроятнѣе всего списывали съ своихъ источниковъ, а не вносили въ повѣсти тексты изреченій по памяти; 4) наконецъ, что пользованіе записями, какъ источникомъ, возможно, было все же не безъ нѣкоторой свободы: хотя по шести спискамъ напр. изреченіе № 4 даетъ устойчивый порядокъ текста, въ повѣстяхъ мы видимъ его перестановку.

6.

Распутавъ основной узелъ взаимоотношенія повѣстей первой и второй о происхожденіи картофеля, я тѣмъ самымъ расчистилъ путь для дальнѣйшихъ наблюденій. Такъ какъ обѣ повѣсти не обнаруживаютъ въ другихъ частяхъ буквальнаго сходства, а близость мотивовъ, отмѣченная на стр. 16, объясняется, какъ увидимъ, лишь изъ сходства народныхъ вѣрованій, породившихъ повѣсти, то можно признать, что общій источникъ у нихъ—единственный, именно записи изреченій. Другіе источники уже различны для каждой повѣсти въ отдѣльности. Обращаясь къ первой.

Записями изреченій составитель первой повѣсти пользовался во II и VI частяхъ. Но въ другихъ частяхъ онъ пользовался несомнѣнно еще однимъ источникомъ—какимъ то сюжетомъ о происхожденіи табака, какъ это указалъ еще акад. В. Н. Перетцъ. Я нашелъ болѣе прочное фактическое подтвержденіе этого положенія. Послѣ акад. В. Н. Перетца Назаревскій писалъ про легенды о картофелѣ, что „это—первая попытка приспособить готовую литературную форму, готовый образецъ къ изображенію и осужденію новаго житейскаго факта: старое содержаніе лишь сокращается и упрощается—и одно „мерзкое зелье“—табакъ замѣняется другимъ—картофелемъ“¹⁾. Но и Назаревскій не зналъ, что можно даже не говорить о „сокращеніяхъ и упрощеніяхъ“ Дѣло въ томъ, что существующіе сюжеты о происхожденіи табака затрагивались названными учеными въ письменныхъ при томъ крупныхъ редакціяхъ²⁾, между тѣмъ какъ Е. Романовъ³⁾ записалъ бѣлорусскій вариантъ легенды о табакѣ очень краткой редакціи. Этотъ вариантъ для меня осо-

¹⁾ Назв. соч. стр. 19.

²⁾ Таковы повѣсти о табакѣ въ Пам. стар. р. л. II, 427 и тексты Сисоева. Назв. соч. 135 и сл.

³⁾ Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ IV, стр. 23. Указанъ также у Полявки (Lidove povesti o pivodu tabaku въ Zbornik'ъ u slavu V. jagica. Berlin 1908, за указаніе этой статьи благодарю проф. А. М. Селищева).

бенно важенъ потому, что онъ очень близко и почти цѣликомъ передаетъ все ядро первой повѣсти о картофелѣ, если изъ ней вычесть то, что попало въ повѣсть изъ записей—изреченій. Вотъ вариантъ Романа. „Жила сабѣ такъ одна дѣвка И бывъ у яе одинъ собака. И яна етаго собаку приучила съ собой у постелю спать. Ну, той собака спавъ, спавъ зъ ей, да й улюбився у яе. Здѣлала яны грѣхъ; дѣвка тая забярѣменила, и родила щенка. Якъ родила яна ето щенка, батка яе и убивъ, и закопавъ. Кольки тамъ урѣмъя прошло послѣ того, выросла на томъ мѣсти, на могили, табака. Стали люди глядѣть, што за трава за такая, и захогѣли увознать, откуль яе корань иде. Ну, тогда, раскопали землю, коли поглядятъ, ажъ корань иде, чаразъ тютюку, съ самага пуза дѣвки тая... Отъ яго и стали тютюнъ звать“.

Устанавливая фактъ существованія краткой редакціи легенды или повѣсти (пока неясно) о происхожденіи табака, я устанавливаю и другой фактъ, что первая повѣсть о картофелѣ дѣйствительно возникла на основѣ табачнаго сюжета (части I и IV) путемъ интерполированія ея записями—изреченій. Стоило въ краткой редакціи повѣсти о табакѣ замѣнить слово табакъ словомъ картофель, и новое произведеніе готово почти въ томъ именно видѣ, какъ его имѣемъ въ первой повѣсти. Что для такой подстановки могло быть основаніе, видно изъ другого устнаго же варианта повѣрья о картофелѣ, записаннаго В. Далемъ въ Костромской губ. отъ 90 лѣтняго старика. Вариантъ весьма интересенъ именно потому, что представляетъ связующее звено между разсказами о происхожденіи картофеля и табака. Въ повѣсти „Чудачество“ Даль¹⁾ разсказываетъ о старикѣ—нищемъ, который гнушался картофелемъ въ такой степени, что считалъ ту посуду поганой, въ которой картофель варился, и убѣждалъ всѣхъ не ѣсть этой противной Богу пищи. О табакѣ онъ не могъ и слышать равнодушно, хотя и не принадлежалъ къ раскольничьему толку“. Однажды онъ объяснилъ причину. „Надо знать, отъ чего это поганое зелье уродилось, такъ и самъ поймешь, безъ меня. Вишь-ли, у царя Ирода была дочь, нечестивая дочь нечестиваго отца,—любила она не человѣка, а пса. Узнавши объ этомъ, царь Иродъ приказалъ ихъ обоихъ заколотъ живыхъ,—вотъ—отъ кобеля зародился да пошелъ расти картофель, а отъ дочери Ирода нечестиваго пошелъ табакъ, нечестивое зелье. Такъ вотъ теперь и смекай самъ, Варвара безсережная, поганая ли трава эта, что табакъ, что чертово яблоко, аль нѣтъ?“ Такимъ же связующимъ звеномъ можетъ служить приводимый ниже вариантъ Кадниковск. у. Вологодской губ. Такъ раскрываются основные источники первой повѣсти.

Остаются необъясненными еще два мелкихъ мотива первой повѣсти о картофелѣ (III и V). Въ н-й говорится о собираніи травы для врача и объ излеченіи табакомъ разслабленнаго. Но и ихъ объяснить не трудно. Въ повѣстяхъ пространнѣхъ о происхожденіи та-

¹⁾ Соч. изд. Вольфа. 1893, т. VIII, стр. 89—91.

²⁾ В. Даль въ примѣчаніи пишетъ еще. „Ко мнѣ приходилъ однажды старикъ просить книгу Пандока.—На что тебѣ Пандокъ?—спросилъ я. „Тамъ, сказали мнѣ, отвѣчалъ онъ, есть такая то исторія (разсказанная о картофелѣ), да въ Вэроніи. Баронія три книги я прочелъ, а объ картофелѣ ничего не нашелъ“ (Соч. VIII, стр. 91). Указаніемъ на вар. В. Дали я обязанъ любезности проф. П. П. Миндалева.

бака, какъ на это указалъ еще акад. В. Перетцъ, разсказывается о нахожденіи табака еллинскимъ врачомъ Тремикуромъ. Можетъ быть въ первой повѣсти о картофелѣ врачъ и есть реминисценція этого Тремикура изъ пространной или даже краткой редакціи повѣстей о табакѣ. Мотивъ же исцѣленія разслабленнаго (V), какъ указалъ тотъ же акад. В. Перетцъ могъ быть внесенъ въ повѣсть подъ влияніемъ журнальной и правительственной пропаганды¹⁾ лекарственныхъ свойствъ картофеля. Съ своей стороны замѣчу, что мотивъ могъ быть привлеченъ также изъ повѣсти о табакѣ, которому въ нѣкоторыхъ редакціяхъ приписывается цѣлебная роль²⁾; или, наконецъ, этотъ мотивъ могъ попасть на основѣ разрывительныхъ легендъ и повѣрій о табакѣ³⁾.

Такимъ образомъ вопросъ объ источникахъ первой повѣсти о картофелѣ можно было бы считать поконченнымъ, если бы не новый вопросъ, который встаетъ при этомъ. Въ какомъ видѣ пользовался составитель первой повѣсти о картофелѣ главнымъ мотивомъ сюжета табачнаго. По памяти ли онъ вносилъ въ нее текстъ народной легенды, типа Романовскаго варианта, или также имѣлъ готовый письменный образецъ, какъ текстъ записей-изреченій. Я склоняюсь къ послѣднему допущенію, и вотъ почему. Хотя пока и не найдено краткой письменной редакціи повѣсти о табакѣ, но ничего невозможнаго въ ея существованіи вѣтъ, разъ имѣется краткій устный вариантъ. Это *первое*. Второе—текстъ первой повѣсти о картофелѣ настолько книжный, что само собой напрашивается мысль, что онъ пользовался письменнымъ источникомъ и въ части, не относящейся къ записямъ изреченій. Въ *третьихъ*, возможность такой краткой записи легенды о табакѣ подтверждается записью-изреченіемъ № 7: „Гл(агол)еть ѓ семь св(я)тый Новый С(и)меонъ Б(ого)сл(о)въ, яко скверно бѣти, глаголетъ, табака, а скверная, ибо она отъ дѣвки блудницы, отъ ея сквернаго аедрона израслѣ“. Повторяю, что разъ есть такая записъ, вполне вѣроятно, что были и нѣсколько поподробнѣе, а это и дало бы разыскиваемый (т. е. письменный) видъ источника первой повѣсти. Наконецъ, въ 4-хъ, на письменный же характеръ повѣсти о табакѣ—источника I повѣсти о картофелѣ—указываютъ и детали послѣдней, встрѣчающіяся только въ полныхъ редакціяхъ (т. е. книжныхъ, письменныхъ) повѣстей о табакѣ (напр. быліе жилы, круглые яйцы, истайныхъ оудъ костей и др.).

Конечный выводъ такой. Первая повѣсть о происхожденіи картофеля составила на основѣ главнымъ образомъ двухъ письменныхъ источниковъ: 1) краткой письменной редакціи повѣсти о табакѣ путемъ замѣны зелья табака—зельемъ картофелемъ, и 2) ходившихъ въ

¹⁾ До такой степени картофель уже въ Екатерининскую эпоху извѣстенъ въ публикѣ, что онъ входитъ въ обиходъ ироническихъ выраженій у интеллигенціи. Журналъ сатирическій 1769 г. «Всякая Всячина» напр. помѣщаетъ слѣдующее выраженіе Екатерины: «мимоходомъ дадимъ примѣтить читателю, что съ времени размноженія у насъ земляныхъ яблокъ еще не было ничего такъ плодovitаго, какъ потомство «Всякія всячины» (Пекарскій Мат. для ист. журн. и лит. дѣят. Екатерины II. Спб. 1863, стр. 7).

²⁾ Табакъ напр. исцѣляетъ зубы (Сысоевъ. Назв. соч. 151)

³⁾ О нихъ скажу дальше.

рукописяхъ записей-изречений. Оба основныхъ источника были осложнены какими то воспоминаніями м. б. даже полныхъ редакцій повѣстей о табакѣ.

Что относится въ повѣсти за счетъ составителя, сказать точно затруднительно. Но, вѣроятно, все же, что ему принадлежитъ внесеніе имени царя Мамера изъ повѣсти о 12 снахъ Шахнши, какъ это указано акад. В. Н. Перетцемъ, и контаминація письменныхъ источниковъ. Самостоятельной работы, хотя бы редакціонной не видно.

Авторъ, мѣсто и время составленія первой повѣсти не извѣстны¹⁾. Впрочемъ, возникла она не раньше, конечно, вач. XVIII в., когда появился въ Россіи картофель, и не позднѣе конца XVIII в., къ каковому времени относитъ Кіевскій списокъ повѣсти акад. В. Н. Перетцъ.

Въ жанровомъ отношеніи²⁾ мы имѣемъ дѣло съ *повѣстью* о происхожденіи чего либо, построенной на основѣ найденныхъ въ готовомъ видѣ и связавшихъ путемъ чисто механической сшивки литературныхъ элементовъ: сюжета и другихъ готовыхъ письменныхъ источниковъ.

7.

Перехожу къ разсмотрѣнію источниковъ *второй* повѣсти. Одинъ изъ нихъ найденъ: остается указать, въ какихъ частяхъ текста составитель второй повѣсти пользовался записями изречений, и разыскать другіе источники. Какъ я уже указалъ выше, вторая повѣсть состоитъ изъ: I вступленія, II разсказа о нахожденіи картофеля (въ видѣ четырехъ мотивовъ), III—ссылку на авторитеты и IV заключенія.

Всматриваясь въ III-ю часть, въ ссылки на авторитеты, мы замѣтимъ во I-хъ и указанія самого автора, что приводимыя имъ въ этой части мысли „рекоша“ „христианствѣи учителя“; во 2-хъ, здѣсь мы имѣемъ ссылку на книгу Баронія; въ 3-хъ, именно эта часть текста повѣсти даетъ совпаденія съ текстомъ записей-изречений; въ 4-хъ, наконецъ, весь характеръ собранныхъ въ третьей части мыслей именно напоминаетъ тѣ тексты изречений, о которыхъ говорено выше. Поэтому заключаю, что составитель нашей повѣсти пользовался записями - изречений именно въ III ея части.

Обращаясь ко II части повѣсти. Еще до разложенія ея на мотивы останавливаютъ на себѣ вниманіе слѣдующіе факты. Во I-хъ, переходъ II части къ III. Вторая часть словами „Б(о)жіймъ попущеніемъ за грехи ваша“ производитъ впечатлѣніе окончанія статьи. Хотя этотъ конецъ и совпадаетъ съ текстомъ—записи - изреченія № 4, но его внесенія нельзя приписать составителю нашей повѣсти какъ потому, что начальныя слова III части подтверждаютъ, что второй частью что то окончилось, что то использовано и вачинаются новые источники

¹⁾ Нѣкоторые соображенія о мѣстѣ составленія приведены дальше стр. 31 прим. 2.

²⁾ Подъ литературнымъ жанромъ произведенія разумѣю способъ отношенія составляющихъ его элементовъ (въ нисходящемъ порядкѣ таковы: языкъ, стиль, содержаніе, фабула, сюжетъ или логическая схема, мотивъ и композиція) къ его авторской, а затѣмъ и вкладываемой въ него читателями идеѣ. Характеристика жанра произведенія представляетъ преимущественную цѣнность для исторіи литературы, которая есть не больше, какъ исторія эволюціи литературныхъ жанровъ, имѣвшихъ исторически эстетическое назначеніе.

(„Еще наипаче“...), такъ въ равной мѣрѣ и потому, что принадлежность конпа II части или всего мотива 2 источнику доказывается еще однимъ фактомъ. Этотъ 2-й фактъ, останавливающий наше вниманіе при разсмотрѣніи II части состоитъ въ томъ, что мотивъ 2, указывающій на распространеніе картофеля по всѣмъ землямъ, будучи только что высказанъ въ концѣ II части, тотчасъ же повторяется въ началѣ III части. Несомнѣнно, что составитель ввелъ въ свою повѣсть мотивъ II 2 по какому то иному источнику, чѣмъ только запись - изреченіе, въ которомъ этотъ мотивъ былъ связанъ съ другими. Вторично же тотъ же мотивъ о распространеніи картофеля составитель ввелъ уже самостоятельно непосредственно изъ записи - изреченія, какъ авторитетъ книги Баронія. Въ противномъ случаѣ составителю незачѣмъ было бы повторяться. Въ 3-хъ, обращаетъ на себя вниманіе совпаденіе формы начала II части второй повѣсти съ началомъ первой повѣсти. Первая повѣсть: „Бысть царь именемъ Мамеръ“..., II часть второй повѣсти: „Бысть въ царствѣ царя Анепсія“. Здѣсь важно не столько даже совпаденія этихъ „бысть“, сколько то, что во второй повѣсти оно встречается уже *въ срединѣ* текста, послѣ того, какъ приступъ сдѣланъ. Эти факты приводятъ меня къ положенію, что II-я часть II повѣсти есть не что иное, какъ *краткая* редакція повѣсти, но отличная отъ первой повѣсти и бывшая подъ руками у составителя разсматриваемой повѣсти. Буду называть послѣднюю теперь *пространной* редакціей Старообрядцы, какъ мы уже видѣли, имѣли одну повѣсть, представляющую безхитростную сводку разныхъ источниковъ. Они же имѣли даже простыя *сводки* записей - изречений, не связанныхъ въ сюжетъ (см. тексты о чаѣ, кофѣ, табакѣ и крестномъ знаменіи). Ничего невозможнаго нѣтъ въ признаніи такой краткой редакціи II-ой повѣсти, а отмѣченные факты въ пространной редакціи положительнымъ образомъ о томъ свидѣлствуютъ. Размѣры краткой редакціи совпадаютъ цѣлкомъ со второй частью пространной редакціи. Упомянутіе книжнаго имени царя Анепсія и книжный языкъ краткой ред. указываютъ, что она была письменная.

Есть и еще одно, какъ мнѣ кажется, прямое подтвержденіе существованія краткой редакціи II повѣсти. Имѣю ввиду запись изреченія типа № 6.

• Изреченіе № 6.

Параллели изъ краткой ред. II повѣсти.

Гл(агол)еть тои же пази Семейнъ Богословъ: ѿ сие губно от ѣмнина жреца, от тогѣ же сквернаго ѿбедрона израстѣ, яко от сего пріять и расплодися повсюду и в томъ бранше осквернятся человецы неразумни и глаголютъ: „ничто же землі родить скверно“. Ни, человекъ, попущеніемъ Божіимъ, а дияволскимъ деіствіемъ и землі издаётъ и возраститъ скверно.

...во ельлинахъ...

...изъ еедрова его сквернаго...

...от сего мѣста и расплодися во всѣхъ земляхъ...

...на пагубу душамъ христианскимъ....

...от диявольскаго навожденія Б(о)жіймъ попущеніемъ...

Связь изречения съ краткой редакціей очевидна. Допустить, что изречение есть основа краткой редакціи невозможно, ибо изречение не даетъ оснований для развитія сюжета. Кромѣ того ниже доказано, что краткая редакція составила на иныхъ источникахъ. Поэтому убѣждаемся, что изречение № 6 есть лишь еще болѣе сокращенная редакція, образовавшаяся изъ *краткой* редакціи II повѣсти¹⁾. Этотъ выводъ цѣнный самъ по себѣ, т. е. указываетъ на популярность краткой ред. II повѣсти, интересенъ еще и въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ выше установленный объемъ текста краткой редакціи. Изречение начинается такъ приблизительно, какъ начинается краткая редакція (рѣчь идетъ объ еллинахъ) и кончается тамъ, гдѣ кончается по вышеприведеннымъ соображеніямъ текстъ краткой редакціи. Итакъ считаю установленнымъ существованіе и приблизительно размѣръ текста краткой редакціи II повѣсти о картофелѣ. Она то и послужила основнымъ источникомъ пространной ред. II пов. (часть II).

Остается опредѣлить источники вступленія (I) и заключенія (IV) пространной редакціи. Безспорно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чисто авторскими обращеніями къ „братіи“, но остается вопросъ о степени творческой оригинальности составителя въ I и IV частяхъ текста второй повѣсти. Вступленіе нашей повѣсти гласитъ: „Братія мой, хочу вамъ повѣдати повесть сию о мѣрскомъ сѣмѣ быліи или зѣліи“. Такое обращеніе является довольно обычнымъ въ старинной русской письменности. Напр. одна изъ поэтическихъ повѣстей объ Азовскомъ сидѣніи начинается: „Братіе, послушайте объ нашемъ Азовскомъ сидѣніи, якъ мы козаки сидѣли въ осадѣ въ Азовѣ городе“²⁾. Въ рѣп. Ак. Н. № 21. 11. 5 (Сѣв. 728) XIX в. Поученіе о милостыни начинается: „Братіе, внимайте м(и)л(о)стыни вашей“...³⁾. Въ Буслаевскомъ сп. Великаго Зеркала XVII в. читаемъ гл. 509 о пустынныхъ Аврааміи: „Братія моя, хочу вамъ повѣдати житіе добро и совершенно“...⁴⁾. Въ Прологѣ такое начало обычно для цѣлаго ряда словъ и поученій, напр. подъ 14 сент. слово на воздвиженіе креста нач.: „Днесъ, братіе, крестъ пречистый воздвигнется“...⁵⁾, подъ 2 ноября слово Евагрія нач.: „Хо-

¹⁾ Изречение № 6 связывается близостью нѣкоторыхъ выраженій съ изреченіями № 4 и № 5. Но ни отъ № 4 ни отъ № 5 произойти изреч. № 6 не могло, ибо оно имѣетъ цѣнное индивидуальное членіе—намекъ на развитіи сюжета источника (отъ еллина жреца отъ того же сквернаго афедрона), чего нѣтъ ни въ № 4, ни въ № 5. Обратной зависимости по той же причинѣ быть не могло. Поэтому вѣроятно слѣдующее положеніе. Особенная близость № 6 къ № 5 указываетъ, что № 6 и № 5 произошли отъ одного и того же недолѣжнаго изреченія (назову его х), которое имѣло приведенную фразу. Другими словами х было—*сокращенной* редакціей, создавшейся на основѣ краткой ред. II повѣсти. Отсюда близость № 5 и № 6. Общія же черты у № 6 съ № 4 объясняются тѣмъ, что они въ № 6 какъ разъ въ той части текста, какая въ краткой редакціи заимствована изъ № 4 и значитъ въ № 6 могли проникнуть черезъ посредство краткой редакціи II повѣсти.

²⁾ По рѣп. XVIII в. гр. Уварова № 1927 (А. С. Орловъ. Пѣсня и Повѣсть объ Азовѣ М. 1905 стр. 8—отт. изъ X кн. „Старина и Новизна“).

³⁾ В. Срезневскій. Опис. рѣп. собранныхъ для Ак. Н. въ Олонцкомъ краѣ. Спб. 1913 стр. 401.

⁴⁾ Владиміровъ. Великое Зерцло. 1884 стр. 56. Ср. Макаріевскія Чет. Мис. подъ 28 янв.

⁵⁾ А. Пономаревъ. Нам. др. рус. церковно-учит. лит. II, 1896 стр. 80.

щу вамъ воспомянути, братіе, о лживыхъ мало“¹⁾ подъ 25 дек.²⁾ Слово на Рожд. Хр. и другіе. И специально раскольничья литература богата такого рода началами. Напр. слово о хмелѣ въ одной старообрядческой рукописи XIX в. Каз. Дух. Ак. Доп. № 12 начинается: „Братіе, разумейте хмельное питіе яко отъ бѣса сотворено на пагубу д(у)шамъ православнымъ хр(и)стіяномъ и на вѣчную муку“... Сочиненіе Андрея Денисова „Правила для братіи общежительствъ“ начинается: „Отцы и братія, надлежитъ вамъ донести глаголь о лучшемъ ко спасенію дабы хранили сие“³⁾. Въ одномъ сказаніи о Никонѣ читаемъ начало: „Хочу вамъ братія о Никонѣ и ну повѣсть повѣдати“⁴⁾. Повѣсть о Мемнонѣ, приписываемая А. Денисову начинается: „Хочу вашей любви (о боголюбивое пустынное сочлененіе) показати мужа“⁵⁾. Посланіе неизвѣстнаго раскольника XIX в. начинается: „Хочете ли, братія моя возлюбленная, повѣдаю я вамъ о отпаденіи человѣческаго рода отъ истинныя христіанскія вѣры“⁶⁾. Число этихъ параллелей можно было бы умножить до безконечности.

Точно также и къ заключенію (IV) нашей повѣсти старинная письменность даетъ богатый запасъ почти буквально сходныхъ словесныхъ формулъ. Напр. въ Прологѣ подъ 21 сент. Слово о томъ какъ подобаетъ жити крестьянамъ оканчивается: „Тѣмъ же, братіе, пребудемъ въ повелѣніи Божіи, чтимъ (Его) акы Отца, боимся акы господина, поминаемъ грѣхы своя, ихъ же безпрестави плачемся, да очистимъ своя душа, и тако къ Христови придемъ. Богу нашему слава“⁷⁾. Подъ 25 дек. Поученіе хотѣющимъ причаститься Тайнъ Христовыхъ оканчивается: „Тѣмъ же молю и понуждаю вы, братіе, не сотворимся небреженіемъ и грубостію противни Богу; но день и ночь чистящися, поучаемся, да здѣ добръ проживемъ и на страшномъ судѣ одесную Престола Божія явимся, о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“⁸⁾. Сравни также статьи Пролога подъ 25 ноября⁹⁾, подъ 7 дек.¹⁰⁾, подъ 9 дек.¹¹⁾ и мн. др. Все это весьма близко къ IV части нашей повѣсти, гдѣ читаемъ: „Сего ради убоимся, братіе, суда страшнаго и судий грознаго, отступимъ отъ сего сквернаго зѣлія и покаемся и станемъ чисти предъ Богомъ. Богу нашему слава отцу и с(ы)ну и святому д(у)ху і ныне и присно и во веки векомъ аминь“¹²⁾.

Такимъ образомъ по отношенію къ I и IV частямъ второй повѣсти мы можемъ сказать, что хотя въ нихъ авторъ и не справлялся не-

¹⁾ Тамъ же, стр. 101.

²⁾ Тамъ же, стр. 121.

³⁾ В. Г. Дружининъ. Писанія русскихъ старообрядцевъ. Спб. 1912, стр. 97 № 26.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 219 № 14.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 206.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 385 № 480.

⁷⁾ А. Пономаревъ. Памятники II стр. 84.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 123.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 110.

¹⁰⁾ Тамъ же, стр. 114.

¹¹⁾ Тамъ же, стр. 114.

¹²⁾ Та же форма окончанія въ редакціи повѣсти о табакѣ, напеч. у Сисоева. Назв. соч. стр. 149—152.

посредственно съ письменнымъ источникомъ, но все же, можетъ быть, безсознательно вращался въ сферѣ готовыхъ формулъ, въ сферѣ обще-известной письменно-стилистической традиціи.

Источники простр. ред. второй повѣсти рассмотрѣны, и они уполномочиваютъ на слѣдующіе выводы: 1) что въ основѣ пространной редакціи второй повѣсти лежали въ качествѣ источниковъ: а) письменная краткая редакція второй повѣсти и б) письменные тексты записей—изреченій; 2) что известная доля активного участія составителя пространной редакціи въ ея текстѣ несомнѣнна (вступленіе и заключеніе), хотя въ этомъ отношеніи составитель и не выходилъ за рамки унаслѣдованнаго по традиціи стилистическаго матеріала и 3) что это послѣднее положеніе не даетъ основаній допускать особенно серьезное вмѣшательство составителя пространной редакціи въ его письменные источники: вѣроятнѣе всего онъ ихъ буквально списывалъ.

Остальные вопросы, касающіеся пространной редакціи второй повѣсти: авторъ, время и мѣсто ея составленія, идея (цѣль) и характеристика жанра, къ которому памятникъ принадлежитъ.

Авторъ, конечно, старообрядецъ неизвѣстенъ.

Время составленія тоже неизвѣстно. По спискамъ же повѣсть не восходитъ глубже начала XIX вѣка.

О мѣстѣ составленія редакціи можно высказать нѣкоторые предположенія. Основанія для нихъ двоякаго характера.

1. *Внѣшнія*. Они состоятъ въ томъ, что почти всѣ списки пространной редакціи второй повѣсти о картофелѣ известны изъ Нижегородской губерніи. Рукописи №№ 1453 и 1454 находятся въ собраніи А. Титова, при томъ имѣютъ цѣнные сигнатуры. На сп. № 1453 значится: „Библиотека П. И. Мельникова“ и запись: „Приобрѣтено въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. 1849; на сп. № 1454 написано: „Куплена въ 1881 г. въ Нижнемъ“. Списокъ К какъ указано выше, тоже принадлежитъ къ нижегородскимъ и имѣетъ печать Семеновскаго Нижняго земскаго суда. Неизвѣстна только судьба списка А. Такимъ образомъ, четыре списка изъ пяти ведутъ насъ въ область поволжскаго, въ частности нижегородскаго старообрядчества.

2. *Внутреннія*. Въ ту же мѣстность направляетъ наше вниманіе и внутренний признакъ. Дѣло въ томъ, что въ текстѣ пространной редакціи встрѣчается слово „губина“: „возлюбить человѣды губину, рекше картоеи“. Очень возможно, что редакторъ повѣсти взялъ это слово изъ изреченія записи, т. е. изъ источника (напр. въ изреченіи № 6 по сп. Н, т. е. нижегородскому, читаемъ: „а се губно“), но это значитъ во 1-хъ что и изреченіе было писано въ нижегородской области, въ 2-хъ что составитель пространной редакціи понималъ слово, а въ 3-хъ онъ все таки внесъ объясненіе „рекше картоеи“. Что слово „губина“ глухой провинціализмъ видно хотя бы изъ того, что даже другой нижегородскій же писецъ, именно списка К, не понялъ этого слова и прочиталъ данное мѣсто „возлюбятъ погубну к(а)ртоф(и)“. Обращаясь къ „Опыту областного великорусскаго словаря“, изданному II Отд. Акад. Н. Спб. 1852 г. находимъ на стр. 43: губина—ы, с. ж. ягоды, огородные овощи и грибы, употребляемые въ пищу. Владим. *Шуйск. у.*

Вологод. *Нынѣ много всякой губины*. Нижегород. *Семен.*—Симб. Ярослав. ¹⁾ Такимъ образомъ въ Нижегородской губ. есть указаніе прямо на *Семеновскій уездъ*, на известные очаги раскола. Не беря на себя смѣлости локализовать такъ точно мѣсто возникновенія пространной редакціи, думаю, что до новыхъ данныхъ можно считать родиной ея нижегородскую старообрядческую среду ²⁾.

Идея пространной редакціи уловима. Исходя изъ доказаннаго факта, что источники простр. ред. не были тенденціозны, хотя тамъ и могли быть анаематствованія, я вижу тенденцію составителя въ принадлежавшемъ ему заключеніи (IV). Очевидно, имѣя подъ руками краткую редакцію повѣсти о картофелѣ (типа второй), онъ захотѣлъ ее облечь въ болѣе литературно-обработанную форму и, привлеки матеріалъ изреченій-записей, создалъ пространную редакцію. Цѣль краткой редакціи было повѣствованіе. Цѣль новаго редактора была повліять на читателя въ направленіи отвращенія его отъ зелья, т. е. поученіе. Выбранная форма, близкая къ старинному поученію, оказалась удачной въ смыслѣ рекомендаціи памятника. Пространная редакція стала популярной ³⁾.

¹⁾ Замѣчу м. пр., что словарь Дала слова губина не знаетъ. Зато это слово могу указать у одного изъ русскихъ классиковъ, именно у Н. В. Гоголя. Въ *Мертвыхъ Душахъ* при описаніи Плюшкина Гоголь говоритъ: «У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душь... амбары и сушилы затроможены были... высушенными рыбами и всякой овошью, или губиной» (Соч. изд. 10 подъ ред. Н. С. Тихонравова т. III стр. 114). Слово губина украинцами разсматривается какъ великоруссизмъ. Именно въ словарь М. Уманецъ і А. Спілка. Словарь російсько-український. Львів. 1893 т. I стр. 169 читаемъ: Губина—1 губи (грибъ)—А кто любить губи, а я печерині; 2—ягоди, овочі. Ср. также въ Словарѣ русскаго яз. изд. II акд. Акад. Н. т. I, стр. 233 губина 1, то же, что губа, 2, съдобные грибы, 3, вообще овощи.

²⁾ Здѣсь уместно высказать нѣсколько предположеній о мѣстѣ возникновенія I повѣсти. Киевскій списокъ находится въ собр. митр. Макарія среда рукописей, кажется приобрѣтенныхъ въ Москвѣ. Оба Казанскіе списка К, В, не имѣютъ указаній на мѣсто, гдѣ они записаны, но то, что они находятся въ рукописяхъ академическихъ (не соловецкихъ) дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ происхожденіе ихъ въ Поволжѣ, т. е. болѣешая часть собственно академическихъ рукописей составила путемъ реквизицій и приобрѣтеній въ Казанской, Нижегородской и сосѣднихъ губерніяхъ. Самыя записи-изреченій вращались, видимо, интенсивно на той же территоріи. Вотъ почему я склоненъ и I повѣсть производить изъ поволжскаго старообрядчества. На это косвенно указываетъ и наличность общихъ источниковъ у I и II повѣстей.

³⁾ Чтобы указать, что такого рода процессъ обработки повѣсти въ поученіе явленіе не единичное, и тѣмъ точнѣе опредѣлить значеніе пространной редакціи, я позволю себѣ привести примѣръ изъ того же цикла повѣстей, что и картофельныхъ, именно изъ исторіи повѣстей о табакѣ. Всѣ изданныя до сихъ поръ повѣсти см. выше стр. 23 примѣч. 2) представляютъ тексты *повѣстей*, а не поученій. Текстъ повѣсти о табакѣ изд. въ Пам. стар. р. л. II, 427 уже за повѣстью прибавляетъ еще мотивъ картины явленія Богородицы Оеклѣ. Но и эта новая редакція есть *новая повѣсть* все же еще не имѣющая характера *поученія*. Иной видъ повѣсти о табакѣ, имѣется въ неизвѣстномъ доселѣ списокѣ по ркп. наз. Дух. Акад. хр. Кат. № 1714 (прежн. № карандашные 1, 65, 110, 50), полууставомъ XVIII в. (филигрань, 1797 года, напр. на л. 291) въ 4-ку, на 502 лл. На лл. 337—354 об. «Сказаніе отъ книги Пандѣа о хранительномъ быліи. Есть трава табака, отъуду бьетъ, и како зачатея, и разсѣяся повсюду». Нач.: «Бысть по червомъ пришествіи Го(с)пода и Бо(г)а нашего Іис(ус)а Христа на землю и по еже во адъ... Далѣе текстъ совпадаетъ въ общемъ съ изданнымъ А. П. Сысоевымъ (В. Перетцъ. Очертъ... въ Киевѣ. К. 1916 стр. 135—148). Въ деталяхъ сп. № 1714 во многомъ исправляетъ текстъ Сысоева и даетъ много интересныхъ вариантовъ. Но главный интересъ сп. № 1714 г. въ томъ, что онъ превращаетъ текстъ повѣсти въ поученіе точно по такой же схемѣ какъ пространная редакція о картофелѣ, т. е. *повѣсть+запись изреченія+обращеніе къ братіи*. Вотъ эти послѣднія двѣ части по сп. № 1714. «...И седмицѣмъ запрещеніемъ, якоже блуднику, надлежитъ покаятися. И разрѣшеніе отъ

Стиль простой, вписный. Язык без диалектизмов, кроме вышеуказанного. Специального приспособления к идеям в стиле и языке не обнаруживается.

Жанр произведения после анализа определяется легко. Это — *поучительное*, компонованное в общепотребительной и популярной манере, т. е. взявшая готовый письменный сюжет, осложнившая его другими письменными источниками и внесшая трафаретные стилистические формулы для приспособления источников к замыслу. В той же манере писаны многие мелкие статьи в Зерцалах, Сборниках, Прологах и т. п.

8

Собственно изучение наших двух повестей о происхождении картофеля можно было бы считать почти законченным, если бы исследователь не увлекали новые вопросы и желание проникнуть в историю их еще глубже. Таким образом приходится перейти к изучению истории самих источников наших повестей о картофеле. В числе их я указывал: 1) повести о происхождении табака, 2) записи-изречения о табаке, картофеле, чае, кофе и т. п. и 3) краткая редакция повести о картофеле типа второй.

Сюжеты табачные достойны специальной работы, и потому я их оставляю без рассмотрения, хотя сделаю в конце несколько общих

о(т)ца д(у)ховнаго получить. Еще же книга Мир в Б(о)гом. (об. л. 353) догмат, 3 чтение о нечистоте, в 3 е, степени, пишет сие о табаке на листу. 253м. на обороте. Зде при чувстві обоняніе, мѣсто есть воспоминаѣніи и мераское оупотребленіе табака яже многими образи суши оупотребляема мѣсто помрачаеѣт окромѣ иныхъ вредовъ, д(у)шу и тѣло и къ разжеденію тѣлесному, и блудному приклоняеѣт, от чего безчинное оупотребленіе, немалый есть богомерзскій грѣхъ. Сіа книга печатана в лѣто от хр(и)ста, 1669 хіевской печати. (на поляхъ написано киноварью «оу вѣшаніе»). Сотворите братіе дѣло сіе о хр(и)сте, и не пійте питія всѣ чаши тоя съверныя, выше-реченныя. Воистину будетъ добро, и впродѣ слюбится. а хотя и битъ сътанутъ, или жечь. ино, и слава Бо(г)у о сем: достоянъ бо есть дѣлатель мзды (л. 359) своея, на что лучше сего. С м(у)ч(е)н(и)к(и) в чии, со ап(о)ст(о)лы в полкъ, со с(в)яти-т(е)ли в ликъ побѣдныи вѣнецъ, сообщникъ Хр(и)сту с(в)ятѣй Тро(и)цѣ пре(с)толу предстои со агглы, і архангелы, і со всѣми безплотными, предивными роды чиниенъ будетъ, а во огнѣ зде небольшое время потерпѣт, аки оком мгнуть такъ и душа выступитъ. Развѣ вамъ сіе неразумно. Не бойтеся тоя печи. (оубойтеся геены огненной, тое оубойтеся.) дерзайте в сію, ни во что вменяя. Не бойтеся, до печи тоя страх, а егда в нея возшед тогда изыблѣтъ вся егда же загорится, а ты і оузриши хр(и)ста, і аггльскія силы с ним. д(у)шу от тѣла приеми, и принесутъ ко Хр(и)сту, а онъ наде-жею бл(а)гословляет и силу ей поает б(о)ж(е)ственную. Не оуже къ тому бываетъ тяжка восперена бо, таможе со агглы лѣтаеѣт, яко птица (л. 354 об.) рада бо ис темницы тоя излетѣвши. Пѣвала бо прежде гл(а)голющи: изведи ис темницы д(у)шу мою, исповѣда-тися имени твоему. мене ждутъ пр(а)в(е)дники доидеже водаси мнѣ. ты д(у)ше изле-тѣла, а темница в печи горитъ. а д(у)ша яко бисеръ, или злато взимается, о агглы выспрѣ, в славу Бо(г)у и Отцу Св(я)тѣй Бо(ж)ій Д(у)хъ, возносятся ю в высоту: в без-кончичны вѣки аминъ. Дальше идетъ слово св. Ефрема Сирина о антихристѣ. Надо замѣтить, что выписка изъ кн. «Миръ с Богомъ» идетъ тотчасъ за повестью даже безъ киноварнаго инициала, а *уещаніе* хотя и начинается киноварью, но идетъ тотчасъ за выпиской (съ середины строки) и дѣлаетъ ссылку на чашу выше-реченную (образное выражение о табаке). Упоминаніе печи огненной изобличаетъ среду, гдѣ создаеѣт редакция. Это раскольники самозажигатели. Совершенно такія же увѣщанія ходятъ у старообрядцевъ и отдѣльно, такъ что здѣсь онѣ почти механически прицѣплено къ по-вѣсти, но фактъ остается фактомъ, что повесть переработана въ поученіе. Въ поученіе превратилась и еще полная ред. пов. о табаке (Сисоевъ, 149—152).

замѣчаній, на которыя наводитъ изученіе сюжетовъ картофельныхъ. Остальные два источника я разсмотрю, при чемъ начну съ по-слѣдняго.

Итакъ, какова исторія *краткой* редакціи второй повѣсти о происхождении картофеля?

Прежде два замѣчанія методологическаго характера. Во 1-хъ, подлиннаго текста *краткой* редакціи пока не найдено въ спискахъ. Однако, памятуя, что она все же возсоздана путемъ критики текста изъ пространной редакціи, я нахожу опору для увѣренности, что текстъ *краткой* редакціи сравнительно близокъ къ тому виду, ка-кой мы читаемъ въ пространной редакціи, въ выводѣ 3 предшествую-щей главы: редакторъ пространной редакціи ввелъ въ нее текстъ *краткой* безъ особенно крупныхъ измѣненій (мелкія не могутъ служить препятствіемъ къ изученію *краткой* редакціи). Во 2-хъ при анализѣ источниковъ текста иногда приходится сталкиваться еще съ однимъ препятствіемъ. Чѣмъ меньше детализированъ сюжетъ произведенія, тѣмъ больше онъ можетъ найти себѣ аналогій вовнѣ, а слѣдовательно тѣмъ труднѣе указать подлинный источникъ произведенія или его части. Вотъ почему въ такихъ случаяхъ цѣлесообразно указать всѣ возмож-ные. Какъ сейчасъ увидимъ, именно такого рода колебанія приходится испытывать при отысканіи подлинныхъ источниковъ *краткой* редакціи II повѣсти.

Краткая редакція второй повѣсти состояла изъ четырехъ моти-вовъ: а) избраніе бога и царя путемъ самозажигающейся свѣчи б) смерть знахаря, обойденнаго избраніемъ, в) растение изъ труна грѣш-ника и г) указаніе на распространеніе картофеля по свѣту.

Исторія мотива г известна. Это буквальная записъ одного изъ из-реченій типа № 4 (буквальныя совпаденія указаны выше, стр. 22). Разсмотрю мотивы а, б и в.

а) *Избраніе бога и царя путемъ самозажигающейся свѣчи*. Мо-жетъ быть отчасти на почвѣ народно-психологическихъ данныхъ, а мо-жетъ быть также отчасти и подъ вліяніемъ образовъ Свящ. Писанія¹⁾, но мотивъ избранія путемъ особыхъ знаменій чрезвычайно популяренъ въ устномъ народномъ творествѣ. Въ частности русскія сказки богаты мотивомъ именно избранія царя путемъ знаменія самозажигающейся свѣчи, при чемъ интересно констатировать наличіе вариантовъ, гдѣ фигурируютъ, хотя и не какъ конкуренты *старшій* (ср. «старѣйшій» въ повѣсти) и младшій братья. Напр. Д. Зеленинъ въ Пермской губ. записалъ сказку о Царѣ-Дѣвицѣ, въ которой между прочимъ разска-зывается о двухъ братьяхъ, бѣжавшихъ отъ матери. «Они собрались очень скоро, оба отправились. Ушли очень далеко, а хлѣба съ собой мало взяли,—обесилѣли. Приходятъ къ такой горѣ. Большеякъ и гово-

¹⁾ Ср. избраніе на царство Саула—пришельца, заявившаго себя особымъ духомъ Божіимъ (кн. Царствъ X, 2—7, 10), также избраніе Аарона въ первосвященники путемъ саморасцвѣтающаго жезла (кн. Царствъ XVII, 8—10). Много примѣровъ самозвонящихся колоколовъ, самозажигающихся свѣчей, правда, нѣсколько въ иномъ приуроченіи собра-но у В. Н. Адриановой. Житіе Алексѣя человека Божія. II. 1917 стр. 359—374.

Изв. О. И. А. и Э. т. 32, в. 1.

рить: „Братъ, залѣземъ на эту гору, — не увидимъ ли гдѣ селенія? мы съ тобой оголожали, ись нечево!“ — Меньшой остался подъ горой, а большакъ залѣзъ на гору. И видитъ съ горы большакъ такой городъ: много народу вышло на плошпашъ. А въ этѣмъ городѣ, значить, царь померъ, и онѣ царя выбирали. И онѣ то удумали: поставили свѣчку — передъ которымъ загорить свѣча (сама отъ себя, когда онъ подойдетъ), тотъ и будетъ царь. И сколько бы изъ нихъ не подходило, — не передъ кѣмъ не горитъ. Изъ ихъ одинъ увидалъ такова челоуѣка на горѣ, — и здумали за имъ ѣхать. Приѣзжаютъ на гору. Мальчикъ стоитъ, поздоровался съ мужичкомъ. Мужичокъ говоритъ: „поѣдемъ со мной!“ — „Я голоденъ!“ Засовался въ карманъ, нашель крендель подаль мальчику, посадилъ ево и увезъ. Подвозить ево; подходитъ онъ къ етой свѣчѣ, — свѣча передъ имъ загорѣла.. онѣ скричѣли всѣ: „ура! быть тебѣ царемъ надъ нами“¹⁾. Аналогичный вариантъ у Аванасьева говорить о подобныхъ выборахъ въ церкви: „А въ томъ государствѣ померъ тогда царь, и собираются всѣ люди въ церковь со свѣчами: у кого прежде свѣча сама собою загорится, тотъ царь будетъ“²⁾. Мотивъ этотъ въ сказкахъ верѣдкій³⁾.

Такова первая аналогія къ мотиву а, напрашивающаяся сама собой и сдѣланная еще акад. В. Н. Перетцемъ. Онъ отмѣтилъ, что эта часть повѣсти „представляетъ собой обычное сказочное „общее мѣсто“: умираетъ царь, приближенные гадаютъ, кому отдать царство и присуждаютъ не мудрому (=чародѣю), а благочестивому младшему сыну“⁴⁾. Но то, что было справедливо подмѣчено въ вариантѣ легенды Владимірскаго у.⁵⁾ совершенно недостаточно для объясненія текста краткой редакціи II повѣсти. Повѣсть говоритъ о *шести* мужахъ, собравшихся въ *капищѣ*, молившихся *своимъ богамъ*, назвавшимъ себя *святыми* и избравшимъ изъ своей среды *бога и царя*. Для этого поставили *свѣчу посреди капища* и, помолвившись *идоламъ*, избрали младшаго *царемъ и богомъ*, т. е. при его поклонахъ загорѣлась *свѣча*, тогда какъ молитва старшаго была безуспѣшна. Подчеркнутыя мѣста, за исключеніемъ „*свѣчи*“ не только не находятъ себѣ соотвѣтствія въ сказкахъ, но и вообще даютъ образы необычные въ народной словесности. Ни число *шесть*, ни самообожествленіе героя, ни признаніе себя святымъ не свойственно en masse русскому народному художественному сознанию. Откуда же

¹⁾ Д. Зеленинъ. Великор. сказки Пермской губ. Петрогр. 1914 (Зап. Рус. Геогр. Общ. т. 41 стр. 24).

²⁾ Сказки Аванасьева, т. III изд. Грузинскаго М. 1914 стр. 40.

³⁾ Ср. напр. Бр. Соколовы. Сказки и пѣсни Вѣлозерскаго края. Спб. 1915 стр. 80. Аван. (ibid. III, 45 и IV, 217) указываетъ еще варианты избранія на царство посредствомъ самовозжигающейся свѣчи у Рыбникова, Пѣсни II, 274, у Эрленвейна 93. Любопытно отмѣтить также въ сказкахъ, что свѣча ставится то одна для всѣхъ претендентовъ, то передъ каждымъ. Вторая повѣсть даетъ первый случай, по сл. А — второй (см. вар. 31). М. быть эта новая черточка въ А также относится за счетъ правщика текста А. Тотъ же порядокъ избранія царя указываютъ нѣкоторыя сказки при избраніи Петра Вел., Бориса Годунова, Михаила Романова. (Вс. Миллеръ. Къ пѣснямъ, сказкамъ и преданіямъ о Петрѣ Великомъ въ Рус. Фил. Вѣстн. 1909 № 1 стр. 49—50). Ср. также И. Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. Спб. 1895, стр. 52—62.

⁴⁾ Легенды о картофелѣ стр. 96.

⁵⁾ См. ниже въ текстахъ. Акад. В. Н. Перетцу не было извѣстно списковъ II повѣсти.

эти элементы попали въ повѣсть? Я склоненъ искать ихъ объясненіе въ сознаниі религіозномъ. Имѣю ввиду крупную русскую секту „людей божіихъ“ или хлыстовъ, выдѣлившихъ впоследствии секту скопцовъ. Объяснюсь¹⁾.

„Въ столѣтній періодъ времени отъ 1631 по 1732 г.г. хлыстовщина, не подвергавшаяся почти ни одному слѣдственному розыску и преслѣдованію, успѣла охватить собою четыре губерніи: Владимірскую, Костромскую, Нижегородскую и Московскую и утвердилась въ этихъ губерніяхъ весьма прочно“²⁾. Въ дальнѣйшемъ секта раскинулась очень широко по Россіи, захватила губерніи Тамбовскую, Рязанскую, Калужскую, Самарскую, Воронежскую, Донскую Область, Петербургскую и рядъ др. губерній и мѣстностей³⁾. Если вспомнимъ, что пространная, а слѣдовательно и краткая редакція II повѣсти извѣстны изъ Нижегородской области, то станетъ понятной необходимость подчеркнуть территорію наиболѣе интенсивной жизни хлыстовщины. Съ другой стороны, всматриваясь въ *ритуалъ* этой интересной мистической секты, неизбѣжно приходится признать, что именно въ этомъ ритуалѣ легче всего отыскать тѣ элементы, изъ которыхъ складывается индивидуальная характеристика мотива а. Я подчеркиваю слово *ритуалъ*, ибо какъ видно будетъ дальше повѣсть не только не знаетъ *идеологию* хлыстовства, но прямо враждебна ей.

1) Если образъ избираемаго царя и можетъ найти соотвѣтствіе въ русскомъ народномъ творчествѣ, то избраніе „*бога и царя*“ наиболѣе удовлетворительно объясняется хлыстовствомъ. По преданіямъ хлыстовъ родоначальникъ секты Данило Филипповъ былъ „саваоомъ“, „превышнимъ богомъ“⁴⁾. Въ „Розыскѣ“ Дмитрія Ростовскаго разсказывается, что молящіеся къ этому саваоу взываху „овіи Господи помилуй мя, глаголюще; овіи же: о Создателю нашъ, помилуй насъ“⁵⁾. Основатель же скопчества, вышедшій изъ хлыстовъ — Селивановъ не только считался Христомъ сыномъ Божіимъ, но и царемъ и даже императоромъ Петромъ III⁶⁾. Въ Москвѣ въ 1716 г. хлысты лишились своего христа. Суслова и его замѣнилъ Прокопій Лупкинъ, котораго всѣ привѣтствовали: „царь великій, богъ великій!“⁷⁾. А во время радѣній выкрики „Царь Богъ! Царь Богъ!“ совершенно обычны у хлыстовъ⁸⁾. Въ ихъ религіозныхъ пѣсняхъ эти представленія также часты⁹⁾.

¹⁾ Изъ богатой литературы о хлыстахъ я считаю достаточнымъ для моихъ цѣлей ограничиться работами: К. Кутепова. Секты хлыстовъ и скопцовъ. Казань. 1883. А. Рождественскаго. Хлыстовщина и скопчество въ Россіи. М. 1882 (изъ Чт. О. Ист. и Др. Р. 1881 г. кн. I); И. Добротворскаго. Люди Божіи. Русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ. Казань. 1869 и А. Шаповъ. Умственныя направленія русскаго раскола. (Соч. 1906, I стр. 580—647). Последняя статья писана въ 1867 г., но не утратила значенія до сихъ поръ.

²⁾ Кутеповъ, стр. 39; Добротворскій 7—8, Рождественскій 26—27.

³⁾ Кутеповъ, 89—96.

⁴⁾ Кутеповъ 41.

⁵⁾ Кутеповъ, 46; Ср. Шаповъ, 614—615.

⁶⁾ Рождественскій, 134.

⁷⁾ Кутеповъ 55, ср. также 93, 272, 418.

⁸⁾ Кутеповъ, 495.

⁹⁾ Добротворскій, 137, 144.

2) Уже самое название „люди Божіи“ свидѣтельствуєтъ о томъ, что хлысты считаютъ себя *святыми*. На могилахъ нѣкоторыхъ изъ своихъ христовъ они осмѣливались даже открыто писать эпитафіи вродѣ „погребенъ святой угодникъ Божій“¹⁾.

3) Затѣмъ секты хлыстовъ и скопцовъ знаютъ „объявленіе“ бога и царя. Стоитъ хлысту объявить себя избранникомъ Божиимъ и признаніе его таковымъ со стороны корабля почти обезпечено,²⁾ ибо требуется лишь *нареченіе на кругу* т. е. въ корабль³⁾; у скопцовъ требовалась санкція еще Селиванова⁴⁾.

4) Роль *свѣчи* весьма замѣтна на всѣхъ радѣніяхъ хлыстовъ. Передъ божницами и портретами своихъ „боговъ“ и „богородицъ“ хлысты возжигаютъ свѣчи и курятъ еиміамъ,⁵⁾ или каждый изъ присутствующихъ получаетъ свѣчу⁶⁾, но особенно интересно то обстоятельство, что свѣча играетъ нѣкоторую роль при избраніи новаго члена въ корабль (пророчица креститъ три раза новаго члена горячей свѣчкой⁷⁾ и при всевозможныхъ праздникахъ⁸⁾ (избраніе начальника), для выраженія особаго дара пророчества⁹⁾. Въ пѣснопѣніяхъ хлыстовъ весьма часто говорится и о самозажигающихся свѣчахъ въ знакъ присутствія Божества: „Въ соборъ-церкву сошлись; у нихъ свѣчушки сожглись“¹⁰⁾ или „Во святомъ кругу всѣ свѣчи затеплились, сакатилъ съ небеси батюшка Духъ святой“¹¹⁾ и т. д.

5) Нельзя обойти, наконецъ, даже такого казалось бы малозначущаго элемента повѣсти какъ цифра „шесть“. Хотя у изслѣдователей не отмѣчено какого-либо пристрастія хлыстовъ къ цифрѣ 6, но матеріалы наталкиваютъ на эту мысль. Такъ годовое чрезвычайное радѣніе хлыстовъ продолжается 6 часовъ до полуночи и 6 часовъ послѣ полуночи¹²⁾; радѣніе „въ расходку“ требуетъ числа четыре, *шесть*, *восемь*¹³⁾, при формѣ радѣнія „ткать цвѣты и листочки“ три человека становятся противъ трехъ другихъ и перебѣгаютъ промежъ другъ друга съ одной стороны на другую, т. е. участвуютъ шестеро¹⁴⁾; въ пѣсняхъ хлысты поютъ: „Какъ я тебѣ дѣвица загадаю шесть загадокъ“¹⁵⁾, „Родная матушка помощница, Пресвятая богородица! Дай мнѣ сроку ты хошь на *шесть лѣтъ*“¹⁶⁾; по разсказу Селиванова братъ одной дѣ-

¹⁾ Кутеповъ, 51, 66.

²⁾ Рождественскій 140.

³⁾ Рождественскій 12.

⁴⁾ Рождественскій 12.

⁵⁾ Кутеповъ 474, 534; Рождественскій 192.

⁶⁾ Кутеповъ 484, 562; Рождественскій 192; Добротворскій 45, 161; Шаповъ 611.

⁷⁾ Добротворскій 60; ср. Рождественскій 214.

⁸⁾ Кутеповъ 480.

⁹⁾ Пророкъ въ изступленіи хватаетъ свѣчку и ставитъ себѣ на голову и производитъ смѣненіе въ знакъ сошествія св. Духа (Добротворскій 49).

¹⁰⁾ Кутеповъ 480.

¹¹⁾ Добротворскій, 153.

¹²⁾ Добротворскій, 62.

¹³⁾ Кутеповъ, 496.

¹⁴⁾ Кутеповъ, 496.

¹⁵⁾ Добротворскій, 36, 191.

¹⁶⁾ Добротворскій, 137.

вицы стрѣлялъ по немъ *шесть* разъ, но ружье, по промыслу божьему, не выстрѣлило ни одного разу¹⁾.

Подводя итоги сравненію элементовъ мотива *а* съ отдѣльными моментами ритуала хлыстовъ, я думаю, что вся совокупность фактовъ свидѣтельствуєтъ о несомнѣнной связи съ нимъ мотива *а*. Вопросъ только въ томъ, каковъ характеръ этой связи. а.) Придется ли отбросить цѣликомъ элементы народной сказки или дать ей болѣе скромное мѣсто во вліяніи на мотивъ *а*; б.) Признать ли мотивъ *а* записью какого-нибудь хлыстовскаго радѣнія очевидцемъ его или пасквиломъ на него со стороны врага? в.) Въ обоихъ случаяхъ сохраняется вопросъ о первоначальномъ видѣ мотива *а*, т. е. явился ли онъ впервые въ краткой редакціи II повѣсти или существовалъ еще до ея составленія и если существовалъ, то въ устномъ или письменномъ видѣ?

а.) Отвергать совершенно вліяніе сказки, вліяніе образовъ устно-народного творчества я бы не рѣшился по двумъ причинамъ. Во 1-хъ потому, что въ мотивѣ *а* есть элементы весьма близкіе къ сказкѣ. Такъ конкуренція *старшаго* и *младшаго* и побѣда послѣдняго—образъ напрашивающійся на объясненіе изъ сказки. Во 2-хъ потому, что объективное отношеніе къ хлыстовству требуетъ отмѣтить оригинальную точку зрѣнія А. Шапова, по которой хлыстовство возникло на финско-славянской почвѣ (ср. территориальную близость русскихъ съ инородцами въ Поволжьѣ), а не на церковно-византійской, т. е. нѣкоторые изъ вышеназванныхъ элементовъ хлыстовства (параллельныхъ элементамъ мотива *а*) имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ параллели и во внѣхлыстовской средѣ. У восточныхъ славянъ волхвъ могъ „сѣсть въ боги“ даже въ XVII вѣкѣ. Идея вочеловѣченія боговъ сильна у восточныхъ финскихъ племенъ и не чужда тюрко-татарскимъ племенамъ²⁾. Въ одной черемисской легендѣ разсказывается, какъ родоначальники племенъ собрались въ одно мѣсто и *набольшій* богъ въ образѣ юма научилъ ихъ молиться себѣ и какъ послѣ младшій братъ юмы вереметь обманомъ завоевалъ поклоненія себѣ черемись³⁾. У чувашъ и мордвы *свѣча* въ ритуалѣ также принадлежность необходимая⁴⁾ и даже нѣкоторые обряды повторяются именно *шесть* разъ⁵⁾. Все это полагаю указываетъ, что совершенно отвергать въ мотивѣ *а* народно-поэтическіе элементы едва ли мы вправе. Искры ихъ чувствуются въ мотивѣ *а* замѣтно.

б.) Но зато цѣлая группа совпаденій съ моментами хлыстовскаго ритуала убѣждаетъ въ томъ, что въ основѣ мотива *а* имѣлось ввиду хлыстовское радѣніе. Едва ли при этомъ можно сомнѣваться, что мотивъ *а* составилъ въ средѣ враждебной хлыстамъ. Вотъ почему не видно въ мотивѣ ни элемента идеологии хлыстовъ, а съ другой стороны полное презрѣніе къ нимъ, о чемъ свидѣтельствуєтъ самый фактъ внесенія разсказа въ цѣлахъ вселить антипатію у читателей. Понятно,

¹⁾ Шаповъ, 604.

²⁾ Шаповъ, 614.

³⁾ Шаповъ, 616.

⁴⁾ Тамъ же, 611.

⁵⁾ Тамъ же, 611.

что въ такой враждебной средѣ и мѣста моленій хлыстовъ, бывавшія порой подъ землей,¹⁾ могли казаться *капищами*, а ихъ портреты-иконы²⁾ *идолами*. Такъ обнаруживаются еще связи мотива съ хлыстовскимъ ритуаломъ.

в.) Наконецъ, при принятіи предложенной гипотезы нѣтъ нужды допускать существованіе мотива *а* до возникновенія краткой редакціи II повѣсти. Вѣроятно, составитель краткой редакціи, врагъ хлыстовъ, имѣя въ виду свои свѣдѣнія объ ихъ радѣніяхъ приступилъ къ составленію повѣсти, при чемъ незамѣтно внесъ и нѣкоторые элементы чисто сказочнаго характера. Полная картина истории краткой редакціи станетъ ясною однако послѣ разсмотрѣнія ея остальныхъ мотивовъ, къ которымъ и переходжу.

б) *Смерть черно книжника или знахаря, обойденнаго избраніемъ*. Въ этомъ мотивѣ необходимо подчеркнуть два момента: а) въ повѣсть вводится понятіе „окаяннаго“ человѣка, который научаетъ другихъ „скверному закону и дѣланію“, другими словами черно книжникъ, знахарь; б) связь со слѣдующимъ дальше мотивомъ произрастанія растенія на трупѣ знахаря предполагаетъ какую то связь этого „окаяннаго“ человѣка съ растеніями. Имѣя ввиду эти двѣ черты мотива б, я склоненъ искать его источникъ въ представленіяхъ двоякаго порядка. Именно.

1. Основываясь на близости мотива *а* къ отраженію явленій хлыстовскаго ритуала, можно продолжить эту близость и на мотивъ б. Ничего невозможнаго нѣтъ въ допущеніи, что неизбранный корабельщикъ, отдѣлился отъ одной общины и образовалъ новый корабль, къ которому присоединилась симпатизировавшая ему часть стараго корабля. Такія явленія въ жизни хлыстовъ обычны. Напр. въ 1732 г. умеръ крупный руководитель московскихъ хлыстовъ Прокопій Лупкинъ. Умирая, онъ прочилъ въ преемника себѣ крестьянина Сергѣя Осипова. Но Сергѣй Осиповъ „не былъ признанъ московскими хлыстами за Христа“, ибо у него оказался болѣе популярный соперникъ Андреянъ Петровъ³⁾. Если видѣть въ мотивѣ б отраженіе фактовъ, подобныхъ приведенному, то моментъ „окаянства“ объясняется изъ вражды составителя повѣсти къ хлыстамъ, а связь съ растеніями моментомъ случайнымъ.

2. Но съ другой стороны нельзя не отмѣтить и другой возможности или другого источника, отраженіе котораго мы имѣемъ въ мотивѣ б или непосредственно или въ видѣ очень отдаленной реминисценціи. Я имѣю ввиду чисто народныя представленія о знахаряхъ. Имѣются даже легенды о т. наз. первомъ знахарѣ, при томъ записанныя именно въ Поволжьѣ. А. Коринфскій⁴⁾ сообщаетъ одну изъ нихъ, къ сожалѣнію, лишь въ собственномъ пересказѣ. Такъ какъ изложеніе Коринфскаго весьма пространно и богато стилистической риторикой, то я привожу лишь схему легенды. Рѣчь идетъ о первомъ знахарѣ на

¹⁾ Кутеповъ 465 и сл.

²⁾ Кутеповъ, 470 и сл.

³⁾ Кутеповъ, стр. 70.

⁴⁾ А. Коринфскій. Народная Русь. 1901 М. стр. 621—624 въ главѣ «Злые и добрые травы».

землѣ. Человѣкъ зналъ и понималъ всѣ травы. Выстроилъ онъ въ лѣсу келью, уединился и сталъ изучать цѣлебныя травы. Узнали о немъ люди и стали приходить къ нему и богатые и бѣдные за исцѣленіемъ, и всѣ получали его бесплатно. Дьяволъ позавидовалъ и сталъ внушать лъстивыя мысли знахарю о богатствѣ, однако никакіе соблазны дьявола не имѣли успѣха. Наконецъ, состарился знахарь, и тутъ то дьяволъ побѣдилъ его обѣщаніемъ вернуть молодость. „Воротилъ ему дьяволъ прежнюю молодость, научилъ кромѣ добрыхъ, посябывающихъ Богомъ, травъ распознавать и злыхъ, возросшія изъ сѣмянъ, разбросанныхъ по вѣтру рукою врага рода человѣческаго“. И сталъ знахарь плодить на землѣ зло. Ангелъ и Богородица просятъ Бога спасти знахаря, но чортъ успѣваетъ уже взять душу его, такъ какъ чаша злыхъ дѣлъ перетянула чашу добрыхъ на вѣсахъ правосудія. И до сихъ поръ влочится въ адъ первый знахарь, продавшій душу дьяволу. Только разъ въ году въ Свѣтлое Христово Воскресеніе невидимо пробирается онъ на свѣтъ, и тогда травы вѣще шепчутъ ему о своей силѣ. Другіе, подслушивая этотъ шепотъ, получаютъ себѣ тайныя знанія.

Эта легенда о русскомъ народномъ Фаустѣ представляетъ собою конгломератъ уже многихъ сплетшихся мотивовъ, но въ общей схемѣ имѣетъ точки соприкосновенія съ нашимъ мотивомъ б. Именно: 1) Въ обоихъ случаяхъ сюжетъ концентрируется на исторіи знахаря, черно книжника; 2) въ обоихъ случаяхъ знахари связаны съ травой, съ растеніями; 3) оба въ конечномъ итогѣ плодятъ на землѣ зло.

Допущеніе народно-художественной основы для мотива б не только не входить въ коллизію съ предположеніемъ реальнаго источника, но вполне уживается и даже болѣе того подкрепляетъ внесеніе послѣдняго въ повѣсть. Хлысты Поволжья хорошо знали легенды о знахаряхъ и черно книжникахъ, и ихъ пророки, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, есть лишь отраженіе этого художественно языческаго представленія знахарства¹⁾.

в) *Произрастаніе растенія изъ трупа грешника*. Этотъ мотивъ составляетъ ядро краткой редакціи II повѣсти, а черезъ нее и пространной редакціи, хотя по размѣрамъ онъ и малъ. Объ этомъ центральномъ мотивѣ надо замѣтить слѣдующее:

Во 1-хъ безусловно, мотивъ *в* органически не связанъ ни съ предшествующими ему (*а* и *б*), ни съ слѣдующимъ (*г*).

Во 2-хъ искать мотивъ *в* въ сюжетахъ *повѣстей* о табакѣ также не имѣется оснований. Въ послѣднихъ фигурируетъ блудница, которая для цѣлей II повѣсти была бы гораздо цѣннѣе и была бы использована, если бы была извѣстна составителю ея.

Въ 3-хъ искать мотивъ *в* въ записяхъ изреченій тоже затруднительно. Подходящее сюда изреченіе № 6, какъ уже указано вѣрнѣе разсматривать, какъ отраженіе краткой редакціи II повѣсти, чѣмъ наоборотъ. Нельзя изреченіе № 6 считать источникомъ мотива *в* между прочимъ и потому, что оно шире мотива *в* и содержитъ намеки на мотив *а* и *г* (см. стр. 27).

¹⁾ Большой матеріалъ собранъ у А. Шапова. Соч. I «Умственное направл. русск. раскола, особенно стр. 597—601.

Все это побуждает искать источники мотива *в* въ иномъ мѣстѣ. И опять в мотивѣ *в* какъ въ *а* и *б* мы наблюдаемъ синтезъ тѣхъ же двухъ источниковъ.

1) Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что основа мотива *в* чисто народныя повѣрья о происхожденіи картофеля. На болѣе подробномъ анализѣ послѣднихъ я остановлюсь въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же приведу только одинъ вариантъ. Въ Кадниковскомъ у. Вологодской губ. старообрядцы рассказываютъ: застали мужчину и женщину въ грѣхѣ, убили ихъ на мѣстѣ преступленія и тутъ же закопали; гдѣ былъ зарытъ мужчина, тамъ выросъ картофель, а гдѣ женщина—тамъ табакъ¹⁾. За другими примѣрами отсылаю къ слѣдующей главѣ. Здѣсь только отмѣчу, что хотя вариантъ Кадниковскаго у. и имѣетъ сексуальный моментъ, но вообще въ повѣрьяхъ о картофелѣ онъ не обязателенъ. Простѣйшій типъ мотива—выростанія растенія на трупѣ. Спрашивается, почему именно мотивъ *в* въ краткой редакціи внесъ сексуальный моментъ („от уда и от костей его изъ ефедрона его сквернаго взяся кореніе“...).

2) Все теченіе сюжета краткой ред. II повѣсти отнюдь не предполагаетъ сексуальнаго момента. Поэтому думаю, что его источникомъ было представленіе составителя о тѣхъ же хлыстахъ. О такъ называемомъ „свальномъ грѣхѣ“ у хлыстовъ говорятъ всѣ изслѣдователи. Самое скопчество возникло какъ результатъ протеста противъ половой разнузданности хлыстовъ. Такъ народное повѣрье о картофелѣ, преломляясь въ сознаніи оппозиціонера хлыстовства, принимаетъ сексуальный отбѣнокъ.

Итакъ разсмотрѣніе элементовъ, изъ которыхъ составила краткая редакція, закончено. Подведу итоги. Произведенія строго книжной литературы бываютъ болѣе скромны въ своихъ источникахъ сравнительно съ произведеніями полукнижной, полународной литературы. А именно съ послѣднимъ видомъ произведенія мы имѣемъ дѣло въ краткой редакціи II повѣсти. Поэтому я не вижу ничего страннаго въ обиліи элементовъ изъ которыхъ она сложилась. 1) Имѣя ввиду, что образъ хлыстовскаго ритуала проникаетъ три основныхъ мотива (*а*, *б*, *в*) изъ четырехъ, можно заключить, что основнымъ источникомъ краткой редакціи былъ образъ хлыстовскаго ритуала, преломленный сквозъ призму оппозиціонно настроеннаго къ нему автора повѣсти. 2) Но отдѣльные моменты этой основы осложнялись привнесеніемъ устно-народныхъ художественныхъ представленій, именно: *а*) сказачнаго мотива избранія царя путемъ самозажигающей свѣчи, *б*) легендъ о знахаряхъ и кудесникахъ и *в*) повѣрій о происхожденіи картофеля. Эти осложненія вызывались не сознательнымъ привлеченіемъ ихъ со стороны автора, а естественными ассоціативными процессами его примитивнаго сознанія. Вотъ почему трудно даже сказать, была ли самая краткая редакція повѣсти создана въ цѣляхъ объясненія происхожденія картофеля, или, наоборотъ, картофельное повѣрье проникло въ краткую редакцію случайно, повлекши за собой новый источникъ-пись-

¹⁾ Этногр. Обзор. XXVI, стр. 158.

менный¹⁾, т. е. 3) запись изреченія типа № 4. Наконецъ, 4) имя царя Анепсія могло быть воспоминаніемъ повѣстей о табакѣ²⁾, или м. б. попасть изъ записей-изреченій³⁾. Почти всѣ остальные вопросы связанные съ краткой редакціей II повѣсти разрѣшима лишь приблизительно. Ни авторъ, ни время ея возникновенія неизвѣстны точно. Впрочемъ XVIII и самое начало XIX вв.—вотъ пространство времени когда она могла возникнуть. Авторъ, судя по источникамъ, принадлежалъ къ одной изъ старообрядческихъ сектъ, враждебныхъ хлыстовству, и по своему мировоззрѣнію стоялъ на уровнѣ примитивной психологіи простолюдина, но, видимо, былъ не безъ творческой активности, т. е. попытка составленія повѣсти да еще на основѣ наблюденія надъ дѣйствительностью характеризуетъ его со стороны заслуживающей вниманія.

На мѣсто составленія краткой редакціи указываютъ: 1) источники: наиболѣе сильно распространено было хлыстовство въ среднемъ Поволжьѣ; 2) внесенія краткой редакціи въ пространную, составленную, какъ указано выше въ Нижегородской области. Думаю поэтому, что именно Среднее Поволжье породило и краткую редакцію II повѣсти.

Популярность ея выразилась не только въ привлеченіи какъ источника для пространной редакціи, но и въ созданіи изъ краткой редакціи типа *сокращенной*, которая превратилась по характеру своему въ простую запись-изреченія (см. изреченіе № 6)⁴⁾.

9

По пути углубленія въ область источниковъ повѣстей о происхожденіи картофеля мы столкнулись такимъ образомъ съ новыми—со сказками объ избраніи царя, съ легендами о знахаряхъ и съ повѣрьями о картофелѣ. Изъ прежде выясненныхъ остались неразсмотрѣнными записи изреченій. Понятно, что сказки объ избраніи царя и легенды о знахаряхъ вывели бы меня изъ рамокъ темы, и потому я ихъ оставляю безъ разсмотрѣнія. Остаются народныя повѣрья о картофелѣ и записи-изреченій.

¹⁾ Связующее звено—отращеніе раскольниковъ къ картофелю.

²⁾ См. тексты, изд. А. Сысоевымъ и Пилинымъ.

³⁾ Еще акад. А. Н. Веселовскій (Ист. рус. слов. Галаховъ. I, 464) указывалъ, что имя Анепсій попалъ въ повѣсти о табакѣ случайно. Могло оно быть и въ записяхъ изреченій, разъ тамъ попадаются слова еллинъ, Римъ. Поэтому реминисценція повѣстей о табакѣ въ краткой редакціи не обязательна. Мнѣ извѣстенъ еще случай употребленія слова анепсій въ письменномъ памятникѣ, хотя и не въ значеніи собственнаго имени. Именно, въ болгарской редакціи „житія Эзопъ“ XIV в. читаемъ, что господинъ Эзопъ „сътвориша его анепсеа ксаѳіова и рѣши царю: господи сѣи есть анепсей ксаѳіовъ...“ (В. Андерсонъ Императоръ и аббатъ I. Казань 1916 стр. 77). Т. обр. данный грецизмъ встрѣчается въ славянскихъ памятникахъ и кромѣ повѣстей о табакѣ и картофелѣ.

⁴⁾ Не лишне замѣтить, что тема произрастанія растеній на трупахъ людей входитъ въ письменный сюжетъ не только въ картофельныхъ повѣстяхъ, а и въ другихъ чисто литературныхъ же памятникахъ. Кромѣ повѣстей о табакѣ, укажу рядъ повѣстей о ризѣ Господней, гдѣ маслина вырастаетъ на трупѣ дѣвушки, погребенной вмѣстѣ съ ризой Христа (С. Брайловскій. Новый вариантъ повѣсти о ризѣ Господа Наша Іисуса Христа въ „Библиографъ“ 1889 № 1). Все это выводитъ нашу тему и въ литературномъ отношеніи изъ круга явленій единичныхъ. Устно народныя параллели будутъ указаны дальше.

Обращаясь къ изученію народныхъ повѣрій о картофелѣ, я ставлю вопросъ шире, чѣмъ это нужно для установленія одного изъ источниковъ краткой редакціи II повѣсти (мотивъ в). Я привлекаю нѣсколько группъ повѣрій, а также и другіе продукты устно поэтического творчества, какіе мнѣ удалось собрать. Ихъ зарегистрировано пока на тему о картофелѣ сравнительно немного, но то что зарегистрировано представляетъ интересъ. Ставлю вопросы: I что порождало повѣрья о картофелѣ; II какіе процессы дѣйствовали въ ихъ сложеніи; III какова исторія возникшихъ уже повѣрій.

I. Что порождало русскія повѣрья о картофелѣ¹⁾. Основныхъ факторовъ, лежащихъ въ основѣ всѣхъ повѣрій о картофелѣ можно отмѣтить два:

1) *Реальные бытовые факты.* Картофель, занесенный въ Европу вѣроятно, въ послѣдней четверти XVI вѣка²⁾, въ Россіи появился впервые въ Петербургѣ, гдѣ уже въ первой половинѣ XVIII в. былъ разводимъ въ значительномъ количествѣ „партикулярными людьми“ (вѣроятно, иностранцами и лицами высшихъ сословій)³⁾. Мѣры къ повсемѣстному разведенію картофеля впервые приняты были при Екаторинѣ II по почину медицинской коллегіи съ президентомъ бар. А. Черкасскимъ. Дѣло шло первоначально объ изысканіи средствъ помочь дешевле голодавшимъ крестьянамъ Финляндіи; по этому поводу медицинская коллегія рапортовала Сенату въ 1765 г., что лучший способъ къ предотвращенію этого бѣдствія „состоитъ въ тѣхъ земляныхъ яблокахъ, кои въ Англіи называются потетесъ, а въ иныхъ мѣстахъ земляными гру-

¹⁾ Интересный, но сложный вопросъ о запрещеніи въ пищу растений вообще у разныхъ народовъ не входитъ въ мою задачу. Но полагаю, что этотъ вопросъ надо отдѣлить отъ вопроса о запрещеніи въ пищу животныхъ, птицъ и рыбъ. (табу) Последнее связано съ религіозными, а еще вѣроятнѣе съ гигиеническими основаніями—страхомъ за здоровье. (См. Richard Andree. Ethnographische Parallelen und Vergleiche. Stuttgart. 1878 p. 114—127 со ссылкой на Wiener. Die alttestamentlichen Speiseverbote in Zeitschrift für Ethnol. VIII. Указаніемъ на статью Andree и обязанъ любезности проф. Б. Ф. Адлера). Нѣкоторыя же изъ запрещеній растений идутъ, видимо, изъ другого круга идей и связаны не столько съ религіозными, сколько съ народно-поэтическими представленіями о культѣ растений (см. Тейлоръ. Первобытная культура. Пер. Корончевскаго I ч. 2 стр. 52, т. II стр. 89, 283, 297 и др.; Вопросы теории и психол. творчества, V, 1914 стр. 384—387; Харузинъ Н. Этнографія, IV).

²⁾ Не привожу исторіи появленія картофеля въ Европѣ, т. к. это въ дѣлу не относится. Разсказана она м. пр. въ Энциклопед. словарь Брокгауза и Эфрона т. XIV, въ Большой энциклопедіи IX т. и въ др. энциклопедіяхъ. Интересныя замѣчанія о враждебномъ приѣмѣ картофеля на Западѣ даетъ М. И. Кулишъ. (Очерки сравнительной этногр. и культуры Спб. 1887 стр. 27—32). Во Франціи напр. по словамъ Артура Юнга, 99 французскихъ крестьянъ изъ 100 навѣрное отказались бы взять его въ ротъ. Даже среди прусской интеллигенціи существовало убѣжденіе въ XVIII в. въ ядовитости картофеля.

³⁾ Едва ли правъ акад. В. Н. Перетцъ, датирующий появленіе въ Россіи картофеля второй половиной XVIII в. (Лег. о проих. карт. стр. 90) даже концомъ ея. Картофель извѣстенъ въ Россіи даже по документамъ нѣсколько раньше. Такъ В. Н. Татищевъ въ бытность его астраханскимъ губернаторомъ составилъ въ 1742 г. «Краткія экономическія до деревни слѣдующія записи» и въ нихъ упоминаетъ картофель дважды, одинъ разъ въ „формѣ, какъ годовыя вѣдомости сочинять“, другой разъ перечисляя овощи и фрукты, которые должна имѣть хозяйка въ саду. (Временникъ М. Общ. Ист. и Др. Рос. 1852 кн. 12 смѣсь, стр. 24 и 27. Указаніемъ обязанъ любезности С. И. Порфирьева). Авторъ статьи въ Полн. энциклоп. Сельскаго хозяйства. 1911, IV, стр. 9 указываетъ, что при Анніи Іоанновнѣ, т. е. въ первую треть XVIII в. „картофель уже не былъ рѣдкостью и даже началось разведеніе его подъ Петербургомъ на огородахъ“.

пами, тартуфелями и картуфелями“. Тогда же по повеленію императрицы, сенаторы разсланы были по всѣмъ мѣстамъ имперіи съменна и наставленіе о развитіи картофеля, и заботы объ этомъ поручены губернаторамъ. При Павлѣ I также приписывалось разводить картофель не только на огородахъ, но и на полевой землѣ. Въ 1811 г. посланы были въ Архангельскую губ. три колониста съ порученіемъ насадить опредѣленное число десятинъ картофеля. Всѣ эти мѣры имѣли отрывочный характеръ; массой населенія картофель встреченъ былъ съ недоверіемъ и культура его не прививалась. Только въ царствованіе Николая I, въ виду бывшаго въ 1839 и 1840 гг. неурожая хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, правительство приняло самыя энергичныя мѣры къ распространенію посѣвовъ картофеля. Высочайшими повеленіями, послѣдовавшими въ 1840 и 1842 гг. постановлено было: 1) завести во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ общественные посѣвы картофеля, для снабженія этимъ послѣднимъ крестьянъ къ будущимъ посѣвамъ, 2) издать наставленіе о воздѣлываніи, храненіи и употребленіи картофеля и 3) поощрять преміями и другими наградами хозяевъ, отличающихся разведеніемъ картофеля. Осуществленіе этихъ мѣропріятій встрѣтилось во многихъ мѣстахъ съ упорнымъ сопротивленіемъ населенія. Такъ, въ Ирбитскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ Пермской губ. государственные крестьяне какъ то связали съ предписаніемъ общественныхъ посѣвовъ картофеля идею о продажѣ ихъ помѣщикамъ; разразился картофельный бунтъ (1842), выразившійся въ избіеніи сельскихъ властей и потребовавшій для усмиренія своего содѣйствія военныхъ командъ, которыя въ одной волости вынуждены были даже пустить въ ходъ картечь; по числу участвовавшихъ въ немъ крестьянъ и обширности охваченнаго имъ района—это крупнѣйшее изъ русскихъ народныхъ волненій XIX в., которое и повлекло за собою репрессаліи, отличавшіяся обычною въ то время жестокостію. Въ общемъ правительство достигло своей цѣли; посѣвы картофеля привились настолько, что уже въ 1843 г. правительство признало возможнымъ прекратить разведеніе картофеля на общественныхъ участкахъ во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ посѣвы его достигли одного четверика на душу, а въ 1844 г. постановлено было сохранить преміи и награды за посѣвы картофеля на поляхъ и огородахъ, гдѣ онъ еще недостаточно распространенъ, въ прочихъ же награждать лишь за посѣвы картофеля на поляхъ, а также за употребленіе его въ кормъ скоту¹⁾. Наличность нѣкотораго недоверія къ картофелю даже не въ крестьянской средѣ объясняетъ ту довольно большую пропагандистскую литературу о картофелѣ, которая имѣется въ русскихъ журналахъ XVIII вѣка и отмѣчена у акад. В. Н. Перет-

¹⁾ Исторію культуры картофеля въ Россіи привожу по Энцикл. словарю Брокгауза и Эфрона т. XIV. Всѣ дальнѣйшія бібліографическія ссылки о картофелѣ, табакѣ, чаѣ и пр. дѣлаю лишь на статьи, имѣющія какое-нибудь касательство къ фольклору. О матеріальной же культурѣ растений, какъ равно и объ исторіи ихъ распространенія въ Россіи можно найти огромную литературу кромѣ всякихъ энциклопедій у А. Д. Педаненко. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству. (за большое число лѣтъ), также у В. Межова. Сибирская бібліографія. Его же. Матеріалы русской географіи, статистики и этнографіи (рядъ томовъ, съ 1864 года).

ца ¹⁾. А въ крестьянской простонародной старообрядческой средѣ, мы видимъ определенно враждебное отношеніе къ новому растенію ²⁾. Коллизія правительственныхъ мѣропріятій съ народнымъ недоверіемъ неизбежно должна была породить извѣстный эффектъ въ простонародной психикѣ. Такимъ эффектомъ и были устно-народныя повѣрья о новомъ зельѣ-картофель ³⁾.

2) *Народно-поэтическая или мифологическая традиція.* Если бытовые жизненные факты были факторомъ стимулирующимъ возникновеніе повѣрій, то необходимъ былъ факторъ формирующий, опредѣляющій характеръ содержанія народныхъ повѣрій о картофелѣ. Только вѣстная дѣятельность обоихъ факторовъ могла создавать ихъ. Если первый факторъ есть причина дѣйствующая извнѣ, то второй — внутренняя и кроется въ народной психологіи. Это опредѣленное, данное въ болѣе или менѣе давнее время, традиціонное содержаніе народно-поэтического или мифологическаго сознанія. Всѣ повѣрья о картофелѣ въ смыслѣ народно-поэтической или мифологической ихъ основы можно разбить на нѣсколько группъ:

а) первую группу я назвалъ бы повѣрьями безъ *строго-опредѣленной* народно-поэтической традиціи. Въ Юсехонскомъ уездѣ Ярославской губ. рассказываютъ, что лѣтъ тридцать назадъ по воспоминаніямъ старожиловъ, картофель считался среди лѣснаго раскольниковъ населенія растеніемъ нечистымъ, „чортовымъ яблокомъ“, такъ какъ баба сидѣла однажды на немъ, какъ на яйцахъ и высиживала мышей ⁴⁾ (ср. „земляныя яблоки“ въ изреченіи-записи № 3). С. Максимовъ пи-

¹⁾ Легенды о происх. картоф. стр. 90—92.

²⁾ Хотя эти поздніе картофельные бунты были отчасти вызваны политическими мотивами, опасеніемъ со стороны крестьянъ новаго закабаленія, но все же нѣкоторую долю участія принимали мотивы и суевѣрнаго характера. Такъ во время бунта въ Вятской губ. (Ист. Вѣстн. 1881, т. V стр. 558) „вмѣстѣ съ толками о закрѣпощеніи «барину» или переходѣ въ удѣлъ, появились въ народѣ толки о новой антихристовой вѣрѣ, при чемъ распространился слухъ, что изъ села Кучумъ вывели образъ великомученицы Екатерины, а на мѣсто его привезли ликъ съ однимъ глазомъ, какъ коневое копыто“. Ср. изреч. № 4 о временахъ антихриста. И въ Архангельской губ. распространеніе картофеля шло плохо въ нач. 1765 г. тоже не безъ вліянія «суевѣрныхъ предразсудковъ» (Рус. Стар. 1879 т. 26 стр. 88, а также въ Архангельскихъ Губ. Вѣд за 1873 г. № 89, 90 и 91). То же въ Пермской губ. (А. Зыряновъ. Крестьянское движеніе въ Шадринскомъ у. Пермской губ. въ 1843 г. Др. и Нов. Россія 1879 ноябрь стр. 234). То же въ Козмодемьянскомъ у. Казанской губ. (В. Матницкій. Разказы объ Аграмовскомъ картофельномъ бунтѣ чувашъ въ 1842 году. Волжскій Вѣстникъ 1883 № 34 стр. 681—684).

³⁾ Есть основаніе кажется предполагать, что эта антипатія по отношенію къ новымъ растеніямъ доходила до ригоризма. Такъ просматривая случайно рядъ документовъ — вещественныхъ доказательствъ среди дѣлъ Казанскаго Судебнаго архива, я натолкнулся на перепечатанную на пишущей машинкѣ тетрадку подъ карандашными №№ 89 (и 64) подъ загл. „18 статей о пьянствѣ и чаѣ... е—ны а—ны“. Въ ней перепечатаны правила и наказанія за пьянство въ формѣ діалога священника съ простымъ, при чемъ въ статьяхъ о пьянствѣ дѣлаются ссылки на А. Арх. Эксп. (I. П. Б. 1836 № 383 и 1503—4 № 385 стр. 488). Зонарь. Прав. 136 лис. 95. Номоканонъ Прав. 143 лис. 37 об.; Зонарь Прав. 195, Альфа мелк. печ. гл. 55 лист. 171. Вмѣстѣ съ тѣмъ на послѣднемъ листѣ перепечатано на машинкѣ, вѣроятно, изъ старообрядческой рукописи слѣдующее: Пунать І. Аще кто либо изъ христіанъ будетъ пить чай, и извѣстіе окажется о томъ по явному свидѣтельству, и таковыхъ подвергать отлученію: такъ какъ поступающихъ въ заповѣнную, и подающихъ претиканіе, и соблазнъ: и хулу имени Божію и на православіе: такъ какъ соблазняющихъ братію и проч. по заповѣданію апостола и подлежащихъ отлученію по оному“. Подобный ригоризмъ могъ быть и по отношенію къ табаку, картофелю, кофе и проч.

⁴⁾ Этногр. Обзор. вып. XL—XLII, стр. 223.

шетъ, что крестьяне обвиняютъ чертей „даже въ изобрѣтеніи такихъ злаковъ, какъ чай и картофель.“ ¹⁾ С. И. Порфирьевъ любезно сообщилъ мнѣ еще вариантъ, слышанный имъ въ дѣтствѣ отъ кухарки, крестьянки Казанской губ., что если сварить картофель въ молокѣ, то изъ него выйдутъ мыши или кутята (родъ животныхъ точно С. И. не помнитъ). Наконецъ, Б. Никоновъ въ формѣ небольшой повѣсти „Картофельный бунтъ“ передаетъ возмущеніе старообрядцевъ по поводу распространенія въ ихъ средѣ картофеля и между прочимъ сообщаетъ еще одно повѣрье. Вотъ это мѣсто:—А откуда, дѣдушка, эти яблоки пошли;—задумчиво промолвилъ третій спутникъ, юноша:—что въ писаніи о нихъ сказано?..—Яблоки эти — порожденіе діавола!—медленно отвѣтилъ старикъ:—въ писаніи на этотъ счетъ ничего не прописано, но было откровеніе... Онъ остановился, прислушался и помолчалъ.—Опять птица, Господь съ ней! Летаешь, маешься... Было, говорю я, откровеніе. Когда Господь сотворилъ рай и райскія яблоки, въ ту же самую пору и тотъ, черный-то, не къ ночи будь помянуть, затѣялъ создать нѣчто подобное. Разсчитывалъ въ гордынѣ своей, что его яблоки будутъ и краше и драгоцѣннѣе и послужатъ къ его прославленію... Ахъ на дѣлѣ-то вышло не такъ! Проклятіе Божіе лежало на нихъ, и отягченные, ушли они подъ землю, и почернѣли, какъ самый ликъ сатаны... Впалъ онъ въ ярость и погубляетъ теперь людей ими очаровавъ *князей и сильныхъ міра сего* ²⁾—И даже царицу?—робко спросилъ юноша.—И царицу—строго подтвердилъ старикъ.—Словно древле Еву, соблазнилъ ее этими яблоками... И пошли теперь приказы да наказы, да бумаги отъ начальства: сѣять эту овощъ!.. А того и не знаютъ, что это діаволово сѣмя ³⁾. Л. Симонова ⁴⁾ также построила цѣлую повѣсть на картофельныхъ волненіяхъ безпоповцевъ Краснополяской волости въ Пермской губ., гдѣ крестьяне называли картофель „поганью, чортовымъ яблокомъ“ ⁵⁾, „ни землю молъ ни нутро свое не хотимъ поганить“ ⁶⁾. Въ Тульской и Московской губ. также картофель называютъ „землянымъ или чортовымъ яблокомъ“ ⁷⁾.

Всматриваясь въ эту группу повѣрій мы не можемъ строго опредѣлить, какое народно-поэтическое представленіе лежитъ въ ихъ основѣ. Одно ясно, что въ нихъ замѣшанъ чортъ, злая сила. Любопытенъ въ этомъ отношеніи вариантъ Никонова, который и самъ объясняетъ эту неясность традиціи новымъ яко бы „откровеніемъ“. „Я ничего не имѣлъ бы возразить противъ названія основы этой группы повѣрій—*отра отъ растенія, порожденныя злой силой*, вѣра, поддержанная м. б. евангель-

¹⁾ С. Максимовъ. Нечистая, невѣдомая и крестная сила. Спб. 1903 стр. 9.

²⁾ Ср. Записи-изреченія № 4.

³⁾ Повѣсть Никонова напеч. въ „Истор. Вѣстн.“ 1907 № 10 стр. 159. Сравненіе съ діаволовымъ сѣменемъ напоминаетъ записи-изреченія № 3 и 1.

⁴⁾ Л. Симонова. Чортово яблоко. Эпизодъ изъ раскольниковъ пропаганды („Живописное Обозр.“ 1881 г. т. I № 19 стр. 373—375; № 20 стр. 393—395; № 21 стр. 413—416; № 22 стр. 433—435).

⁵⁾ Тамъ же № 20 стр. 393.

⁶⁾ Тамъ же № 19 стр. 374.

⁷⁾ В. Даль. Толковый словарь живого великор. яз. II. 1905.

скимъ образомъ плевать¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что эта группа повѣрій и самой своей основой и неопредѣленностью самихъ повѣрій указываетъ на ея первичность. Насильственная культура картофеля вызываетъ протестъ народной психики. На сцену выступаетъ естественный и близкій образъ чорта²⁾.

б) Вторую группу составляютъ повѣрья, основанныя на народныхъ представленіяхъ о произрастаніи растений *на трупахъ людей*. Представленія эти извѣстны у всѣхъ народовъ, и потому даже примѣровъ на нихъ приводить не стану. Начиная съ древнѣйшей міровой сказки—египетской сказки о двухъ братьяхъ³⁾, черезъ овидіевыхъ Филемона и Бавкиду⁴⁾, средневѣковыя повѣрья о Тристанѣ и Изольдѣ⁵⁾ и къ современнымъ международнымъ сказкамъ о чудесной свирѣли, полученной изъ тростника на трупѣ убитого человѣка⁶⁾, мы можемъ прослѣдить это народное представленіе. При чемъ оно даже дифференцировалось въ томъ смыслѣ, что одни растения, признаваемые за хорошія, вырастаютъ на могилахъ хорошихъ людей (яворъ и калина на могилѣ влюбленныхъ; розы, лиліи, боярышникъ—на могилахъ умершихъ отъ несчастной любви⁷⁾), другія растения, признаваемые за дурныя, вырастаютъ надъ злыми людьми (крапива напр. или другое ядовитое растение⁸⁾), третьи, наконецъ, вырастаютъ не надъ трупами, а надъ кровью, слезами и т. п. человѣка (плакунъ-трава изъ слезъ Богородицы⁹⁾, горохъ изъ слезъ Адама¹⁰⁾ и т. п.

Считаю нужнымъ сдѣлать и еще одно замѣчаніе о народныхъ повѣрьяхъ, рассматриваемаго типа. Всѣ повѣрья о произрастаніи растений на тру-

¹⁾ Представленія о растеніяхъ, посѣянныхъ злой силой весьма обычны. Ниже указано, что таковымъ считается табакъ. Но и помимо табака, напр. въ лѣчебникахъ-травникахъ можно найти, что ядовитыя растенія произошли не безъ участія злой силы. См. также А. Коринфскій. Народная Русь 1901 М. стр. 621—624. и Добрыя и злыя травы (Владимірска Губернска. Вѣдом. 1900 г. № 39 и 40).

²⁾ Возможно и еще одинъ источникъ этой группы представленій—библейскій образъ яблока древа познанія добра и зла. А. Зыряновъ. Крестьянское движеніе въ Шадринск. у. Пермск. губ. въ 1843 г. (Древн. и Нов. Россія 1879, ноябрь стр. 267) указываетъ, что раскольникъ называютъ картофель «яблокомъ добра и зла». Если вариантъ Зырянова подслушанъ действительно у народа, то онъ можетъ послужить объясненіемъ «чортова яблока».

³⁾ В. Стасовъ. Древнѣйшая повѣсть въ мірѣ (Вѣсти. Евр. 1868 окт. стр. 708—718). См. также «Египетскія сказки» подъ ред. К. Бальмонта. М. 1917 стр. 41—53.

⁴⁾ Pub. Ovidii Nasonis origum t. II ed. B. Snippingus 1670 Lib. VIII vers. 713—725.

⁵⁾ Напр. въ итальянской редакціи романа о Тристанѣ и Изольдѣ разсказывается, что они обнимаются и умираютъ вмѣстѣ и на гробницѣ любовниковъ выросла виноградная лоза: одинъ ея корень въ сердцѣ Тристана, другой въ сердцѣ Изольды (А. Веселовскій. Изъ ист. ром. и пов. II стр. 207 со ссылками на Goethe'a и замѣтки Gaidoz'a въ Melusine IV, 12 и 60—62).

⁶⁾ Библиографію сказокъ о вѣщей свирѣли см. въ Этно. Обзор. XXII, 125—126.

⁷⁾ В. Н. Перетцъ. Легенды о пр. карт. (Сборникъ Майкову) стр. 94.

⁸⁾ Тамъ же стр. 95. Вѣроятно изъ устъ народа подслушалъ Гоголевскій поповичъ въ «Сорочинской ярмаркѣ», что крапива—«змѣиодобный злакъ» (Соч. подъ ред. Н. Тихонравова I 1889 стр. 20).

⁹⁾ Тамъ же, стр. 95.

¹⁰⁾ Существуетъ не привлекавшійся доселѣ въ ученой литературѣ вариантъ, записанный Бѣльковскимъ въ Староконстантиновскомъ у. Волынской губ., гдѣ крестьяне называютъ горохъ «слезами Адама». Вотъ онъ: «То, якъ Господь вигнавъ Адама зъ раю, то винъ мусивъ взятися за роботу, обробляти землю—щобъ прокормити себе зъ Эвою. Трудно було Адамови привыкати до тяжкой праці, и отъ, якъ винъ першій разъ ходивъ за плугомъ,—то дуже плакавъ; и де падали на землю ёго слезы,—тамъ вирисъ горохъ» (Кіев. Стар. 1903 № 5 стр. 100).

пахъ людей разбиваются на двѣ группы на *иномъ еще основаніи*, именно въ зависимости отъ концентраціи народнаго вниманія то на причинѣ то на слѣдствіи. *Первая* группа повѣрій обнаруживаетъ особый интересъ къ злему или доброму человѣку, изъ тѣла котораго какъ неизбежное слѣдствіе вырастаетъ растение (здѣсь самое растение и хронологически и психологически моментъ вторичный). *Вторая* группа повѣрій останавливаетъ особенно сильно народное вниманіе на самомъ растеніи, подбирая для его объясненія въ видѣ причины трупъ (здѣсь растение—хотя хронологически моментъ вторичный, но художественно-психологически есть моментъ первичный и доминирующий). Ко второй группѣ я отнесъ бы и легенды о свирѣли, о плакунъ-травѣ, о горохѣ, а также легенды напр. о происхожденіи осины¹⁾, травы Симтаримъ²⁾ и т. п., къ первой группѣ остальные изъ вышеперечисленныхъ. Понятно, что основу даннаго круга картофельныхъ повѣрій дѣлесообразнѣе искать во второй подгруппѣ повѣрій о растеніяхъ изъ труповъ людей³⁾.

Возможно, что существуютъ повѣрья о картофелѣ, возникшія на указанной основѣ непосредственно, но я ихъ не знаю. Зато есть значительная группа повѣрій о картофелѣ, возникшихъ черезъ посредство повѣрій о табакѣ, базирующихся на указанномъ народно-поэтическомъ основаніи. Вообще повѣрій и легендъ (оставая въ сторонѣ повѣсти) о табакѣ довольно много и у славянъ и у другихъ народовъ⁴⁾. И зна-

¹⁾ «Звѣди взялася осика? Одна дівчина етала ся матерію, а не хотячи, щоби розійшла ся лиха слава про неї між людьми, забила свою рідну, що тільки народжену дитину та закопала під плотом. На могилі нехрещеної зачиті дитини виріс величезний корч бозу, а у корчі сховав ся чорт, дівчина-ж біля корча стала осикою. Вона, скоро тільки новіс легенький вітер, дрожить ві сгиду та с раху» (Этногр. Збірн. XIII, стр. 123 № 312, перепечатано изъ «Зоря» 1895 ст. 35).

²⁾ Въ одномъ Травникѣ разсказывается: «Въ травахъ царь есть Симтаримъ трава, о шести листахъ: первой синь, другой червленъ, третій желтъ, четвертый багровъ, а братъ вечеромъ на Ивановъ день, сквозь золотую гривну или серебряную, а подъ корнемъ той травы ч-ловѣкъ, и трава та выросла у него изъ ребръ» (О. Буслаевъ. Ист. очерки. II, 1861 стр. 38).

³⁾ Не въ качествѣ параллели къ повѣрьямъ, а какъ любопытную иллюстрацію аналогичной дѣятельности фантазіи на Руси еще издревле упомяну интересное замѣчаніе въ Повѣсти врем. лѣтъ подъ 6527 годомъ о могилѣ Святополка окаяннаго: «Есть же могила его въ пустыни и до сего днѣ; исходить же отъ нея смрадъ злы» (см. изд. А. А. Шахматова. Петр. 19 6 стр. 185). Съ другой стороны повѣщаніе беллетристы, вѣроятно, безсознательно вращаются иногда въ сферѣ тѣхъ же образовъ. Напр. въ разсказѣ М. Арцыбашева «Смерть Ланде» на трупѣ послѣдняго, изъ года въ годъ особенно густо и радостно росъ папоротникъ».

⁴⁾ Поливка въ назв. соч. (въ Zbornik'ѣ u Slava V. Iagio'a 1908. Berlin) приводитъ легенды и повѣрья о табакѣ у магомтанъ, литовцевъ, болгаръ, поляковъ, въ Галиціи, Босніи, у малороссовъ, бѣлороссовъ и великороссовъ. А. Н. Веселовскій приводитъ варианты сербскій и румынскіе. (Разысканіе въ обл. рус. дѣх. ст. VI, прилож.). Рядъ вариантовъ указанъ у А. Сысоева. Назв. соч. стр. 127—128. Запрещается табакъ-куренье у савларъ китайскихъ мусульманъ (Этно. Обзор. XVI, стр. 13). Тоже у черемисской секты ку-тусортинцевъ въ Казанскомъ краѣ (Этно. Обзор. LXXIX, стр. 10, 27). Рядъ легендъ данъ у Dähnhardta. Natursagen I стр. 55, 194; II, 232; 241 и 242; III, 17; у Максимова. Нечистая, жевѣд. и крестн. сила Сиб. 1903 стр. 9. См. также рядъ данныхъ въ Этно. Обзор. напр. V стр. 70; VII, 103; X, 58, 236; XIII, 70; XV, 185, XVI, 13; XIX, 209; XXV, 130; также въ Кіев. Стар. 1893 № 3 стр. 54; 1890 № 8 стр. 326—329; 1888 № 4 стр. 20—22; 1888 № 5 стр. 53—55. См. также Шейнъ (Тр. этногр. отд. Моск. Общ. Естествозн., Антропол. и Этногр. VII стр. 179—184; проф. А. М. Селищевъ. Забайкальскіе старообрядцы. Иркутскъ 1920; Гринченко. Этногр. Мат. I и II: Етнограф. Збірн. XII стр. 72. Г. Губайдуллину я обязанъ слѣдующимъ разсказомъ у казанскихъ татаръ: Когда шайтанъ отъказался служить человѣку, то Богъ надѣлъ на него «хомутъ проклятій»; отъ тяжести его шайтанъ испустилъ мочу и изъ нея выросъ табакъ. У татаръ же есть пословица:

чительная доля их создавалась из представлений о выростании растений на трупах грешника. За доказательствами отсылаю к названным работам Поливки, В. Н. Перетца и А. Сысоева. Сам же останавлиюсь лишь на картофельных поверьях той же категории. Они могут быть разбиты на две подгруппы.

1) Одни поверья определенно связывают в одном и том же поверье и табак и картофель. Так в Калниковском у. Вологодской губ. местные старообрядцы рассказывают: застали мужчину и женщину в грехе, убили их на месте преступления и тут же закопали; где был зарыт мужчина, там вырос картофель, а где женщина — там табак¹⁾. Сюда же относится вышеуказанный костромской вариант В. Даля о происхождении картофеля от кобеля, сблудившего с дочерью Ирода, от которой произошел в свою очередь табак. Я склонен к этой же подгруппе относить и вариант, производящий табак от картофеля, результат забвения первоначальных отношений. М. Васильев сообщает вар. Курской губ. Бѣлгородского у., по которому видѣлось во снѣ одному человѣку: „отъ дѣл картошка цвѣте и такі яблочки есть зъ картошки, то ты

«Кто куритъ табакъ, у него счастье прибавляется». О враждѣ къ табаку см. также К. Поповъ. Расколъ и его путеводители. Саратовъ. 1890 стр. 4 и 135; В. К.—въ. Къ исторіи вѣрованій и нравовъ нашихъ сектантовъ (отт. изъ № 10 Самарск. Епарх. Вѣд. 1867, стр. 9); Вл. М.—въ. Нѣсколько словъ о табакѣ и его употребленіи. Изд. ред. журн. «Старообрядецъ» (статья этой не видѣлъ, ссылка на нее на послѣдн. стр. «Винограда Россійскаго» М. 1906. Отмѣчу враждебное отношеніе къ табаку у новѣйшей духовной интеллигенціи: арх. Михаилъ. Нѣсколько словъ о табакѣ («Истина» 1884, кн. 92); арх. Фотій (Ист. Вѣстн. 1885 сент. стр. 569—571); Иером. Михаилъ. Нѣсколько словъ о табакѣ. Казань 1876 указана мнѣ проф. А. М. Селищевымъ). О табакѣ см. также А. Шаповъ Соч. I, 1906 стр. 224. Оригинальная сатира XIX в., характеризующая нѣкоторые круги русской интеллигенціи, любезно указана мнѣ Н. П. Андреевымъ въ ркп. Казанскаго Университета № 19953/IV, I въ 4 ку, нач. XIX в. «Разныя стиходѣйствія» (Подробное описаніе см. у А. Артемьева Опис. ркп., хранящ. въ библ. Каз. Унив. Спб. 1882 стр. 177 и сл.). На стр. 77—78 «Сатира на раскольниковъ, которые говорятъ: что скоро будетъ преставленіе свѣта, для того, что всѣ люди нынѣ любятъ табакъ». Вотъ она буквально:

Паденіе скорое вещающіи миру
всма лгутъ грубо, что его оставилъ богъ,
и мстительно наднестъ ужъ на него секиру.
Затѣмъ что каждаго смертхотъ видѣть роги.
еще въ серебряномъ ковчегѣ, и у нища,
траву проклятую храниму табачища.
я видя дураковъ подобіе въ возлѣ,
не сумнѣвался ж, что богъ печется о твари,
отъ умныхъ отличить, хотя отъ подлой твари.
подъ самой имъ кадкѣ привесивъ по метлѣ,
какъ грузомъ въ фунтѣ, длиною пастъ загатить широку,
такъ рыжія усы на губу барышка.
Затѣмъ что видно имъ ту подъ носомъ осокъ.
нельзя и табаку понюхать изъ рошка.
какъ отъ морозу ихъ харабрая усныя,
созреетъ такъ же какъ клюковка и рябина.
то крыжъ — берсенъ на ней въ кулакъ величины
а сокомъ изъ ноздрей бѣгущимъ повѣстчаство,
разнежившись лишь спать то давать пренапрасно
сіе жъ на полету хватаютъ ртѣмъ вруны

Исторія появленія въ Россіи табака и отношеніе къ нему народа и правительства хорошо представл. на по документамъ у Д. Мейера. Юрич. Сборникъ. Казань. 1855 стр. 495—538. См. еще «Рюма» о табакѣ (Жив. Стар 1902, III—IV, 481—483).

¹⁾ Этнограф. Обзор. XXVI стр. 158. (Вар. въ отмѣченъ еще Сысоевымъ). Ср. м. пр. въ записи-изреч. № 6 происхожденіе картофеля изъ трупа мужчины.

тихъ яблукъ въ парви и зѣми закопай у горячій гнѣй, то вони паросты поустятъ; тоди посадки и поливай, тоды щось тоби буде... Человѣкъ такъ и сдѣлалъ, и выросъ табакъ¹⁾. Для меня очевидно, что картофелъ въ этой подгруппѣ былъ приуроченъ къ готовому табачному поверью, но вошелъ въ него на равноправныхъ началахъ съ табакомъ.

2) Другія поверья возникли также на почвѣ табачныхъ, хотя это съ перваго взгляда и не видно, при чемъ въ этой группѣ картофель сталъ на мѣсто табака. Таковъ вариантъ Орловской губерніи, гдѣ рассказываютъ, что по смерти Ирода изъ него выпали внутренности, изъ которыхъ и произошелъ картофель²⁾. Происхожденіе этого поверья станетъ яснымъ, если привести слѣдующія поверья о табакѣ. Dähnhardt указываетъ литовскій вариантъ. Большинство литовцевъ не сочувствуютъ табаку и называютъ его чортовымъ зельемъ, потому что его посѣялъ чортъ. Именно, когда Іуда повѣсилъ, его чрево лопнуло и выпали внутренности, сатана заскорбѣлъ, что такая Злоба должна исчезнуть съ земли, а потому посѣялъ онъ внутренности со всей злобой этого (человѣка) на полѣ. Изъ нихъ выросъ табакъ, зелье полное горечи и низости, какимъ былъ Іуда³⁾. У сербовъ рассказывается, что табакъ произошелъ изъ внутренностей Арія⁴⁾. Въ Краснобудск. вол. Гомель-

¹⁾ Этно. Обзор. XXXVI, стр. 157 и нѣсколько видоизмѣненный вариантъ въ Киев. Стар. 1893 № 3 стр. 547.

²⁾ Этногр. Обзор. XLVII, стр. 118.

³⁾ Natursagen II, 1909, стр. 242. Въ свою очередь это поверье о табакѣ имѣетъ основаніе въ книжно-апокрифической литературѣ объ Іудѣ. Извѣстны русскіе списки апокрifa о смерти Іуды отъ разсѣяннаго чрева (С. Соловьевъ. Къ легендамъ объ Іудѣ Предателѣ в І Харьковъ 1895 стр. 137, 138). Интересную краткую редакцію одного апокрifa я приведу по Соловьевской рукописи въ библіотекѣ бывш. Каз. Дух. Ак. № 42 (749) въ 4 ку, скорописью XVIII в. на л. 231 значится: „Аноасія Великого сказаніе известно о Іудѣ предателѣ рекше Скариотскомъ. Іуда же предаде Го(с)пода нашего Іисуса Хр(и)ста на 30 сребреницъ и раскаялся поверже. 30 сребреницы архiereомъ и старцамъ глагола: согрѣшихъ предахъ кровъ неповинную. Они же рѣша: что есть намъ и тебѣ. И повергъ сребреники во цѣркви и шедъ хота удавиться у древа дуба. И Б(о)жимъ повелѣніемъ преклонися дубъ и сохраненъ бысть. Богу бо хотящу его въ покаяніе привести И хожаше. 2. лѣта отебло тело его, а идеже во улицахъ людие прохожаху около, а онъ же туде невмѣшашася, тацѣжъ очі его быша яко не въ зеркале невозможнаго видѣтися, тацѣжъ уды его быше боле трупа его и гнои изъ него идяше и червемъ (об) все тело его кипяше, Б(о)гу бо поустившу та же вшедъ изъ града и рынушася подъ тополию древомъ и разсѣдася излияся утроба его. о немъ же писаніе речеся: все злыи. Отъ смрадажъ оногъ и до н(ы)нѣ пусто и ненаселено бысть место оно идеже нечистую д(у)шу свою изверже, дажъ и до днѣсъ никтожъ можетъ место оно мимо итти, аще рукою своею ноздрини не заградить толпѣю бо судъ золь на земли плоти его бысть... Этотъ текстъ интересенъ м. пр. упоминаніемъ древа дуба ср. II повѣсть „травя яко дубъ“. Упоминають о смерти Іуды въ томъ же духѣ и полныя редакціи апокрifовъ (см. напр. И. Порфирьевъ. Апокрifич. сказ. о новозав. лицахъ и событіяхъ Спб. 1890 стр. 235). Такую же смерть рисуеъ народъ и для Арія (С. Соловьевъ. Назв. соч. 103—106). Связь легенды объ Іудѣ съ легендами о происхожденіи нечистыхъ растений указана еще Н. Гудзіемъ. Къ легендамъ объ Іудѣ Предателѣ и Андрѣ Критскомъ (Р. Ф. В. 1915 № 1 стр. 21). Нельзя не отмѣтить, что и въ апокрifахъ объ Іудѣ имѣется сексуальный моментъ. Еще одна параллель: выпадаютъ внутренности у Анимы въ повѣсти объ Аниѣ и Каіафѣ (см. j. Polivka. Drobne příkrvku literární—historické. Praha. 1891 стр. 22). Объ Іудѣ еще въ Жив. Стар. 1899 г. III, 391—392.

⁴⁾ А. Веселовскій. Разысканія. VI стр. 86. Тѣ же поверья, правда, безъ указанія источника ихъ заимствованія приводитъ и Алексѣй Ремизовъ въ недавно вышедшей книжечкѣ „Завѣтные сказы“ Изд. „Алконостъ“ 1920 Петербургъ 64°, 98 стр. +3 лл. печатано въ колич. 333 номеръ экзempl., гдѣ на стр. 39—71 напечатана соотвѣствующая самимъ Ремизовымъ повѣсть „что есть табакъ“. Предисловіе къ ней гласитъ: „Многія суть басни о табакѣ на соблазнъ людямъ написаны. Говорятъ тако: произрастаетъ онъ Изв. О. И. А. и 9. т. 32, в. 1.

скаго у. рассказывают, что „табакъ выросъ, гдѣ задался Юда. Дажь Богъ сказавъ табаку курить и плювать на Юду“¹⁾. Т. обр. безспорно, что Орловское повѣрье о картофелѣ есть букввальное перенесеніе на картофель повѣрья табачнаго. Если первая подгруппа указываетъ на процессъ приспособленія въ одномъ повѣрїи двухъ антипатичныхъ народу растений, то вторая указываетъ на процессъ совершенно механическаго переноса стараго повѣрья на новый бытовой фактъ.

в) Извѣстно повѣрье о картофелѣ, которое базируется на наблюденіяхъ надъ свойствами растенія, въ данномъ случаѣ надъ его формой. Такъ въ Минской губ. думаютъ, что видѣтъ во снѣ картофель „дренна—скула, якъ бульба, сие“²⁾. Зѣсь, вполнѣ очевидно, представление о картофелѣ попадаетъ въ кругъ совершенно иныхъ, чѣмъ предшествующія двѣ группы, но такжѣ хорошо извѣстныхъ народу образовъ. Въ той же Минской губ. видѣтъ во снѣ яблоки — „негодна: скуля, ти подависся“³⁾, „рѣпу вѣтъ—погано, скуля“⁴⁾, „яйца видѣтъ—соромъ, скуля“⁵⁾ и т. п.

г) Наконецъ, необходимо отмѣтить, что въ процессѣ бытованія повѣрья уже сложившіяся, приходя въ соприкосновеніе съ новыми фактами быта, реагируютъ на нихъ новымъ поворотомъ фантазіи. Такъ съ одной стороны винокурение порождаетъ новыя повѣрья о картофелѣ.

отъ червоточнаго трупа блудницы, другія же на Проліаку ваять, будто изъ ея костей вѣтренныхъ, а третїи совсѣмъ несурнаго парюгъ, и доковылявъ корень табачнаго зелья Арію Зіупеніюму, его вигур-погосятъ—пограбамъ смѣрдящимъ и все сіе ложно. Повѣсть, которую я расскажу вамъ, любители мои, повѣдать мнѣ нѣкій древній старецъ Гоносій, до полѣвка лѣтъ недвижно и въ гробномъ молчанїи простоявшій дни свои въ тѣсномъ и скорбномъ мѣстѣ у гроба Господня. Богъ что разказалъ мнѣ древній старецъ Гоносій. Такъ жакъ „Завѣтные сказы“ ипечатаны въ небольшомъ чилѣ экзотичаровъ, то я позволю себѣ кратко передать содержаніе повѣсти о табакѣ. Надо замѣтить, что повѣсть состряпана Ремизовымъ изъ многихъ народныхъ образовъ, захватанныхъ изъ разныхъ источниковъ. Задачу автора иначе нельзя назвать, какъ недостойной, ибо онъ фальсифицируетъ народный тощъ повѣсти въ совершенно неопытномъ для народа направленїи. Кромѣ частушекъ послѣднѣяго времени и очень небольшого круга сказокъ, рускій фольклоръ не знаетъ фаллической струи, а между тѣмъ Ремизовъ окрашилъ въ ея цвѣтъ даже... легенду, да къ тому же старообрядческую. Получилась гадкая фальсификація и профанція. Повѣсть сравнительно длинная и рассказываетъ слѣдующее. На Судимой горѣ въ монастырѣ жилъ подъ вѣномъ монахъ—подвижникъ Саврасія самъ дьяволъ. Онъ научилъ подъ вѣдомъ породегва монаховъ удѣлять довольно много викманія *тешьгум virile*. Дашь Ремизовъ вкладаетъ въ повѣсть массу построннихъ образовъ азлтыхъ, видимо изъ апофровъ, изъ житїй свв. Для развязки повѣсти приваляется извѣстный рассказъ о монахѣ, выходившемъ изъ храма во время херувимской и оказавшемъ дьяволу, когда выходъ ему бытъ закрещенъ. Такъ и Саврасїя пролился дегтемъ посреди храма, но остались чѣлы его уды, которые были похоронены. Весной зацвѣла могила и на ней выросъ табакъ, который братія распространили по землѣ изъ уваженія яко бы въ юродивому, только Ангелъ, явившійся игумену разъярился, что Саврасїя былъ дьяволъ и что уды его должны бытъ вырваны и уничтожены вмѣстѣ съ растеніемъ. Монахи такъ и сдѣлали. Если Ремизовъ не выдумалъ ядро этого рассказа, то мы имѣемъ вариантъ о табакѣ очень рѣдкій, когда табакъ произрастаетъ изъ трупа *мученицы* грѣшника, а не блудницы—жизницы. Указаніемъ книжки Ремизова я обязанъ любезности п. оф. П. П. Мишалева.

¹⁾ Е. Романовъ. Вѣлор. Сб. IV, стр. 23. Украинскій вар. этого повѣрья приведенъ мною ниже.

²⁾ Этногр. Обзор. XXXVI стр. 149.

³⁾ Тамъ же, стр. 149.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 146.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 146.

Гнатюкъ приводитъ такой вариантъ. „Бульба впередъ добре родилася. Аж як зачали з неї робити горівку, то поки заклали її і від тоді почала гнити“¹⁾. Такъ съ другой стороны подъ вліяніемъ недостатка хлѣба, картофель, дѣлающійся по необходимости предметомъ потребления въ средѣ даже пуританъ-старообрядцевъ²⁾, долженъ создать новыя *разрѣшительныя* повѣрья. Пока я ихъ точно не знаю, но казанскій библиофилъ Г. М. Залкиндъ передаетъ, что ему приходилось слышать подобныя повѣрья въ Тетюшскомъ у. Казанской губ.³⁾. Такъ, нахо-

¹⁾ Этнографічний Збірник, V, 1898, стр. 167.

²⁾ Имѣются строго фактичскія данныя, свидѣтельствующія о распространеніи среди старообрядцевъ картофеля. Имѣю въ виду данныя изданія Совѣтомъ Всероссійскаго Съѣзда старообрядцевъ въ Нижнемъ-Новгородѣ подъ загл. „Сельско-хозяйственный и экономическій бытъ старообрядцевъ (по даннымъ анкеты 1901 года) Москва. 1910. Статистика показала, что „самымъ распространеннымъ растеніемъ въ старообрядческихъ хозяйствахъ является картофель, который садится почти повсюду, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ губерніяхъ, но посѣвы картофеля въ общемъ незначительны и потому площадь, занятая подъ картофелемъ, уступаетъ площади занятой подъ другими культурными растеніями“ (стр. 216). Особенно показательно въ этомъ отношеніи табличка. Въ одномъ изъ томъ же числѣ хозяйствъ анкеты 1909 г. дана (стр. 216):

Посѣвами картоф. занимается	95%	хозяйствъ	Подъ посѣв. карт. занята	6%	всей зап. пл.
— ржи	90%	—	— ржи	36%	—
— овса	82%	—	— овса	20%	—
— ячменя	53%	—	— ячменя	8%	—
— пшеницы	43%	—	— пшен.	30%	—

Эти цифры крайне интересны, показывая, что хотя почти всѣ хозяйства сѣютъ картофель, но сѣютъ еще сравнительно слабо, м. б. не безъ вліянія повѣрїи, ибо та же анкета отмѣчаетъ весьма большую темноту и косность старообрядческаго населенія (стр. 265—267).

³⁾ За вѣроятность существованія разрѣшительныхъ легендъ и повѣрїи говорятъ и другіе факты. Напр. о чаѣ, за который такъ антагонизируютъ раскольники (см. выше стр. 41 примѣч. 3) имѣется легенда разрѣшительнаго свойства. „Бувъ пустынникъ;—въ пустинѣ спавася і став его дияволъ соблазнять—та ніякъ не може. От і став він єму віі напускати; так напустъ, що н-дѣзъ єму і на свѣт глянуть. Пустынникъ взявъ і подрывав ті віі і закопав. „Коли, кас, Богу вгодно буде, то с цих віій що небудь добра виросте“. Пішов через стїги там ремиа і дивиться, аж з них чай виріс. От то чай і не грїх пиять, а табакъ грїх курити“. Записано Манжури въ Александр. у. Екатеринбург. губ. (М. Драгомановъ. Малорусск. нар. преданія і рассказы стр. 13 № 37). Віі, воля, м. Жмуть хворосту при заплетанїи плегня, полоса плетя (въ длину). См. Б. Гринченко. Словарь украинскої мови. Київ 1908, I стр. 236, столб. 2. Даже табакъ въ концѣ концовъ получилъ разрѣшительныя легенды. Напр. у словенцевъ рассказывается что мужикъ сильно колотилъ лошадей во время пахоты: „Христосъ ангелу посоветовалъ сдѣлать трубку, набить ее табакѣмъ и научить мужика курить. Мужикъ это такъ понравилось, что теперь на каждомъ поворотѣ закуриваетъ трубку, а лошади въ это время отдыхаютъ. Съ тѣхъ поръ люди курятъ трубку“ (Этн. Обзор. XIX стр. 209 со ссылкой на Český lid Božník III с. I. Въ Курской губ. Валгородск. у. рассказываютъ, что у Божьей Матери престала болѣть голова, когда она понюхала табакъ. (Київ, стар. 1893 № 3 стр. 518) То же мы можемъ предполагать и для повѣрїи о картофелѣ. Ср. также въ небывальщинѣ о мизгѣ стихъ: „сидились на клочекъ, нюхали болосну травку—табачокъ“ (Этн. Обзор. кн. XXV стр. 129). Къ слову отмѣчу легенду о благотвѣтельности кофе, чая и березоваго вѣника у казанскихъ татаръ (проф. Н. Ф. Катаповъ. Матеріалы къ наученію казанско-татарскаго нарѣчія. II. Казань 1908 стр. 35; указаніемъ я обязанъ автору). Проф. П. П. Мишалева указалъ мнѣ китайское преданіе о происхожденіи чая, напоминающее нѣсколько вышеприведенное Екатеринбургское. Свѣтлой схимникъ, вѣчно бодрствовавшій и молившійся, не могъ преодолѣть сна, такъ что иногда глаза его невольно закрывались; въ святѣмъ гнѣвѣ онъ отрѣзалъ себѣ вѣки и бросилъ ихъ на землю. Изъ нихъ по волѣ бога выросъ чайный кустарникъ, листья котораго сохранили форму вѣтъ съ рѣсничками и имѣли своегво прогонять сонъ (Гюкѣ и Габо. Путешествіе черезъ Монголію въ Тибетъ къ столицѣ Тале Ламы, пер. съ франц. М. 1866 стр. 189). Это китайское сказаніе сходно съ тибетскимъ сказаніемъ о ламѣ Тсонгъ-Каба. Когда ему было три года онъ сдѣлался отшельникомъ. Его отецъ отрѣзалъ ему длинные красивые волосы и бросилъ ихъ у дверей шатра. Изъ нихъ выросло дерево, распространявшее вокругъ себя прїятный запахъ: на каждомъ же листѣ видѣлись письменные знаки тибетскаго священнаго языка. (Гюкѣ и Габо. Назв. соч. стр. 184).

нець, повѣрье уступить мѣсто другимъ продуктамъ народно-поэтического творчества, въ которыхъ найдетъ мѣсто и картофель. Я имѣю въ виду галицко-русскую пословицу „Картох дали на трох, а одному мало“, которую говорятъ поповскіе наймиты при скупомъ обѣдѣ¹⁾, великорусскія поговорки: „Картофель—хлѣбу подпора“²⁾, „Картошка—хлѣбу присошка“³⁾ и украинскую народную пѣсню:

„Пішов же я до дівчини
велить міні сісти,
дають міні бараболі
нечищені істи.
Я на тії бараболі
бісом поглядаю,
на полиці варениці
очима проймаю“⁴⁾.

Последнюю группу повѣрій собственно нельзя считать возникшей на основѣ народно-поэтической или мифологической традиции, но я ее ввелъ именно въ эту часть своей работы потому, что считаю последнюю группу повѣрjami новѣйшей формации, результатомъ вырожденія или перерожденія первыхъ трехъ группъ повѣрій. Если первые три группы (а, б, в) можно назвать повѣрjami *первичнаго типа*, то группа г даетъ повѣрja *вторичнаго типа* въ томъ смыслѣ, что она возникла на фонѣ новыхъ бытовыхъ явленій или забвенія старыхъ⁵⁾.

Такимъ образомъ вопросъ о генезисѣ повѣрій о картофелѣ считаю разсмотрѣннымъ. Дальнѣйшее углубленіе въ область изученія самихъ народно-поэтическихъ основъ данныхъ повѣрій оторвало бы меня отъ изслѣдуемаго вопроса и потому является уже неумѣстнымъ. Вопросы о генезисѣ народныхъ представленій злого духа, вѣры въ растенія на трупахъ людей и ассоціативнаго процесса въ сферѣ народной поэтики не могутъ быть задачей изслѣдователя повѣрій о картофелѣ⁶⁾. Зато

¹⁾ Етнографічний Збірник т. XXIII, 1907 стр. 245. То же наблюдаемъ и надъ повѣрjami о другихъ растеніяхъ этого цикла. Чай напр. перешелъ даже въ загадку. Напр.: „Возьметъ черно, нальетъ красно; панъ кричить «сладко», мужикъ кричить «галео»“ (И. С. Загадки Слободского у. Вятской губ. Вятка 1891. Перепечатка изъ Календаря Вятской губ. за 1892 г. Изд. Губ. Статист. Ком. Загадка № 86). Здѣсь, вѣроятно, воспоминанія вражды къ чаю.

²⁾ В. Даль. Толковый словарь живого великор. яз. 1905 II.

³⁾ Тамъ же. Сл. также поговорки «картофельный носъ» (Осташк. и Нековск. у.) у того, кто нюхаетъ табакъ; «картофельная брюшина» (Кадниковск. у.)—любитель картофеля; «картофельное пузо» (Осташк. и Нековск.)—обжора; «картошки падохли» (Смоленск. губ.); «дѣла плохи—есть картохи» (Мещовск.); «дибовъ не картошка: ее не бросишь за окошко» (Смоленск. и Владимірс. губ.) (См. Словарь рус. яз. сост. II отд. Ак. Н. т. IV в. 2 Спб. 1908) См. также въ былинѣ:

«Во все дѣтущко гуляли,
Картофельку копали,
Денежку брали» (Онежск. былин. Гильфердингъ. III, 526).

⁴⁾ Бараболя—бульба—картофель. Эта пѣсня приведена у М. Уманецъ и А. Спілка. Словарь русійско-український Львѣв. 1895 т. II, стр. 10.

⁵⁾ Совѣршенно неясна исторія слѣдующаго вар. Харьковскаго у., записаннаго въ 1882 г. «Де жабить богато, то въ тому кушчи картопли якъ начищено. Що грибнешь картоплю (на городи), то и жаба» (Гринченко. Этн. Мат. I № 5 стр. 4).

⁶⁾ Больше чѣмъ вѣроятно, что здѣсь придется спуститься въ пѣдра народной мифологии. Во всякомъ случаѣ вполнѣ вѣроятно, что самая идея превращенія члвчска въ

съ другой стороны послѣдній обязанъ хотя бы только зарегистрировать тѣ психологическіе моменты народного творчества, какіе наблюдаются, въ сферѣ матеріаловъ имъ обрабатываемыхъ. Такъ перехожу ко второму вопросу, поставленному въ началѣ этой главы.

II. *Какіе психологические процессы дѣйствовали въ сложении и жизни русскихъ повѣрій о картофелѣ?* Частному изслѣдованію въ родѣ данного можетъ принадлежать лишь право регистрація этихъ процессовъ, чтобы дать реальные факты для психологіи творчества. Но даже и въ такихъ узкихъ рамкахъ правильный методъ останавливаетъ изслѣдователя отъ категоричности въ выводахъ тогда, когда на категоричность не уполномочиваетъ достаточно большое число фактовъ. Вотъ почему, считая вышеприведенное количество повѣрій сравнительно незначительнымъ, я позволяю себѣ лишь *намекнуть* психологическіе процессы, оставляя ихъ повѣрку тому, кто сможетъ это сдѣлать съ большимъ матеріаломъ въ рукахъ.

Такъ я склоненъ различать слѣдующіе процессы, дѣйствовавшіе въ повѣрjяхъ о картофелѣ, порой, можетъ быть, въ одиночку, а чаще переплетаясь въ видѣ взаимно дѣйствующихъ силъ.

1) Процессъ *дѣятельности* вообще, т. е. психическая работа творчества, безъ которой не мыслимо, конечно, никакое повѣрье. Въ болѣе узкомъ смыслѣ это процессъ самозарождающій повѣрja, т. е. создающій оригинальныя для данного народа концепціи образовъ на основѣ вышеуказанныхъ факторовъ: внѣшняго побудителя—явленія быта и внутренняго побудителя—тѣхъ или иныхъ образовъ народной психики. Этотъ процессъ я отмѣтилъ по преимуществу въ группѣ повѣрій а.

2) Процессъ *механическаго переноса* уже бытующаго повѣрja съ одного явленія быта на другой. Этотъ процессъ мы наблюдали во второй подгруппѣ группы б (сербскій, гомельскій варианты повѣрій о табакѣ). Въ готовомъ повѣрjи *вмѣсто* табака подставляется *картофель*, и новое повѣрье создано. Этотъ процессъ переноса иногда переходитъ въ процессъ *заимствования* самого повѣрja, понимая подъ послѣднимъ переносъ изъ другой племенной группы. Такой процессъ заимствования становится очевиднымъ при сравненіи литовскаго варианта о табакѣ съ орловскимъ о картофелѣ. Безразлично, литовскій ли вариантъ заимствованъ у русскихъ или наоборотъ. Ихъ полное тожество, по моему, свидѣтельствуетъ о заимствованіи одного отъ другого. Я не стану утверждать, что напр. французская легенда о происхожденіи картофеля находится въ какой-нибудь связи съ русскими повѣстями и повѣрjami о картофелѣ же, потому что между ними нѣтъ ни связи ни основаній для нея¹⁾. Но я не вправѣ отрицать категорически связь той же

растеніе и запрещеніе вкушать его ведутъ насъ *отчасти* къ примитивному тотемизму и табу дикарей, давая такимъ образомъ одинъ изъ образцовъ *survivals* среди культурнаго народа (Матеріалы см. напр. у Э. Ланга. Мифологія рус. пер. М. 1901. стр. 86 и сл.) Ср. ниже примѣч. о табачныхъ повѣрjяхъ.

¹⁾ Выше отмѣчено враждебное отношеніе къ картофелю французскихъ крестьянъ, но даже французское католическое духовенство встретило картофель съ недовѣріемъ. См. напр. Эрмманъ Шатриан. Исторія одного крестьянина (пер. А. Мезьеръ. изд. Павленкова 1898 стр. 38 и сл.) Мне известны только лишь разрешительная легенда французская о картофелѣ, приведенная у Dähnhardt Naturagen I, 1907, p. 177. Она рассказываетъ

французской легенды с некоторыми русскими о табаке и чае¹⁾, равно как невозможно поручиться за то, что не отыщется немецких поверий о картофеле, аналогичных и м. б. тождественных нашим²⁾, или таковых же польских³⁾.

3) Процесс *вовлечения* в готовое поверье, приуроченное к одному факту быта, другого факта и таким путем создание нового поверья. Если в процесс *переноса* новое поверье создается путем замены первичного факта позднейшим, то процесс *вовлечения* дает их сращение, синкретизацию, приспособление в одной народно-поэтической схеме. Такой процесс отмечен в первой подгруппе группы б вариантов. Разумеется, что этот процесс не предполагает обязательно, что только готовое поверье дает приют новому факту жизни. Он допускает и создание поверий заново уже по отношению к двум явлениям быта, в той или иной мере сближенным в народном представлении. Вместе с тем эта последняя возможность переводит нас к новым процессам, действующим в поверьях, к

4) процессам *ассоциативным*. Эти процессы, основные вообще во всех видах поэтического творчества, в наших поверьях о картофеле должны быть иногда особенно подчеркнуты как факторы или создания поверья или его осложнения. В качестве факторов, *создающих* поверье, я склонен отметить ассоциации формальные (с формой предмета) и моральные. На основе сближения картофеля с одной

знает: «Однажды дьявол навел великий голод, от чего умерло большое количество людей. Святой Guenolé, бывший в то время в Landevennec, помолвился Богу, который ему дал четыре мешка картофеля с тем, чтобы он его раздал. Святой засадил двадцать борозд вокруг монастыря и на следующий год посиял весь свой урожай. Картофель распространился теперь повсюду и с того времени не бывает больше на земле голода» (Ссылки: Sebillot, Folklore de France III, 445; Carnou, Litt. orale de la Picardie, 133; Le Carguet, Les legendes de la ville d'Is, 18—20).

¹⁾ Выше приведенная малорусская легенда о чае (стр. 51 прим. 3) связывается с французской образом пустынного, засаживающего новое растение. Тот же образ пустынного, правда, несколько в ином приурочении к табаку и в легенде о табаке, приведенной в Киев. Стар. 1888 № 4 стр. 20—22, совершенно не привлекавший исследователей. Чорт спел пустынного от скуки предложил ему сначала понюхать табачку, потом покурить, наконец попить горьлки. Здесь табачная легенда входит в соотношение с легендами о пустынном, выразившем вынужденность к наименьшему из трех зол, предложенных чортом и совершившем все три греха (Ср. Авантес-евъ. Народн. русск. легенды. Казань 1914 стр. 143).

²⁾ Я не знаю немецких поверий о картофеле, но в Пруссии напр. Фридриху Вел. пришлось вводить картофель насильственно, т. е. он встречал народную оппозицию (Брокгауз и Эфронъ. Энциклопед. словарь т. XIV), и существование таких легенд возможно.

³⁾ Как был принят картофель в Польшу, я не знаю, но приметы отражения его в польском фольклоре известны. Напр. известны польские поговорки: «Jacob kartofli nasobi», «Naiswietsza Panienko i ty sw. Janie, największe kartofle na moim zagonie», «Mówi jak gduby miał, kartofle w góbie» (Słownik języka polskiego, złożony pod redakcją Jana Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedzwiedzkiego, t. II Warszawa 1902 s. 282). См. также песенку из Люблинской губ.

«Oj dana moja dana,
Nie pójdę ja za pana,
Tyko za takiego
Iaka jestem sama.
Bo u pana kawa z rana

A u chlora kartofle i grora» (Wisla, VI. 1892 стр. 264 № 33).

В названном словаре указана шуточная поэма Мицкевича «Kartofla», по которой найти такую же не удалось в изданиях Мицкевича, existing в Казани.

стороны с формой определенного вида болотной и с другой с аналогичными круглыми растениями (яблоко, репа) возникла группа поверий в. Сходство с яблоком отмечается в поверьях группы а и др. Участие ассоциации из области моральных отношений налицо в литовском варианте о табаке. («Зелье полное горечи и низости, каковым был Иуда»). К процессу *осложнения* я отношу книжные, хотя уже и вошедшие в обиход народной фантазии, реминисценции наших поверий. Имена Ирода, Иуды, Ария, которые видимо иногда подставляются одно вместо другого, есть ассоциации с книжными образами.

5) Наконец последний процесс — *разложение* поверья, который сводится к двум: а) процессу *встречной оппозиционной* деятельности народной фантазии. Я разумно отказываюсь от старых концепций в пользу диаметрально противоположных. Так создаются разрушительные поверья о табаке, чае и, вероятно, о картофеле; б) процессу *затемнения* первоначальной ясности поверья и вступления его в ассоциацию с новыми явлениями первоначально ему чужими. Этот процесс могу подтвердить одним любопытным поверьем, записанным Манжурой в Новомосковском у. Екатеринославской губ.: Табак, хрен, дыбула та частный. «Не все выросло из тела якоего-то великого гришника, не то паря Ирода, не то из Иуды. Так табак пишов из толуба, дыбула из очей, чеснок из зубей, а хрен ось из пёго» (membrum virile)¹⁾. Поверье это принадлежит к тому же циклу, что и наши о картофеле, но оно уже несомненно на одной из последних ступеней разложения. Во-1-х само поверье указывает на затемнение первичной ясности (не то Ирод, не то Иуда), во-2-х уже поверье вовлекло в себя, или обратно, вступило в связь с чуждыми рядом новых растений; лук, чеснок и хрен не могли быть в нем изначально, больше того чеснок попал в поверье явно ошибочно, т. е. он считается в народе растением скорее добрым²⁾; в-3-х, наконец, основания для вовлечения различных растений в данное поверье крайне поверхностны (дыбула, хрен — вероятно ассоциации сходства по горечи) или недостаточно ясны (чеснок) и во всяком случае разнородны. Старая основа этого поверья — табак из трупа гришника³⁾. Но самое поверье уже разложилось. В данном

¹⁾ Манжура. Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринос. и Харьковск. губ. (Сборник Харьковск. Ист.-Фил. Общ. II, 1890 стр. 144).

²⁾ По Травникам XVII и XVIII вв. рассказывается, что дьявол боится чеснока. Если удастся на чорта надеть венок, в котором вылетит чеснок то «он будет от того венка связан и непоколебим никуда, и что хочешь, то и делай над ним»; и если захочешь богатства или чина или славы, то дасть он тебе наперед» (И. Забелин. История русской жизни с древнейших времен ч. II. М. 1879 стр. 283). Фигурирует чеснок в поверьях, связанных с рожевыми (Этн. Обзор. XL—XLI стр. 83). См. также у Н. Сумцова. О свадебных обрядах преимущественно русских. Харьков. 1881. стр. 185.

³⁾ Что основа этого поверья табачная, можно видеть из следующей легенды о табаке, содержащей и схему и все элементы легенды Манжуры: «Ты роди тытуню. Имя Юда карунийский продаю Суса Христа, то му си дуже бавно учинило, то вин пишоу, та завису си. Имя вин си завису, то ніхто ни знау, де він си діу, тай ніхто го ни видівсиу ни розвісиу. Вин так даго висіу, аж тот пошторонюк вурвау си, а Юда упав на землю, тай розпіріу так, що вид того шмроду йк птаха летіла понад него, то падала и агіала. Имя вин розпіріу, то на ним виріс тітін, бо дитиу ни було тітін. Тот тітін, що виріс на аци, то зовет си «круглан»; тот що виріс на череві

видѣ оно долго существовать не можетъ и должно умереть. Толчекъ къ смерти дадутъ новые факты быта, которые направятъ творческую дѣятельность народной фантазіи къ созданію новыхъ повѣрій и образовъ (группа г).

III. Третій вопросъ, поставленный въ началѣ данной главы: *какова дальнѣйшая исторія русскихъ уже возникшихъ повѣрій о картофелѣ*. Къ сожалѣнію, приведенный матеріалъ столь незначителенъ, что сказать что-нибудь опредѣленное невозможно. Я не знаю, отразились ли картофельныя повѣрья на какихъ-нибудь другихъ повѣрьяхъ, хотя бы у тѣхъ же старообрядцевъ (кромѣ указаннаго выше случая, когда картофельное повѣрье легло въ основу табачнаго, см. стр. 48). Вѣроятно же однако предполагать, что вліяніе это не было особенно замѣтнымъ. Возникнувъ сравнительно недавно, картофельныя повѣрья уже вносятся къ упадку подъ вліяніемъ усиленной культуры растенія¹⁾. Есть лишь одна область, которая, вѣроятно, будетъ еще нѣкоторое время хранить память о картофельныхъ повѣрьяхъ. Это область литературы письменной. Я имѣю въ виду прежде всего вліяніе повѣрья на мотивы въ краткой редакціи II повѣсти, и особенно на записи-изреченій. Послѣ всего вышесказаннаго едва ли встрѣтитъ возраженіе выводъ, что записи-изреченій въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ взяты не изъ книги, есть лишь литературная фиксація устныхъ повѣрій. Это подтверждается тѣми параллелями между ними, которыя отмѣчались мною попутно при передачѣ повѣрій. Наличность въ записяхъ изреченій упоминаній табака, чая, кофе ведетъ начало оттуда же²⁾. Конечно, тотъ фактъ, что повѣрье попало въ записи обусловлено характеромъ среды, въ которой по преимуществу бытовали картофельныя повѣрья. Только особенное уваженіе къ книгѣ и всему записанному, которое мы встрѣчаемъ у старообрядцевъ, перевело устное повѣрье на бумагу, и это отмѣтить нелишне. Но какъ только это было сдѣлано, первоначально простой творческой фактъ-повѣрье вступаетъ въ водоворотъ новыхъ связей и отношеній. Устное творчество вступило въ связь съ письменнымъ и, какъ сейчасъ увидимъ, эта связь дѣлается обоюдной.

зветъ си «марготъ». лѣтійшии; а найлѣтійшии тіи «колотиръ» виріе на гу... и». Записано въ 1902 г. в Головах, Косівського пов. Этногр. Збірн. XIII, стр. 238 № 415). Въ Черниговскомъ у. роль Іуды въ легендѣ о тютюіі играетъ чортъ, сброшенный съ неба (Б. Грищенко. Этнографич. матеріали, собраніе въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ вып. I. Ч-риговъ. 1895 стр. 10 № 17).

¹⁾ Весьма возможно, что именно исключительнымъ вниманіемъ народной фантазіи къ картофелю объясняется проникновеніе его въ текстъ народной пѣсни т наз. «Петрушки» (Десять чтеній по литературѣ М. 1895 стр. 175—180) и въ обычное ничѣ шуточное выраженіе — «честная картошка».

²⁾ Повѣрья о табакѣ указаны выше. Записи о чаѣ находятъ себѣ соотвѣтствія въ народныхъ пословицахъ: «кто пьетъ чай, тотъ спасенія не чай» (Сисоевъ. Назв. Соч. стр. 127). «Кто пьетъ чай тотъ отъ Бога отчаенъ» у семейскихъ старообрядцевъ Забайкалья (проф. А. Селищевъ. Назв. соч. стр. 4). Пословица о кофе: «кто кофеи пьетъ, того громъ убьетъ» (Сисоевъ. Назв. соч. стр. 127). Кромѣ того раскольники прибавляютъ иногда: «китайская стрѣла въ Россію пошла, въ христіанскія сердца, и стѣбила ихъ до конца. Кто пьетъ чай, тотъ спасенія не чай, кто чай пьетъ, тотъ отъ Бога отчаился» (Прав. Соб. 1867, II, стр. 166).

Охарактеризовавъ повѣсти о картофелѣ и изучивъ ихъ въ стадіяхъ, предшествующихъ ихъ возникновенію, необходимо остановитъ вниманіе и на послѣднемъ моментѣ въ жизни всякаго литературнаго явленія — на степени его живучести за время, слѣдующее послѣ возникновенія. Какова популярность и художественное т. сказать значеніе повѣстей о происхожденіи картофеля? Популярность повѣстей шла, оказывается, двумя путями письменнымъ и устнымъ¹⁾.

I. О популярности текстовъ повѣстей можно заключить по количеству списковъ ихъ. Извѣстные мнѣ 3 списка I-й повѣсти и 5 спис. II-й, имѣя ввиду то обстоятельство, что я не производилъ даже исчерпывающаго просмотра существующихъ описаній рукописей Россійскихъ древлехранилищъ, достаточны для заключенія о популярности повѣстей. Это во 1-хъ. Во 2-хъ, могу положительно указать, что существовали и еще списки повѣстей. Кромѣ отмѣченныхъ двухъ списковъ анонима въ «Правосл. Собес.»²⁾, я встрѣтилъ указаніе на существованіе списка въ рукописномъ сборникѣ Казанской Дух. Акад. Хр. Кат. № 1709 (прежніе №№ 60, 104), принадлежавшемъ нѣкогда, судя по записи, крестьянину Лаишевскаго у. Каз. губ. села Монастыря Василию Осипову Фадееву (sic). Сборникъ этотъ въ 4-ку, XVIII вѣка. Судя по оглавленію на лл. 84—87 находилось: «Выписано изъ книги Патерика, или Памодка о картофіи» (количество листовъ свидѣлствуетъ, что дѣло идетъ не о записи изреченія, а именно о повѣсти). Въ самомъ текстѣ однако повѣсть о картофелѣ, равно какъ и слѣдовавшая за нею повѣсть о хмельномъ питіи, вырвана, а вмѣсто нея вклеена лицевая статья изъ Великаго Зеркала о птицищѣ. Не сомнѣваюсь, что болѣе тщательные поиски обнаружатъ и еще списки повѣстей. Въ 3-хъ, за популярность повѣстей говорить и то обстоятельство, что они находятся какъ на отдѣльныхъ тетрадкахъ (спис. КНАТ, T₂) такъ и въ сборникахъ (спис. К, ПЕ₂). Послѣдніе по составу весьма пестры и, если можно говорить о какой-нибудь идеѣ, объединяющей ихъ, то съ нѣкоторой натяжкой таковой будетъ идея эсхатологическая. Какъ бы то ни было, но эта подвижность текста въ рукахъ писца и читателя свидѣлствуетъ о вниманіи къ нему. Въ 4-хъ, въ отношеніи ко II-й повѣсти выше при изученіи текста были уже отмѣчены случаи сознательнаго вмѣшательства переписчика въ букву текста. Въ 5-хъ, я склоненъ видѣть отраженіе именнаго знакомства съ повѣстями и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ старообрядческой литературы. Такъ въ одномъ сборникѣ Каз. Дух. Ак. Хр. Кат. № 1678, т. е. въ сп. К₁, есть статья безъ опредѣленнаго заглавія подробно изображающая бытъ современниковъ, увлеченіе закусками, шами, кашей, картами, похлебкой, жаркимъ, пирогами и т. п., м. пр. упомянуто сначала о грѣшномъ стремленіи «овому вѣусить, или покурить дымнаго табака, иному хитростной травы, со услажденіемъ» (л. 70), а дальше: «ини картовъ взносятъ въ слѣдъ,

¹⁾ Говорить о популярности повѣстей вообще правильнѣе потому, что во многихъ случаяхъ затруднительно рѣшить вопросъ, какая изъ повѣстей оказала извѣстное вліяніе.

²⁾ См. выше при описаніи списковъ повѣстей стр. 4 и 6.

которая оудалена от знающих б(о)га¹⁾ (л. 72). В бх наконецъ, имѣются опредѣленные указанія на популярность повѣстей о картофелѣ и у самихъ старообрядцевъ. Изъ извѣстномъ „Окружномъ посланіи единыхъ святыхъ соборныхъ апостольскихъ древле православно каволическихъ церкви“ поповскаго толка среди книгъ ложныхъ на восьмомъ мѣстѣ упомянута „тетрадь о бульбѣ или о картофлѣ“. Привожу это мѣсто по двумъ спискамъ, взаимно дополняющимъ другъ друга²⁾. „Осмая тетрадь о бульбѣ или о картофлѣ, аки бы изъ Пандока и другихъ книгъ и Крыющейся тайно голубицы подложныя выписки на употребляющаго оный тяжкое запрещеніе наводящая (П-доб. и таковой эпитеміи подлагающая), ея же ни въ Кормчей, ни въ Номоканонѣ нѣсть, и сіе мудрованіе еретическо есть [этого в П-нптъ], понеже б(о)госозданное зерле на пищу человѣкомъ дарованное и по естествоу употребляемое гл(агол)еть быти нечисто и ложно съсылается на книги, въ коихъ и слѣда о семъ нѣсть, всякая же лжа отъ діавола есть, той бо есть отецъ лжи и во истинѣ не стоитъ“. Ясно, что упоминанія Пандока опять имѣютъ ввиду *повѣсти* о картофелѣ и, слѣдовательно, посланіе служитъ еще однимъ свидѣтельствомъ ихъ популярности. Любопытно, что именно поповцы возстаютъ противъ повѣстей. Если припомнить, что разсказъ Л. Симоновой идетъ о безпоповцахъ Краснополянской вол., что начало безпоповщинскому расколу положено во Владимірской³⁾ губ., откуда онъ перекинулся на сѣверъ и что есть указанія на популярность тетрадокъ о картофелѣ именно среди безпоповцевъ⁴⁾, то думаю, что можно допустить и самое возникновеніе *повѣстей* въ средѣ именно безпоповщинскаго толка.

Такъ устанавливается фактъ замѣтной популярности повѣстей о картофелѣ въ письменномъ видѣ.

II. Любопытно однако отмѣтить и другой путь популярности. Такъ пространная редакція II повѣсти спустилась въ народъ въ формѣ уст-

¹⁾ Статія сп. К., содержащая замѣтки о табацѣ (л. 70) и картофелѣ (л. 72) на л. 69 имѣетъ такое заглавіе: „И въ ровескѣ Дмитрія Ростовскаго писано“. Нач.: „Въ нѣкомъ селѣ былъ Александръ поп оусами косматъ... но далше за этой исторіей пона, у котораго въ бородѣ застряло причастіе. вдувъ спланнымъ текстомъ статьи совершенно иного характера. По заглавію содержаніе статьи опредѣляется такъ (беру текстъ между двумя кинноварными заголовками) на остриженіе оусовъ ложное оправданіе л. 69; о волѣ прелѣстника л. 70; о хлѣбѣ агилскомъ л. 70 об.; о трапезѣ по изложению стыхъ сѣ л. 71; о волѣ прелѣстника на все брашна л. 72; о бракахъ прелѣстниковъ л. 73; о поминовеніи по умершихъ прелѣстника л. 74.

²⁾ Одинъ списокъ — сбл. Кав. Дух. Акад. Xp. Кат. № 2535/411, списанный съ Яскаго изданія 1864 г. и содержащій данное мѣсто на л. 23 об. Сп. самого конца XIX в. — въ 4-ку. Другой текстъ — перепечатка только даннаго мѣста у Пареева. Разберъ окружного посланія, составленнаго лжеархіепископомъ австрійско-попоминской селы Антономъ съ сотрудниками М. 1863, стр. 26. Исходный текстъ отмѣченъ буквой II См. также въ моемъ описаніи одной рукописи села Луки Киев. у. (напеч. у. акад. В. Н. Перетцъ. Отчетъ объ экскурсіи семъ рус. фил. въ Киевъ. К. 1916. Приложение стр. 2) См. также напечатанное Окружное Посл. при статѣ К. Н. Николаева. Очеркъ исторіи поповщины съ 1846 г. (Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс. 1865, кн. III смѣст., стр. 252). Есть еще Вѣнское изд. 1905 г. выстѣ со „Щитомъ вѣры“. Спб. 8 стр. 30 Объясненіе книги „Крыющейся тайно голубицы см. выше стр. 17 примѣч. 2. Упоминаніе книги „голубицы“ есть и у Скопцовъ (см. А. Шаповъ. Соч. I, 1906, стр. 641). Шаповъ ее отождествляетъ съ извѣстной голубиной книгой.

³⁾ В. В. Андреевъ. Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи. Спб. 1870 стр. 144.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 135.

ной легенды. Такое именно отраженіе пространной редакціи я вижу въ извѣстномъ, записанномъ А. Сперанскимъ во Владимірской губ. и уѣздѣ (т. е. въ сосѣдствѣ съ Нижегородской губ.) устномъ вариантѣ повѣсти о картофелѣ. Переиздаю ее въ отдѣлѣ текстовъ¹⁾. Всматриваясь въ этотъ устный вариантъ, можно замѣтить въ немъ:

1) слѣды вѣщной лексики: волхвъ (вм. колдунъ и т. п.), стеблие, господине;

2) общее ображеніе скжета второй повѣсти;

3) опредѣленные конкретные признаки происхожденія именно отъ пространной ея редакціи. Конецъ устнаго варианта буквально сохранилъ текстъ пространной редакціи.

Пространная ред. II повѣсти

Вар. А. Сперанскаго.

Аще который ч(е)л(о)вѣкъ сѣе зерле ясть (А-ял), то долженъ плакатися и поститися о семъ, до смерти, дабы греховъ прощеніе получить отъ Б(о)га, а кой (К-кто) ч(е)л(о)вѣкъ ведаеть, что грѣхъ ясти, да ясть, той человекъ... аще... в семъ грѣхѣ не покаешся то ничтоже есть.

а кто ял, тотъ да покается и получитъ оставленіе грѣховъ; кто же не покается, тотъ не увидитъ въ царствіе Божіе.

Это совпаденіе приходится на III часть пространной редакціи, отсутствовавшую въ краткой. Вѣроятно, изъ пространной же редакціи попало въ легенду выраженіе „пріѣхалъ въ Елени“. Это даже не искаженіе „въ ельлинехъ“ повѣсти, а просто буквальное совпаденіе съ „въ Елене“ списка А.

Однако владимірская легенда имѣетъ и индивидуальныя черты: а) избраніе въ цари происходитъ съ деталями, отличными отъ повѣсти (конкуренты дѣти царя; выбираютъ новаго царя сенаторы; зажигается не свѣча, а лампада) внесена поѣздка младшаго брата „въ Елени“, вареніе картофеля; б) внесенъ ангелъ, говорящій къ епископу. Я думаю, что всѣ эти индивидуальныя особенности варианта не встрѣчаютъ затрудненія въ объясненіи ихъ фактомъ преломленія письменнаго сюжета въ народной психологически симпатической средѣ. Пространная редакція II повѣсти, попавъ въ устную передачу лишь вернула народу то, что взяла у него значительно раньше въ своихъ источникахъ. Мотивъ избранія царя путемъ самозажигающейся свѣчи, совершенно родной сказкѣ²⁾, хотя вышелъ въ данномъ конкретномъ случаѣ изъ письменнаго источника, тотчасъ же въ сказку-легенду и растворился и получилъ сказочные аксесуары. Такъ я объясняю группу индивидуальных особенностей а³⁾. Что касается ангела, говорящаго епископу, то

¹⁾ Напечатана, какъ указано выше, дважды. — А. Сперанскимъ и В. Перетцемъ.

²⁾ См. выше стр. 34.

³⁾ Сенаторъ или сенаторы обычны въ сказкѣ. Напр. въ сказкѣ о Мишкѣ-Котоматѣ, о Наполеонѣ, о Ювашкѣ бѣлой рубашкѣ, о Вавилонскомъ царствѣ и др. (Д. Зеленинъ. Великорусскія сказки Пермской губ. Спб. 1914. Зап. Рус. Геогр. Общ. по отд. этногр. т. XII стр. 63, 430, 87, 128 и др.).

я не вижу препятствий считать этот мотив привлеченным памятью рассказчика из повести о табаке, где действительно в простран- ных редакциях фигурирует ангел и епископ¹⁾. Так повесть письменная претворилась в устную легенду, входя в плюю семью однородных литературных явлений. Так сказка о Ерше Ершовиче вышла из письменной повести XVII века²⁾, элементы повести об Индийском царстве отразились в былинѣ о Дюке³⁾, ряд апокрифов, как хождение Богородицы⁴⁾ и ап. Павла⁵⁾ по мукам перелились в форму устных легенд и плачей. Так создавалось, наконец, значитель- ное количество так называемых духовных стихов⁶⁾.

11.

Итак повести, легенды и повѣрья о картофелѣ рассмотрѣны. Остается одинъ частный вопросъ, связанный съ ними. Это вопросъ о значеніи записей-изреченій внѣ круга картофельныхъ представлений. Но прежде еще маленькій вопросъ, оставленный открытымъ в изслѣ- дованіи: почему во всѣхъ почти спискахъ повѣстей о картофелѣ или сопровождаютъ ихъ или предшествуютъ имъ записи-изреченій? Во-1-хъ напрашивается само собою одно объясненіе. Читатель или переписчикъ повѣсти хорошо зналъ эти коротенькія записи-изреченія, популярныя среди старообрядцевъ подобно выпискамъ изъ Пчелъ, и не могъ удер- жаться, чтобы не приписать два—три изреченія къ повѣсти. Во 2-хъ возможно и другое объясненіе въ pudent къ первому. Странно, что записи-изреченій находятся *передъ* первой повѣстью. Можетъ быть, ко- нечно, что здѣсь самая повѣсть была привлечена списывателемъ изре- ченій, но возможно и обратное: можетъ быть авторъ первой повѣсти составилъ повѣсть *послѣ* того, какъ записалъ часть ея источниковъ и этотъ автографъ (въ видѣ изреченія + повѣсть) началъ циркулировать, при чемъ изреченія то выпадали, то пополнялись новыми, какъ тексты прицѣпленные къ повѣсти случайно.

Теперь о значеніи записей-изреченій. Оно не ограничивается по- вѣстями о происхожденіи картофеля. Я могу указать еще два литера- турныхъ произведенія, на которыхъ, возможно, что отразились записи- изреченія. Нельзя предполагать только, что это изреченія специально картофельныя. Вспомнимъ, что въ нихъ говорилось и о другихъ ра- стеніяхъ. Каждое послѣдующее произведеніе, очевидно, брало изъ нихъ то, что нравилось.

¹⁾ А. Сисоевъ. Назв. соч. стр. 147.

²⁾ И. Шляпкинъ. Повесть о Ерше Ершовичѣ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1909 августъ).

³⁾ А. Веселовскій. Южно-русскія былинны. 1884. VI.

⁴⁾ Н. Бокановъ. Легенды о хоженіи Богородицы по мукамъ (Избраникъ Киевскій, посвященный Т. Флоринскому. К. 1904).

⁵⁾ В. Сахаровъ. Эсхатологическія соч. и сказ. въ др. русск. письм. Тула 1879 стр. 218.

⁶⁾ Хорошій обзоръ исторіи изученія см. у В. Адриановой. Житіе Алексѣя Человѣка Вожія въ др.-рус. литературѣ и нар. слов. Петр. 1917 стр. 1—68.

1) Существуетъ очень поздняя полукнижная полународная сатира подъ заглавіемъ „Адская газета“¹⁾. Въ ней то м. пр. и замѣтно вліяніе вѣроятіе всего записей-изреченій, ибо рѣчь идетъ и о чаѣ и о табаке и о цѣлой фалангѣ всевозможныхъ грѣховъ. Вотъ выдержки изъ газеты. „Потомъ явились на тотъ свѣтъ гордые господа, чайники и нынѣшніе начальники, несправедливые судьи. Вотъ кричитъ имъ бѣсъ изъ ада: Пожалуйте, господа, сюда: я буду васъ угощать, милостивые государи, я прикажу вамъ согрѣть чаю, только не въ самоварѣ, но для роскошныхъ (sic) вашихъ сорныхъ дѣлъ есть у меня въ адѣ большой мѣдный котелъ... Такъ дошелъ рядъ до табашныхъ, что носы крѣпко были набиты табакомъ. Приказалъ сатана крѣчьми вычистить табаш- ные носы, а на нищихъ страшно закричалъ: вы зачѣмъ сюда пришли? безъ васъ тѣсно; сдѣсь мѣста заняты вельможами и боярами, ростов- щиками и купцами и многими подлецами. *Придутъ къ намъ послѣдніе етки, весьма расслабютъ плоти, въ растлѣнныхъ будутъ жити мно- гия челоуки.* А въ воскресные дни такмо о бѣсовскомъ стараются о томъ получше одежду надежду надѣть и почище бороду обрѣть и въ ность порядочно табаку набить... *Воистинну покаяніе глаголетъ. в по- слѣдніе времена будутъ дѣламъ злы и лукавы; но не дни злы и лука- вы, а челоуцы злы и лукавы*“... Выраженія подчеркнутыя совершенно въ духѣ записей изреченій и, можетъ быть, попали изъ нихъ въ са- тиру, кото ая сложена къ старообрядческой средѣ.

2) Можно допускать вліяніе записей-изреченій и на повѣсти о происхожденіи табака. Дѣло, конечно, специальнаго изслѣдованія уста- новить степень и размѣры этого вліянія, но я нахожу нужнымъ отмѣ- тить и въ табачныхъ литературныхъ сюжетахъ возможность того ин- тереснаго литературнаго посредника между повѣрьемъ и повѣстью, ко- торый нѣсколько неожиданно вскрылся при изученіи повѣстей о кар- тофелѣ. Вотъ немногія параллели въ текстахъ:

Повесть о табакѣ.

Записи—изреченій.

- 1) мнози *царіе и князи* и вельможи, *богатіи* и убозіи, свободныя и работныя²⁾...
- 2) и *елицы* сего зелія травнаго и хранительнаго былія *вкусятъ*.. и трастися имуть *пьянства* ради³⁾..
- 3) и дабы ему *миръ* весь оскверни- ти, и *осквернятся* по невѣденію еще кто осквернится, мучень много будетъ⁴⁾.

Изреч. № 4, 1 ред.: *цари и князи* и (свя)щеніцы и иноцы и весь чинъ *богатыхъ*...

Изреч. № 4, 1 ред.: *И аще кто* ея ястъ, то помрачуются челоу- цы умомъ, яко *пьяныи*.

Изреч. № 5, 4 ред.: ...яко от мира начало преплодится повсюду и въ томъ брашнѣ ч(е)ловецы *осквер- нятся*, яко древле...

¹⁾ Издава въ Этн. Обзор., X, стр. 236; другая ред. въ «Современный расколъ (по- временные выпуски) т. I изд. «Миссіонерск. Обзор.» подъ ред. В. Скворцова. СПб. 1903. стр. 177—178; еще одна ред. издава Е. Романовымъ въ «Могилевск. Губ. Вѣд.» и пе- репечатана въ сборникѣ «Могилевская Старина» Сборникъ статей «Могил. Губ. Вѣд.» подъ ред. Е. Романова, вып. II 1900 и 1901 гг. Могилевъ Губернскій 1901 стр. 79—86. Ред. на «Могил. Стар.» В. Перетца въ «Лит. Вѣстн.» 1901, I кн. I, стр. 90—91. См. так- же замѣтку А. А. Пасьева въ «Библиографич. Зап.» 1858, I № 6 стр. 53—55.

²⁾ А. Сисоевъ. Назв. Соч. стр. 136.

³⁾ Тамъ же стр. 134.

⁴⁾ Тамъ же стр. 146.

Вопрос о происхождении повестей о табаке был трудным и потому, что высказаны уже в литературе предположения что повести — заимствования¹⁾, и потому, что повести о табаке старше каргофель-

¹⁾ А. Пыпин (Очерк лит. ист. стар. повестей и сказок русск. 1878 стр. 203) высказал предположение, что повесть «могла иметь греческое происхождение» и опирается на упоминания в «Вильмоки-каженики» Раньше Пыпина еще И. Болтин (примечания на историю России г. Деклерк Г. 1783 стр. 507) высказался за греческое же происхождение повестей о табаке, предполагая, что их занесли греческие монахи. Во всяком случае при Алексее Михайловиче греки в России торговали табаком (Д. Мейерт. Юридич. Сборник. Казань 1855 стр. 510) А. Н. Веселовский (Ист. р. слов. Галахова I стр. 46) допускает однако, что имя Анепсия могло попасть в повесть случайно, а каженик — обычно в литературе переводных житий и слѣд. может быть в повести о табаке из житий. С своей стороны замечу, что вопрос о происхождении повестей о табаке весьма осложняется. Во 1-ю, имя Анепсия действительно могло попасть в повесть случайно, напр. из записей изречений, гдѣ есть слова «отъ Рамач, «отъ едина» и могло быть имя царя Анепсия. Т. обр. повесть могла быть русской. На оригинальность повести или по крайней мѣрѣ нѣкоторых ея редакцій указывает и крайне неудачная структура нѣкоторых редакцій повести о табаке. Напр. редакция напечатанная у Снегирева Назв. Соч. 135—148 обнаруживает повторение текстов источников, неслучайную сшивку их, что вѣроятно пошло рукой автора. Русскими считаются табачные сказания и Н. Петров (Тр. К. Д. Ак. 1877 I, 611—612). Во 2-ю, нельзя не отметить связь греческого *δωδεκάθεος* (двоюродный брат, родственник) с русскими повестями о происхождении табака из могилы кровосмесителей (сестры и брата). См. С. Максимов. Нечистая, нечеловечья и крестная сила СПб. 1903, стр. 9. Может быть, Анепсия и данное русское повествование ведутъ насъ къ греческимъ повестямъ. Во 3-ю, имѣются поразительныя параллели сюжета табачныхъ повестей въ западной литературѣ. Напр. въ Италіи въ поэмахъ и повѣстяхъ о Боюо d'Antona о чудовищѣ Pulicane (русск. Полканъ) рассказывалось, что онъ рожденъ отъ женщины и пса (см. А. Веселовский Изв. ист. ром. и пов. II, стр. 310). Въ поэмахъ болонца Nikkolo da Casola (XIV в.) ж, вѣроятно, въ его франконтальянскомъ источникѣ рассказывалось объ одномъ внигерскомъ королѣ, задумавшемъ выдать свою дочь за наследника византийскаго престола и заключившемъ ее пса въ башню, дабы уберечь ее отъ опасностей, грозившихъ ея красотѣ. Случилось, чего онъ не ожидалъ: цѣрвена забременѣла отъ своей собачки и родила — Атилла. (А. Веселовский. Тамъ же стр. 310; самый текстъ изданъ на стр. 354). Эта итальянская поэма поразительно напоминаетъ белорусскій вариантъ легенды о табаке. Бѣлор. Сборн. IV, 23 см. выше стр. 24 и первую повесть о картофелѣ. Для насъ особенно важно конечно, что здѣсь мы имѣемъ готовый литературный сюжетъ. Понятно, что редакция напр. повести о табаке, рассказывающая о блудницѣ имѣетъ въ текстѣ указанія на западную часть России (В литовскомъ грядѣ, савоникѣ Корольвъ, ксенза) см. Снегирев. Назв. Соч. 149 и 151 мы поймемъ значеніе названныхъ параллелей. Во 4-ю, наконецъ, понимая всю отдаленность подобныхъ сближеній, не могу не отметить возможности отблесковъ первобытнаго анимизма и тотемизма. А. Н. Веселовскій, по матеріаламъ Comte H. de Chateaux, знаетъ цѣлый рядъ подобныхъ представлений. [Сочиненія изд. Ак. Н. II в. I. 1913 стр. 36, 43, 44]. Отъ связи женщины со псами произошли индійскія племена между Гудсоновымъ заливомъ и скалистыми горами; отъ женщины и пса пошло племя айно; жители Пегу и Явы указываютъ на то же соединеніе собаки съ женщиной; то же у киргизовъ Иссык-Куля. Китайцы рассказываютъ о тѣрахъ уйгурахъ: царь забираетъ дочку красавицу въ башню, ибо ни за кого не хочетъ выдать ее замужъ; здѣсь она соединяется съ волкомъ. Интересно, что есть греческіе варианты: Телмиссийцы въ Ликии — потомки Телмисса сына дочери Антенора съ которой Аполлонъ соединился въ видѣ пса (тамъ же стр. 39). О почитаніи собаки въ указанномъ смыслѣ см. также Н. Харузина. Этнографія. т. IV въ указателѣ подъ словомъ «собака». См. также В. О. Миллеръ. Значеніе собаки въ мифологическихъ вѣрованіяхъ (Древности. Тр. Моск. Арх. Общ. VI, вып. 3 стр. 193—210). Съ другой стороны проказы вѣрили въ духа каждаго вида деревьевъ и растений, напр. дуба, болиголова, клена, брусники, малины. *табаку* (Тейлоръ. Первобытная культура, пер. А. Корочевскаго II, стр. 297). Понятно, что табакъ привезенъ изъ страны первобытнаго примитивизма Америки, можетъ быть придется признать нѣкоторое участіе анимизма въ табачныхъ повѣстяхъ. Что изученіе повѣстей о табаке имѣетъ основанія быть поставленнымъ особенно широко свѣдѣтельствуется совершенно незамѣченной пока, но имѣющей огромный интересъ статья Фонт-Пергера История табака доложенная авторомъ въ 1872 г. въ Обществѣ распространенія естественно-историческихъ знаній въ Вѣнѣ. («Природа» М. 1874 кн. 2-я отд. II стр. 17—26). Фонт-Пергеръ указываетъ на особенно широкое, почти міровое

распространеніе табака при чемъ почти всегда съ нимъ связываются повѣртія и легенды. Преданія краснокожихъ въ Америкѣ напр. рассказываютъ: «Однажды два охотника убили дичину и жарили ее на холмѣ для своего обѣда. Тогда съ неба тѣло спустилось облако, изъ котораго вышла дѣвушка. Охотники подумали, что это духъ, котораго привлекутъ къ нимъ запахи кушанья и предложили дѣвушкѣ ѣсть животною, какъ самый лакомый кусокъ. Дѣвушка поѣла немного и въ благъ дарность сказала: — Люди, вы добры и гостеприимны; когда пройдетъ тридцать лунъ — приходите сюда снова; вы найдете здѣсь вашу награду. Затѣмъ она улетѣла, а когда индѣйцы пришли сюда въ назначенный срокъ, то увидѣли, что направо зеленѣлъ благословенный манисъ, а налѣво благовонный сагри (табакъ). Такъ взлетѣлъ сагри происходилъ отъ вышенаго существа, то и долженъ былъ, по мнѣнію дикарей, обладать чудесными свойствами: онъ огкравалъ общеніе съ духами, служилъ при заклинаніяхъ и жертвахъ, для чего его перетирали въ пыль и сыпали на раскаленные уголья; онъ возбуждалъ жизненные силы, придавалъ мужество въ битвахъ и разгонялъ злыхъ духовъ грозы» (стр. 19). Харузинъ также отмѣчаетъ существованіе табачныхъ легендъ у бакаировъ, народности центральной Бразиліи (Н. Харузинъ. Этнографія вып. I, СПб. 1901, стр. 192). Приведа затѣмъ легенду о табаке изъ илева Магомета, выплюнувшего ядъ змѣи (приведено, хотя и по другому источнику у Поливки въ назв. соч.) и сказаніе объ опытныхъ Ния не отъ вина, а отъ табака. Фонт-Пергеръ отмѣчаетъ любопытное отношеніе къ табаку въ Европѣ. Появившійся въ самомъ началѣ XVI в. у испанцевъ, табакъ ок. 1555 г. былъ занесенъ въ Францію. Въ 1565 г. одинъ бернскій священникъ выростилъ его у себя въ саду. Въ 1535 г. табакъ пошелъ въ Англію и далѣе началъ распространяться по Европѣ. Но табакъ встрѣтилъ собою и противниковъ. Англійскій король Іаковъ I написалъ даже цѣлое сочиненіе (подъ загл. Misocarpus) гдѣ называетъ табакъ «прежисподней въ ея настоящемъ видѣ». Папа Урбанъ VIII въ 1624 г. провозгласилъ анаежу всѣмъ почитателямъ этого безбожнаго растенія. Въ 1651 г. въ Вирембергѣ, а въ 1653 г. въ Саксоніи было запрещено куреніе. При Михаилѣ Овдоровичѣ въ Россіи запрещено курить подъ страхомъ смертной казни. При Алексѣѣ Михайловичѣ за куреніе пытали и рвали ноздри. Лейбъ-медикъ датскаго короля Симонъ Паули въ своемъ Commentarius de abusu Tabaci указываетъ на злыхъ духовъ табака. Словомъ исторія табака связана и въ Америкѣ и въ Европѣ съ работой поэтическаго мышленія, объяснявшаго такъ или иначе это оригинальное растеніе. Даже трубка не миновала этой поэтической отдушки. Такъ краснокожіе считаютъ ее подаркомъ Великаго Духа. Трубка играла крупную роль въ нѣкоторыхъ священнодѣйствіяхъ мексиканцевъ, омаховъ. Любопытно, что въ Европѣ нашли древнія каменные трубки въ кельтскихъ гробницахъ и въ древнѣйшихъ гробницахъ Германіи. Фонт-Пергеръ сообщаетъ и еще немало любопытныхъ фактовъ, но и этого достаточно для признанія, что вопросъ о происхожденіи табачныхъ повѣртіи въ Европѣ крайне сложенъ. А это осложняетъ и вопросъ о русскихъ представленіяхъ о табаке. Дѣвушка американской легенды, черезъ европейскую блудницу напоминаетъ м. б. блудницу нашихъ табачныхъ повѣстей, табакъ въ саду бернскаго священника напоминаетъ табакъ въ саду Треникура русскихъ повѣстей, трубка — даръ великаго духа — ср. трубка даръ ангела Словинцевъ (Этн. Обзор. XIX, стр. 209) или даръ чорта. Выяснить — имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ самозародившимися мотивами или съ заимствованными и если съ заимствованными, то каковъ былъ путь его — съ Запада (изъ Европы) или съ Востока — это дѣло спеціальнаго изслѣдованія табачныхъ сюжетовъ.

¹⁾ Съ точки зрѣнія изученія повѣстей интересна оригинальная мысль Котельникова объ азиатскомъ происхожденіи (черезъ монголовъ) въ южной Россіи нѣкоторыхъ сортовъ табака (Киев. Стар. 1890 № 6 стр. 549—551 «О древности малороссійскаго табаководства». Статьи статьи Котельникова напечатаны въ 1890 г. въ «Земледѣльческой Газетѣ» № 20 и въ «Трудахъ Вольнаго Эконом. Общ.» № 8). Если это предположеніе вѣрно, то мы имѣемъ еще одно указаніе на возможность вліянія Востока. И Д. Мейеръ доказываетъ (Юридич. Сборникъ, что въ Сибири табакъ былъ распространенъ раньше Европ. Россіи стр. 51) и что русскіе получали нѣкоторые сорта табака съ Востока (стр. 509). Любопытно, что русское выраженіе — «пить» табакъ (А. Пыпинъ. Ист. р. л. 1902. II стр. 531 и III стр. 229; 318) находитъ себѣ параллель съ одной стороны въ турецкомъ языкѣ, гдѣ тоже не курятъ табакъ а «пьютъ» и съ другой стороны въ «кунари», одномъ изъ героевъ саргскаго кукольнаго театра: кунари не куритъ опиумъ и гашишъ, а пьетъ его. (Н. Мартиновичъ. Замѣтки о народномъ кукольномъ театрѣ саргтовъ въ Казанскомъ Муз. йномъ Вѣстникѣ, за 1921 г. № 1—2 стр. 17) М. пр. въ питьѣ табакъ говорится и въ псевдохожденіи Суханова по Солевецкой рѣк. XVII в. № 897. Авторъ статьи на л. 3 упрекаетъ грековъ за то, что они употребляютъ «питье табака

той или иной степени участие записей-изречений вѣроятно. А если это такъ, то получается любопытный выводъ, что рукописная русская повесть знала отрасль, возникшую очень поздно, повѣстей народно-литературного характера, связанныхъ такъ сказать круговой порукой взаимной поддержки другъ друга и ихъ письменными текстами, и общимъ народно-психологическимъ фономъ въ видѣ однородныхъ повѣрій, и взаимной диффузіей памятниковъ письменности и живого устного преданія ¹⁾.

3) Наказецъ, и по отношенію къ записямъ-изреченіямъ надо, кажется, допустить проникновеніе ихъ въ устную передачу. А ргіогі такое положеніе естественно. Но и фактическое подтвержденіе его я вижу въ слѣдующей раскольнической поговоркѣ „Картоха проклята; чай двою проклятъ, табакъ да кофе трою“ ²⁾. Она есть устная переработка изреченія типа № 9 (3 ред.) 8 и др. Что не могло быть обратнаго отношенія, заключаю по тому, что первое мѣсто представлено здѣсь картофелю, растенію позднѣйшему сравнительно съ табакомъ, а также и потому, что въ одной поговоркѣ соединены всѣ ненавистныя раскольнику растенія. Для поговорки первичнаго типа такое соединеніе было бы невозможно. Другое усное отраженіе записей изреченій я вижу въ вариантѣ легенды о табакѣ Чигиринскаго у. Разсказчикъ солдатъ, передавъ собирателю чрезвычайно оригинальную легенду о происхожденіи табака, добавляетъ: „А тамъ ище напишите: предупреждаю, люде, я васъ крыстаны: не курить його, проклятого, бо не тилъы вы воняете,

дѣжново и носовово, играны въ карты» (см. П. Владиміровъ. Очерки изъ исторіи литературнаго движенія на сѣверѣ Россіи во второй пол. XVII в. въ Журн. М. Н. Пр. ч. 205 отд. 2 стр. 227 и сл.), ср. запись изреч. № 8.

¹⁾ Самыхъ списковъ повѣстей о табакѣ извѣстно довольно значительное количество. Изданы повѣсти: въ Нам. стар. р. л. II, 427—434; у Акад. В. Н. Перетца Отчетъ объ экскурсіи сем. рус. фил. въ Киевѣ. К. 1916 стр. 135—152 (это работа А. П. Сысоева съ указаніемъ на рядъ другихъ списковъ повѣстей; отрывки у А. Пыпина: Очеркъ д-рой ист. пов. и сказокъ стр. 208—209. Текстъ по ркп. погост. № 1364 въ извлеченіяхъ съ цѣнными примѣчаніями изданъ Д. М. Львовымъ въ Извѣстіяхъ Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Казанскомъ Универс. т. XIV, вып. 6 стр. 595 и сл. (указаніемъ обязанъ проф. А. М. Селищеву), стихъ о табакѣ изданъ у Н. Тихомирова. Дѣло р. л. и др. V. отд. II стр. 108—111; указаніе на стихъ еще см. у И. Добротворскаго (Правосл. Обзор. VII стр. 389). Кроме того нѣсколько списковъ указано у В. Г. Дружинина. Писанія русскихъ старообрядцевъ Спб. 1912 стр. 416 № 633, въ моей статьѣ „Музей и рукопись“ (Казанскій Музейный Вѣстникъ. 1920 № 3—4 стр. 58), а также выше-названная интересная редакция въ ркп. Каз. Дух. Акад. Хр. Кат. № 1714, XVII в., известна въ Архангельск. Красногорскомъ м-ѣ, на 9 лл. въ 4-ку (Викторовъ Описание рукописныхъ Собраній Сѣверной Россіи. Спб. 1890. стр. 62. Здѣсь же считаю уместнымъ отмѣтить еще особый циклъ легендъ, связанныхъ однако съ повѣстями или повѣртіями о табакѣ. Это „Чудеса Всемилостиваго Спаса“, въ трехъ изъ которыхъ (9 іюля, 16 авг. и 1 сент.) имѣются запрещенія на табакъ (изданы чудеса по сп. пол. XVII в. А. И. Никольскимъ въ Изв. отд. р. яз. и сл. 1912, кн. I: См. также А. Назаревскій у В. Н. Перетца. Отчетъ объ экскурсіи сем. р. ф. въ Москву въ 1912 г. К. 1912 стр. 50—52; А. Орловъ. Народныя преданія о святыхъ русскаго сѣвера въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс. 1913. I смѣсь, 47 и сл.). Сборникъ б-внш. Соловецкой бібліотеки № 925 (хр. кат. № 1035) въ 8-ку, кон. XVII в., въ статьѣ о чудесахъ Всем. Спаса упоминаетъ табакъ пѣлыхъ семь разъ (л. 36 об., 37. 41. 42 об., 43, 43 об. 46 излагая даже два чуда надъ табачными). (Этотъ сп. извѣстенъ А. Шапову. Соч. I. 1906. стр. 224. см. также Н. Петровъ. Тр. К. Д. Ак. 1872, II. 746 стр.; А. Архангельскій. Изъ лекцій по ист. р. л. Московск. д-ра кон. XV—XVII в. Казань. 1913 стр. 386—391 и LXXXII.

²⁾ В. Даль. Толковый слов. влвр. яз. I 1905.

же.

й о

ура
ума
ель-
омъ
аро-

вен-
омъ
зря
гру-
фор-
рто-

Къ
исое-
кихъ

аим-
азло-

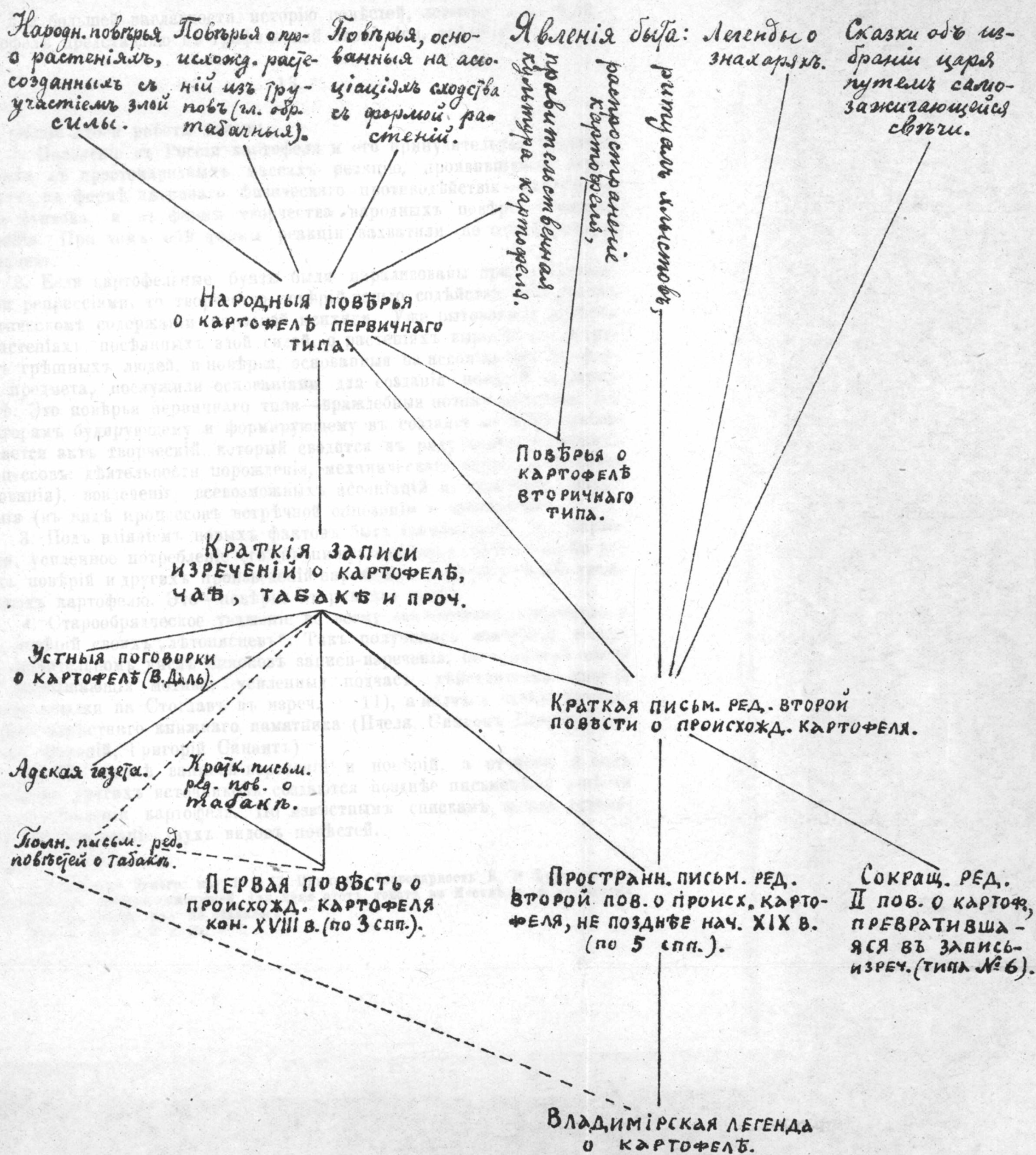
рто-
но-
раж-

ло и
еерь
своей
нигой
гори-
Бого-

подъ
вѣсти
таво-

орф-
казани

Схема истории повестей, легенд и повестей о картофеле.*)

Новейшие повести В. Даля, Б. Никонова и Л. Симоновой.

* Пунктирные линии обозначают связь лишь предполагаемую.

а вже весь свить засмердився нымъ. Хоть котора й праведна, може, душа е, то й та не пиде въ рай черезъ табакъ" ¹⁾).

12.

Для большей наглядности исторію повѣстей, легендъ и повѣрій о картофелѣ представляю въ графической схемѣ (см. таблицу).

13.

Общіе итоги работы таковы.

1. Появление въ Россіи картофеля и его принудительная культура вызвали въ простонародныхъ массахъ реакцію, проявившуюся двумя путями: въ формѣ активного физическаго сопротивленія—картофельныхъ бунтовъ, и въ формѣ творчества народныхъ повѣрій о новомъ растеніи. При томъ обѣ формы реакціи захватили не однихъ старообрядцевъ.

2. Если картофельные бунты были парализованы правительственными репрессіями, то творчество повѣрій нашло содѣйствіе въ готовомъ поэтическомъ содержаніи народной психики. Уже бытовавшія повѣрья о растеніяхъ, посѣянныхъ злой силой, о растеніяхъ выросшихъ на трупахъ грѣшныхъ людей, и повѣрья, основанныя на ассоціаціяхъ съ формой предмета, послужили основаніями для созданія повѣрій о картофелѣ. Это повѣрья первичнаго типа—враждебныя новому растенію. Къ факторамъ будирующему и формирующему въ созданіи повѣрій присоединяется актъ творческій, который сводится къ ряду психологическихъ процессовъ: дѣятельности порожденія, механическаго переноса (и заимствования), вовлечения, всевозможныхъ ассоціацій и, наконецъ, разложения (въ видѣ процессовъ встрѣчной оппозиціи и затемненія).

3. Подъ вліяніемъ новыхъ фактовъ быта (винокурение изъ картофеля, усиленное потребление его въ пищу) создается группа болѣе новыхъ повѣрій и другихъ произведеній народнаго творчества менѣе враждебныхъ картофелю. Это—повѣрья вторичнаго типа.

4. Старообрядческое уваженіе ко всему записанному выдвинуло и для повѣрій своихъ „лѣтописцевъ“. Такъ получились извѣстные теперь въ значительномъ числѣ списковъ записи-изреченія, по величинѣ своей не превышающія мотива, усиленные подчасъ дѣйствительно книгой (напр. ссылки на Стоглавъ въ изреч. 11), а подчасъ псевдо-авторитетомъ извѣстнаго книжнаго памятника (Пчела, Симеонъ Новый Божесловъ, Бароній, Григорій Синаитъ).

5. На основѣ записей-изреченій и повѣрій, а отчасти и подъ вліяніемъ другихъ источниковъ создаются позднѣ письменныя повѣсти о происхожденіи картофеля. По извѣстнымъ спискамъ можно установить существованіе двухъ видовъ повѣстей.

¹⁾ Гринченко. Этногр. мат. II № 17. Приношу благодарность В. В. Бургедрфъ—Овчинниковой, любезно списавшей для меня этотъ текстъ въ Москвѣ, т. е. въ Казани пужнаго тома Этногр. мат. не оказалось.
Изв. О. И. А. и 9. т. 32, в. 1.

6. Первый вид, представленный тремя списками и производящий картофель из трупа блудницы, возник в XVIII вѣкѣ на основѣ текстовъ записей изреченій и краткой (предположительно письменной) редакціи повѣсти о табаѣ. Возможно также вѣкоторое вліяніе полной письменной редакціи повѣстей о табаѣ. Родину первой повѣсти можно, кажется, видѣть у средневоложскихъ старообрядцевъ.

7. Второй вид повѣсти, производящій картофель из трупа мужчины существовалъ въ трехъ редакціяхъ:

а) реконструируемой *краткой*, составленной въ средѣ противохлыстовскаго м. б. безпоповщиннаго старообрядчества на основѣ изображенія ритуала хлыстовъ, а также записей-изреченій о картофелѣ, повѣрій о картофелѣ, легендъ о знахаряхъ, сказокъ объ избраніи царя путемъ самозажигающей свѣчи;

б) *пространной*, извѣстной въ 5 спискахъ и составленной путемъ использованія въ качествѣ источниковъ—краткой редакціи и еще разъ текстовъ записей изреченій; по цѣли и формѣ она близка къ стариннымъ поученіямъ, составлена не позднѣе начала XIX вѣка, надо предполагать въ средѣ нижегородскаго старообрядчества;

в) *сокращенной*, образовавшейся изъ краткой же, путемъ ея сжатія до размѣровъ семистроція, и превратившейся и по формѣ и, видимо, по значенію въ запись-изреченіе (см. № 6) ¹⁾.

8. Вопросъ о популярности повѣстей разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ, при чемъ пространная редакція даже приняла форму легенды. Апофегматическіе привѣски къ повѣстямъ въ спискахъ свидѣтельствуютъ о крайней живости вниманія, съ какимъ подходилъ читатель и писецъ къ тексту: каждый стремился или пополнить или исключить что-нибудь въ записяхъ-изреченій, имѣвшихся передъ глазами.

9. Исторія записей-изреченій также характерна. Возникая частью на основѣ книги, а въ большинствѣ изъ народныхъ повѣрій, записи-изреченія распространяются, то попадая въ запись же (повѣсти о картофелѣ, повѣсти о табаѣ, адская газета), то переходя обратно въ повѣрье (вариантъ Даля на стр. 64).

10. Можетъ быть, нелишне подчеркнуть народность по преимуществу тѣхъ письменныхъ памятниковъ, которые прошли передъ нами въ изслѣдованіи. Мы имѣемъ:

а) повѣрье о картофелѣ→изреченіе (типа № 9)→повѣрье (Даль, стр. 64)

б) повѣрье о карт.→изреченіе (типа № 4, осложненное другими произвед. народн. творчества)→

пространн. ред. II пов.→легенда (Владим. у.)

→краткая ред. II пов. ²⁾

сокращенн. ред.=изреч. № 6→м. б. новое пов.

¹⁾ Слѣдуетъ подчеркнуть, что и повѣсти о картофелѣ и часть повѣрій локализируются въ сравнительно узкой территоріи. Это районъ средняго Поволжья съ одной стороны (I и II-я повѣсти, повѣрья Нешехонск. у. Яросл. губ., Кадниковскаго у. Вологодской губ., Костромской губ., Казанской губ.; легенда Владимірскаго у. и уѣзда) и область близкая къ Вѣткѣ и Стародубью (повѣрья Вѣтгородск. у. Курской губ., Орловской губ.). Это подчеркиваетъ еще разъ преимущественный интересъ къ картофельнымъ повѣрьямъ у старообрядцевъ и убѣждаетъ, что картофельныя повѣсти—повѣсти мѣстнаго характера.

Такимъ образомъ передъ нами два замкнутыхъ круга, по которымъ движется творческая работа народной фантазіи, два круга, въ которыхъ почти всѣ звенья налицо и въ одномъ изъ которыхъ (б) приходится констатировать интересный моментъ, какъ подъ вліяніемъ вторгающагося явленія быта (ритуаль хлыстовъ) происходитъ расщепленіе одного круга на два и какъ новая струя творчества продолжаетъ путь по направленію, данному инерціей.

11. Для историка литературы нелишне отмѣтить жанровую элементарность тѣхъ произведеній о картофелѣ, которыя проникли въ письменность. Они даютъ три жанра: запись-изреченіе, повѣсть, повѣсть-поученіе. Въ языкѣ и стилѣ всѣ три жанра слѣдуютъ традиционному шаблону массовыхъ литературныхъ явленій своей эпохи. Различія же въ болѣе глубокихъ пластахъ, въ композиціи и скелетахъ. Такъ *запись-изреченіе* есть безсюжетная формула (построенная по типу книжной цитаты или условнаго періода). *Повѣсть* (I-я, краткая редакція II-й) даетъ сюжетъ почти въ голомъ скелетѣ. И лишь въ *повѣсти-поученіи* (пространная ред. II-й) авторскій замыселъ нѣсколько подчиняетъ элементы произведенія въ томъ смыслѣ, что готовые книжные источники механически вкладываются въ рамку опредѣленной формы конструирования, свойственной памятникамъ поучительнаго назначенія.

12. Наконецъ, произведенный экскурсъ даетъ, думается мнѣ, право и на одно заключеніе обобщающаго характера. Повѣсти о картофелѣ, какъ я уже указывалъ, есть часть *цикла* повѣстей, создавшихся въ средѣ пуританствующей престонародной старообрядческой письменности о происхожденіи неизвѣстныхъ раньше растений (табакъ, картофель, чай, кофе и др. ¹⁾). Если отдѣльные мотивы повѣстей этого цикла не

¹⁾ Напр. Екатеринбургскій нар. Манжуръ о табаѣ, лукѣ, чесночѣ и хлѣбѣ (см. выше стр. 55). Впрочемъ м. б. вѣкоторыя растения предупредили своимъ быстрымъ распространѣніемъ созданіе повѣрій и повѣстей. Напр. неизвѣстно обработанныхъ повѣстей о кофе и чаѣ. Впрочемъ и о чаѣ и кофе существуютъ нѣчто вроде легендъ только, къ сожалѣнію, онѣ пока извѣстны не въ рукописяхъ, а въ свободной передачѣ беллетристовъ. О чаѣ напр. яко бы въ рукописи писано: «Священная книга Адаманти—во главѣ 305 снѣ повѣствуетъ: въ послѣднее время изыдетъ на брань съ христіанъ мѣдный апокалипсическій змѣй, рекомый адская утроба. И вси его возлюбятъ и предадутъ ему крѣпко до конечнаго умопомраченія. И той окаленный змѣй имать вокругъ себя воду, а внутри—огнь горящій, яко же въ жупелѣ ріенскомъ. И будутъ изъ него мнози чело-вѣцы ту воду сладкѣ пить, пущая оную чрезъ мерзкій проходъ змѣя, рекомый крантъ. И усладятъ воду оную трюкоянною травою, ей же имя чай. И мнози предъются изъ христіанъ и вдадутъ себя на озвереніе поганой травы и мѣдному змѣю, яже есть не ины кто, развѣ самоваръ. О семъ душепагубномъ и трюкояннымъ чаепитіи богоносніи отцы наши снѣ заповѣдаша: «аще кто изъ христіанъ дерзнетъ пить чай, той человекъ отчаялся отъ Господа нашего Ісуса Христа и да будетъ трижды анаема и проклятъ. Зри сіе всякъ истинно православный христіанинъ и ужасайся...» (К. Поповъ Расколъ и его путеводители. Саратовъ. 1890 стр. 1. Нѣкоторыя повѣрья почему то считаютъ чай китайской стрѣлой. «Китайская стрѣла въ Россію вошла, въ христіанскія сердца и стугбила ихъ до конца. Кто пьетъ чай, тотъ спасенія не чай. Кто чай пьетъ, тотъ отъ Бога отчаялся». (Прав. Соб. 1867, II стр. 166, къ сожалѣнію, безъ указанія источника). Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 г. іюль т. 10 стр. 88 въ разсказѣ «Старые годы» одинъ изъ героев—князь говоритъ раскольникъ: «А видишь ли, честный отче, читалъ я въ одной французской книгѣ, что когда въ Хинской землѣ чай собираютъ, такъ жрецы языческіе богомерзкое свое служеніе на поляхъ совершаютъ и водой идождервенною тотъ чай на корню кропятъ». Анонимъ Правосл. Соб. приписываетъ эту легенду раскольникамъ едва ли правильно т. к. князь опредѣленно указываетъ французскій ея источникъ. Любопытенъ также «Разговоръ чужестранца, родомъ изъ китайскаго царства по имени называється чай», въ стихахъ. Чай оправдываетъ себя тѣмъ, что грѣхъ не чаепитіе, а

есть достояніе только старообрядческой или даже шире—русской мысли ¹⁾, то структура повѣстей, извѣстных въ русских спискахъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ повѣсти о картофелѣ, и цѣликомъ сами принадлежатъ старообрядцамъ. Анализъ повѣстей о картофелѣ, *можетъ быть*, вскрываетъ страничку изъ исторіи техники созданія повѣсти вообще, изъ исторіи ея поэтики, по крайней мѣрѣ въ данномъ циклѣ. Сначала въ народѣ появляются путемъ взаимодѣйствія цѣлага ряда факторовъ ²⁾ устные „откровения“, повѣрья, поговорки, пословицы, причеты. Эти *мотивы* записываются отдѣльными лицами (ср. записки-изреченій) и находятъ подтвержденіе и развитіе въ авторитетѣ дѣйствительныхъ или псевдо писаній. Наконецъ, на основѣ контаминаціи такихъ записей изреченій между собою и съ другими элементами содержания народной психики возникаютъ цѣлыя повѣсти, которыя, давъ толчекъ жизни сюжета въ письменности, переходятъ обратно въ народъ въ формѣ легенды, возвращая, такъ сказать, къ первоисточкамъ первичные элементы-мотивы, но уже въ сюжетной ихъ комбинаціи.

Приведенный въ такой общей формѣ выводъ менѣе доказателенъ, чѣмъ предшествующіе, до изученія другихъ повѣстей даннаго цикла, но такъ какъ онъ все же опирается на нѣсколько конкретныхъ фактическихъ данныхъ, я считаю выставленіе его, хотя бы въ качествѣ гипотезы, не безынтереснымъ. Тѣмъ болѣе, что способъ составленія памятниковъ письменности такимъ путемъ (устный вариантъ—запись мотивъ—письменный сюжетъ) свойствененъ не только данному циклу повѣстей. У старообрядцевъ же можно указать на тотъ же приблизительно способъ составленія повѣстей о патриархѣ Никонѣ. Прежде чѣмъ составились цѣлыя повѣсти о немъ, ходили по рукамъ записи отдѣльных фактовъ изъ жизни Никона, такъ сказать рудименты повѣсти ³⁾. Въ сущности такъ же создавались повѣсти житійнаго характера, напр. повѣсть о Меркуріи Смоленскомъ ⁴⁾, рядъ житій и чудесъ

дурнымъ дѣла. Впрочемъ, «едва ли ето въ рай попадетъ, кто и меня съ сахаромъ пьетъ». Изъ стихотворенія выясняется, что существовали запрещенія на лукъ и перецъ и на «жареную въ сковородѣ пиццу», не говоря уже о вишнѣ. («Могилевская Старина. Сборникъ статей, Могил. губ. Вѣст.» подъ ред. Е. Романова вып. II. Могилевъ Губернскій, 1901 стр. 84). Что касается кофе, то могу указать лишь легенду указанную анонимомъ въ Правосл. Соб. 1867, II, 173—174. Кофе «родился въ аду и былъ первоначально изжаренъ адскимъ огнемъ; бѣсъ прінесъ его на землю на пагубу людей и научилъ ихъ готовить его», потому «пить кофій значитъ налагать ковъ на Христа; въ человѣкѣ пьющемъ будетъ ковъ и лукавство; кто кофій пьетъ, того громъ убьетъ». Къ слову, у казанскихъ татаръ есть стихи: «Двѣ вещи погубили міръ: Кофе Іеменскій и табакъ турецкій» (И. Ф. Катановъ. Мат. къ изуч. казанско-татарскаго нарѣчія. ч. II Казань 1898 стр. 38). См. враждебное отношеніе къ чаю у секты людей Божіихъ. (В. К-въ. Къ исторіи вѣрованій и правовъ нашихъ сектантовъ. Отт. изъ № 10 Самарскихъ Епар. Вѣд. 1867 стр. 9).

¹⁾ См. выше иноземныя легенды о табакѣ (стр. 47).

²⁾ Количество психологическихъ законовъ, создающихъ повѣрья несомнѣнно богаче перечисленныхъ выше. Напр. я не указалъ закона этимологическаго осмысленія, по которому кофе надѣляется лукавствомъ черезъ созвучіе кофе—ковъ—ковъ (см. изреч. № 11), а «картофель» объясняется изъ кортѣ—офель—мнимаго названія травы и имени мнимаго же еретика (см. выше стр. 17 примѣч. 2).

³⁾ Акад. В. Н. Перетцъ. Изъ исторіи старинной русской повѣсти (Кіев. Унив. Изв. 1907 № 8) и Его же. Исслѣдованія и матеріалы II.

⁴⁾ См. статью Буслаева въ Лѣтоп. рус. л. и древн. Н. Тихонравова II, стр. 31 и 34 сл.; проф. Н. П. Миндалевъ. Повѣсть о Меркуріи Смоленскомъ и былевой эпосъ (Сборникъ статей въ честь Д. А. Корсакова. Казань 1912—13 стр. 265); Д. Вѣлецкій у В. Перетцъ. Отчетъ сем. рус. фил. въ 1913 г. К. 1913 стр. 6. Въ данныхъ работахъ указанная мысль высказана вполне опредѣленно.

сѣверно русскихъ святыхъ, какъ житія Іоанна и Лонгина Яренгскихъ ¹⁾, повѣсть о бѣсноватой Соломоніи ²⁾ и т. п. Наконецъ, тотъ же порядокъ созданія отмѣчается и въ другихъ произведеніяхъ литературы еще въ глубокой древности. Такъ акад. В. М. Истринъ въ 1895 г. писалъ въ изслѣдованіи повѣстей объ Индійскомъ царствѣ: «При изслѣдованіи каждой повѣсти нужно по возможности стараться раздѣлить ее на составныя части. Едва ли какая либо повѣсть могла сложиться сразу или выйти изъ подъ одного пера. Существуютъ, обыкновенно, устные рассказы, которые записываются и расходятся въ двухъ направленіяхъ—устно и письменно; письменность въ свою очередь вліяетъ на устные рассказы, и въ результатѣ путемъ долгаго взаимодѣйствія и накопленія новыхъ эпизодовъ, являются дошедшія до насъ повѣсти. Намъ не всегда можетъ удастся разложить извѣстную повѣсть на составныя части, но иногда можно намѣтить хотя бы приблизительно основныя элементы той или другой повѣсти. Примѣромъ такого случая можетъ служить Псевдокаллисфеновская исторія объ Александрѣ Македонскомъ» ³⁾. Если припомнить, что приблизительно такой путь созданія выдвигается изслѣдователями для древне-индійскихъ сказаній (Панчатантры, для средневѣковой новеллистической литературы ⁴⁾, для древне-христіанской житійной литературы ⁵⁾ и т. д., то станетъ понятнымъ весь интерес изученія такого маленькаго сюжета, какъ русскія повѣсти о происхожденіи картофеля. Оно связываетъ знакомъ равенства процессы народно-поэтическаго творчества глубокой древности съ тѣми же процессами, происходящими почти на нашихъ глазахъ.

13. Въ общихъ выводахъ нелишне отмѣтить интересъ къ картофелю повѣрьямъ у новыхъ белогристовъ В. Дала, Б. Никонова и Л. Симоновой. Какъ сѣмя растенія переносится вѣтромъ съ одного поля на другое, чтобы тамъ дать жизнь своему семейству, приспособляясь къ новымъ условіямъ произрастанія, такъ же точно и повѣрья о картофелѣ, табакѣ попадаютъ въ совершенно инныя условія культуры, приобретаютъ интересъ курьеза и даютъ объектъ для работы мысли художественной, можетъ быть психологической и, наконецъ, научной ⁶⁾

¹⁾ В. Ключевскій. Древне русскія житія свв. какъ историч. источникъ. М. 1871 стр. 326 и 426.

²⁾ Эта повѣсть даетъ образецъ приблизительно той же исторіи. Поздняя книжная редакція, напечатанная въ Нам стар. р. л. II имѣетъ въ основѣ болѣе краткую и простую редакцію неизданную, но извѣстную въ ркн. Солов. библи. при Каз. Д. Ак. № 929 лл. 78—85 об. въ 4-ку втор. пол. XVII в., а эта послѣдняя надо полагать, опирается на демонологическія повѣрья народныя.

³⁾ Древности. Труды Слав. Комм. 1895. т. I стр. 7.

⁴⁾ Отчасти у J. Bédier. Les fabliaux Paris 1895.

⁵⁾ См. любопытную итожную замѣтку А. Грузинскаго объ исторіи житія Св. Алексія Чел. Божія у В. Перетца. Отчетъ объ экск. сем. р. фил. въ Иѣжинѣ въ 1914 г. Кіев. 1914 стр. 27; также В. Адрианова. Назв. соч.

⁶⁾ Отмѣчу случай, когда такой переносъ вдохнулъ новую жизнь въ сюжетъ уже на интеллигентной почвѣ. Имѣю въ виду повѣсть о табакѣ въ эротической передѣлкѣ Ремизова. Оказывается, что передѣлка нашла самозовлѣющій интересъ: она переиздается въ Москвѣ и даже нашелся иллюстраторъ повѣсти—В. А. Сомовъ (см. журн. «Среди Коллекціонеровъ Москва. 1921 № 1 стр. 13). Любопытно, что табакъ и картофель современными даже астрологами причисляются къ числу растеній магическихъ (см. соч. П. Седуръ. Магическія растенія, Пер. О. Трояновскаго, изд. 2 Сиб. 1912 стр. 132 и 195).

Отъ смущеннаго лепета довърчиваго сознанія нижегородскаго старовѣра черезъ руки полуграмотнаго начетчика въ перу интеллигентнаго средней руки беллетриста и еще дальше въ лабораторію ученаго — вотъ исторія нашихъ миниатюрныхъ и далеко не богатыхъ содержаніемъ сюжетовъ.

Наталкиваетъ изученіе вышеприведеннаго матеріала и еще на одну мысль. Невольно вспоминаются тѣ *legendes des origines*, которыя въ видѣ отвѣтовъ на вопросы „что откуда пошло“ извѣстны въ фольклорѣ всѣхъ народовъ (ср. *Вопр. теор. и психол. творч.* I стр. 40, II, в. 1 стр. 30). Не даютъ ли изученные матеріалы возможности видѣть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отдаленное родство съ этими *legendes*, подтверждая т. обр. съ одной стороны качественное тожество извѣстныхъ творческихъ процессовъ въ разное время, а съ другой привнося новое и психологическое и фактическое подтвержденіе теоріи полигенезиса литературныхъ сюжетовъ. Впрочемъ дальше вопроса я, конечно, не иду.

Въ заключеніе позволю себѣ выразить сердечную благодарность профессорамъ *И. А. Стратонову* и *И. М. Покровскому* за предоставленіе мнѣ исключительно благопріятныхъ условій для занятій въ библіотекѣ бывшей Каз. Дух. Академіи.

Казань. 1921.

А. Никифоровъ.

Дополненія.

Къ стр. 42, прим. 3. С. И. Порфирьевымъ указана мнѣ любопытная замѣтка о разведеніи въ 1768 году „земляныхъ яблокъ“ въ селѣ Мордово Саратовской губ. и уѣзда („Дневныя записки путешествія доктора и Акад. Наукъ адъюнкта Ивана Лепехина 1768—69 г.г., 2 изд. I. 1795, стр. 382).

Къ стр. 51 прим. 3. „Божью травку табачекъ“ см. также въ народной пьесѣ „Бздокъ и Коневаль“ (Н. Ончуковъ. Сѣв. народн. драмы. СПб. 1911, стр. 120). Эта же пьеса знаетъ въ качествѣ источника „Алскую Газету“. Еще развѣшительныя легенды о табакѣ у литовцевъ. Табакъ изображается райскимъ растеніемъ, оплеваннымъ другими растеніями за горечь. За это Богъ сказалъ ему: „съ этого дня всѣ тебя будутъ держать и почитать: большой и малый“. Но все таки, когда курятъ, сплевываютъ, потому что всѣ растенія, когда были въ раю, оплевали его. (Записано въ Ковенск. губ. въ 1893 г. См. „Жив. Стар. 1894, вып. II, стр. 257).

Къ стр. 63 прим. 1. Есть любопытная монгольская легенда противъ табака. Онъ сравнивается съ водкой, и, м. пр., рассказывается: „однажды, много времени спустя послѣ того, какъ будда Сакья-Муни отошелъ въ нирвану, изъ утробы одной женщины—шимнуса (дьяволицы) упала на землю кровь. На томъ мѣстѣ выросла зелень, которая распространилась по Индіи и по Китаю. Это и былъ табакъ“ (Жив. Стар. 1910, вып. 1—2, стр. 175).

Къ стр. 67 прим. 1. О чаѣ еще см. въ старообрядческомъ „Словѣ отъ старчества инока Захаріи ко ученику своему Захаріи изъ славной обители въ горахъ отъ града Тактора три поприща, близъ Подѣлія, нарицаемаго Макоимесь“ (Жив. Стар. 1906, в. I, стр. 51—52). Слово, какъ кажется, обнаруживаетъ знакомство съ записями—изреченій.

А. Н.

ТЕКСТЫ.

1. Записи-изреченій издаются по спискамъ, перечисленнымъ выше на стр. 16, 17. Варіанты, напечатанные подъ строкой каждаго изреченія жирнымъ шрифтомъ — восстанавливаемыя чтенія. Курсивъ въ текстѣ отмѣчаетъ редакціонныя отличія.

2. Первая повѣсть издается по списку Каз. Дух. Акад. Хр. Кат. № 1678, XIX в. на л. 88 об.—89 об., т. е. 1. Въ вариантахъ списки: *H*₁ (Каз. Дух. Акад. Хр. Кат. 2084, XIX в. л. 313—315 об.) и *H* (изданный акад. В. Н. Перетцемъ въ Сборникѣ въ память Л. Майкова. 1902 стр. 93). Текстъ основного списка передается буквально, кромѣ слѣдующихъ исключеній:

а) текстъ подѣленъ на части, обозначенныя римскими цифрами въ круглыхъ скобкахъ;

б) введены курсивныя буквы въ собственные имена и разставлены знаки препинанія;

в) жирнымъ шрифтомъ напечатано то, что въ рукописи *H*₁ — писано киноварью;

г) буква юсь малый замѣнена черезъ я, омега черезъ о, укъ черезъ у;

д) надстрочныя буквы введены въ строку курсивомъ;

е) въ квадратныхъ скобкахъ введены конъектуры, полученные путемъ критики текста. (См. стр. 6 изслѣдованія);

ж) буквенныя обозначенія чиселъ въ рукописи замѣнены цифрами.

3. Вторая повѣсть печатается по списку собр. А. А. Титова № 1454, XIX в. (сп. *H*). Въ вариантахъ списки: *A* (Арх. Св. Син. № 1605, изданный А. Назаревскимъ), *B* (Казанской Дух. Акад. Доп. № 1), *T*₁ (ркп. А. Титова № 1453), *T*₂ (по той же рукописи). Въ изданіи сдѣланы слѣдующія отступленія отъ текста рукописи:

а) текстъ подѣленъ на части;

б) введены курсивныя буквы въ собственныхъ именахъ и разставлены знаки препинанія;

в) жирнымъ шрифтомъ напечатано то, что въ рукописи *H* писано киноварью; какъ можно видѣть, это почти исключительно въ началѣ новой страницы;

г) буква юсь малый замѣнена черезъ я, омега черезъ о, укь черезъ у;

д) титла раскрыты, недостающія буквы введены въ текстъ въ круглыхъ скобкахъ, а надстрочныя буквы введены въ строку курсивомъ;

е) числа вмѣсто буквъ обозначены цифрами.

Въ остальномъ текстъ рукописи печатается буквально точно. Въ квадратныхъ скобкахъ введены конъектуры, полученные путемъ критики текста (см. стр. 11 изслѣдованія);

4. Легенда о происхожденіи картофеля перепечатана изъ статьи акад. В. Н. Перетца, стр. 93 безъ перемѣнъ.

Кромѣ того по техническимъ соображеніямъ во всѣхъ текстахъ опущены надстрочные знаки, которые въ рукописяхъ встрѣчаются обычно въ видѣ удареній. Разрядкой набраны въ повѣстяхъ тѣ части, въ которыхъ, какъ выяснилось изъ предшествующаго, можно допускать въ большей или меньшей мѣрѣ участіе составителя или редактора даннаго вида текста.

Записи-изреченій.

№ 1.

(Въ спл. НТ, Т₂Н; издается по Н). Книга небеса глаго(ле)тъ¹ быліе сие² бесовскіимъ³ хлебомъ⁴.

¹) К—пишеть; Т₁Т₂—названы; ²) Т₁Т₂—нѣтъ; ³) Т₁Т₂—бѣсовскій; ⁴) Т₁Т₂—хлебъ; ¹⁻⁴) К—вмѣсто этого: отъ картофеля.

№ 2.

(Въ спл. НТ, Т₂Н, издается по Н). Книга пчела¹ гл(агол)ет² кобелины³ яйцы.

¹) Т₁Т₂—а во пчелѣ въ книгѣ; К—доб.: в ней; ²) К—называет; Т₁Т₂—названы; ³) К—кобелевыи.

№ 3.

(Въ сп. Н) Библия земляными яблоками сие скверное зелие [глаголет]¹, подобно есть скверной табаке (л. 6 об.). Также и та отъ девки блудницы, отъ сквернаго ея аэдрона выросла, по умертвіи ея, а писано о скверной табаке пространно в книгѣ міръ с Богомъ, часть 2, глава 8, догмать 6, степе(нь) 6, и паки.

¹) Моя конъектура. А. Н.

№ 4.

1-я редакція (сп. Н).

Книга Баронія гл(а)ва часть 2.

Рече Г(осподь): „азъ при-
ідохъ о имени о(т)ца моего
и не приясте мене. (л. 7).
Аще инъ приидеть во
свое имя, того приимете“.

2-я редакція (осн. сп. Н₁, вар. по
К, КПС).

(л. 88). Книга Баронія¹ глава 263 я².

Рече Г(осподь): „азъ³ придохъ
отъ⁴ имени⁵ Отца Моего не⁷

¹) КС—Воропелія; ¹⁻²) КС—часть
вторая, глава 100; ³) К—нѣтъ; ⁴) К—о;
⁵) К—имни (sic); ⁶) П—доб. и; ⁷) К—ни;

Гл(аголе)тъ бо о семь свя-
тѣи Семионъ Новый Бого-
словъ и явно открываетъ,
яко онъ придетъ антих-
ристъ, противникъ Христу
и принесетъ страсти похот-
ныя по ихъ праву и миръ
весма ему послужитъ, цари
и князи и (свя)щеніцы и
иноцы и весь чинъ (7 об.)
богатыхъ, и приимутъ его
похоти и вся сласти, ни
в чемъ ему противитися не
будитъ. И в то время на-
несетъ сопротивникъ свой
плевелы Б(о)ж(и)мъ по-
пущениемъ грехъ ради на-
шихъ. И будетъ трава сия
зовома кортъ, а инныя на-
зываютъ овощемъ рускимъ
и распространяца по лицу
всѣя земли (л. 8) и в Росіи
и всякой возрастъ старо(й)
и младой возлюбятъ ея в
сладость велику и везде во
всему она будетъ угодна.
И аще кто ея ястъ, то
помрачатся ч(е)л(о)вѣцы
умомъ, яко пьяны и не
будутъ веро(ва)ти о томъ
писанию, якобы погрешно-
сти ні в какой (л. 8 об.)
сладоу несть, ни в чаи,
ни в картови, сия и в
грехъ не вѣдѣютъ быти.

пріасте Мене, аще ⁸ инъ пріидетъ
во свое имя ¹⁰, того пріемлетъ ¹¹. Гл(а-
гол)етъ бо о немъ с(вя)тѣи ¹² Симе-
онъ Новый Б(о)гословъ ¹³, яко онъ ¹⁴
пріидетъ антихристъ, противникъ
Христу ¹⁵, принесетъ ¹⁶ сласти ¹⁷
похотныя по ¹⁸ ихъ праву ¹⁹, того
миръ возлюбятъ, и вельми послуша-
етъ ²⁰; в то время ²¹ будетъ трава
еже ²² от ²³ него ²⁴ зовома ²⁵
картоѡъ ²⁶, антихристова похоть ²⁷,
а инныя ²⁸ нарицаютъ ²⁹ овъвошемъ ³⁰,
и распространится ³¹ по лицу всѣя
земли и всякъ возрастъ возлюбятъ ³²
сласть ³³ великую, и ³⁴ помрачатся ³⁵
человѣцы оумомъ яко ³⁶ пияны ³⁷.

⁸) К—доб. а; ⁹) С—прииде; ⁹⁻¹⁰) К—
во имя мое; ¹¹) К—пріемлютъ; ¹²) С—нѣтъ;
К₂—послѣ бо; ¹¹⁻¹²) К—і гл(агол)ютъ сы-
номъ Б(о)ж(и)мъ б(о)гословъ; ¹⁴) ПК₂С—
инъ; ¹⁵) К—нѣтъ; ¹⁶) ПК₂—пріемлетъ; К—
пріиметъ; ¹⁷) К—сласть; ¹⁸) С—то, ¹⁹) ПК₂—
пойдутъ (sic); С—траву; ²⁰) К₂—послу-
шаютъ; ¹⁸⁻²⁰) К—вмѣсто этого: его хо-
тенію, что Б(о)гу противностъ миръ весь
возлюбятъ все похоте его, не в чемъ про-
тивится ни будитъ а; ²¹) К—доб: Б(о)ж(и)-
имъ попущениемъ во осмо(й) вѣкъ тысяше;
²²) К—нѣтъ; ПК₂—есть; ²³) КС—нѣтъ;
²⁴) КС—нѣтъ; ²⁵) К—доб: кортъ, сиречь;
²⁶) К—картоѡи; ²⁶⁻²⁷) К—нѣтъ; ²⁷—
²⁸) ПК₂—нѣтъ; ²⁹) К—называютъ сю тра-
ву; К₂П—доб то; ³⁰) С—обошемъ; К—доб
русскими; ³¹) К—расплодится; ³²) П—воз-
любятъ; К—доб. в; ³³) К—сладость; ³⁴) К₂
СП—нѣтъ; ³⁵) ПК₂—помраченіи; ³⁶) К—
аки; ³⁷) К—доб.: а в грѣхъ ни вѣдѣютъ.

№ 5.

1-я ред. (осн. П.) 2-я ред. (сп. Н₁) 3-я ред. (сп. Н₂) 4-я ред. (сп. Н)
вар. С)

Глаголетъ бо о немъ святой Си- меонъ, Новый Бо- гословъ, яко от Рима начало им-	Гл(агол)етъ бо о немъ с(вя)тѣи Симеонъ Новый Б(о)гословъ, яко скверно, еже от	Гл(агол)етъ бо о немъ с(вя)тѣи Симеонъ Б(о)го- словъ, яко сквер- но, яко от Рима	Погибель есть, глаголетъ С(и)ми- онъ Новый Б(о)- гословъ, яко от мира начало
---	---	--	--

ать, расплодиша- ся ² повсюду, и ать расплодита- въ томъ брашнѣся повсюду и в человѣцы осквер- нятся яко древній Израиль ³ .	Рима начало им- сплодишася по- всюду и кто бра- шнѣ ч(е)л(о)вѣцы, осквер- не оскверняются яко древ- ніи израиль: не только одинакар- тоѡъ посем наре- кованіи, но все едино.	начало иматъ ра- сплодятся по- всюду и въ томъ брашнѣ ч(е)ло- вѣцы осквернят- ся, яко древле израилтяне.
---	---	--

¹) С—доб. сквер-
но; ²) С—расплоди-
ся; ³) С—Изра-
иле.

№ 6.

(Въ сп. Н) Гл(агол)етъ той же паки Семеонъ Богословъ (л.
9): а сие губно от елнина жреца, от того же сквернаго афед-
рона израсте, яко от сего пріять и расплодися повсюду и в
томъ брашнѣ осквернятся человецы неразумни и глаголютъ: „ни-
что же земля родитъ скверно“. Ни, человеце, попущениемъ Бо-
ж(и)мъ, а диявольскимъ дѣиствомъ (л. 9 об.) и земля издастъ и воз-
раститъ скверно.

№ 7.

(Въ сп. Н) Гл(агол)етъ о семь с(вя)тѣи Новыи С(и)меонъ
Б(о)госл(о)въ, яко скверно быти, глаголетъ, табака, а сквер-
ная, ибо она от девки блудницы, от ея сквернаго афедрона из-
расте.

№ 8.

(Въ спл. Н₁ МФ, издается по Н₁) Книга ¹ Феодоръ Валзamo-
на ², глав(а) 30 ³ лист. 100 ⁴. Аще кто от православныхъ хр(и)-
стіанъ дерзнетъ пити табакъ, той ⁵ от с(вя)тыхъ о(те)цъ і ап(о)-
с(то)лъ ⁶ да ⁷ будетъ проклятъ.

¹) Ф вл. этого: Выписано ис книги; ²) М—Вальсамона; Ф—Вал-
сама; ³) МФ—а; ⁴) Ф—сто; ⁵) Ф—тотъ; 5—6) МФ—от святыхъ апостолъ
(Ф—апостоловъ) и от святыхъ отецъ; ⁷) Ф—нѣтъ.

№ 9.

1-я редакція (спп. $K_1 K_2$ IM, издається по сп. K_1)

Книга Іоанна Зонарева гла(а) 20² лист 70. Аще кто дерзнетъ пити чаю³ той и⁴ отчае-ся⁵ самого⁶ Г(оспод)а Б(о)га⁷, да будетъ про-клят⁸ тремя⁹ анаѳи-мистовами¹⁰.

¹⁾ K_2 —Назарева; М—Назарей; И—Назарей архієпискупа антїохійскаго;

²⁾ М—а; ³⁾ И—чай; ⁴⁾ K_2 MI нѣтъ; ⁵⁾ MI—доб. силѣ; K_2 —сиче; ⁶⁾ И—вм. этого: отъ; ⁷⁾ М—доб. и; ⁸⁾ MK₂—преданъ; И—данъ; ⁹⁾ И—трима; ¹⁰⁾ K_2 —анафемистовами; М—анаѳи-стамъ; И—анаѳема.

2-я ред. (сп. K_1)

Книга Іоанна Назарея глава 20 лист 70. Аще кто дерзнетъ пити чаю той и отча-ется симъ самого Г(о)с(по)да да бу-детъ преданъ тре-мя анафемство-вами, и да будетъ три краты про-клят.

3-я редакція (спп. KK_3 , издається по K)

Книга Іоана Зенаря и о¹ той, что Зенарь той же есть Іоана Зенаря другая, глава дватцатая²: аще кто дерзнетъ пете³ чаи, да отлучится самого Г(о)с(по)да I(и)с(ус)а Х(ри)с(т)а, да будетъ проклятъ трижды анафема⁴, а к(а)ртофii пятаю анаф(е)ма, ко-феи деватію анаѳема⁵.

¹⁾ K_3 —вм. и о—не; ²⁾ K_3 —20, ³⁾ K_3 —пити; ⁴⁻⁵⁾ K_3 —нѣтъ.

№ 10.

(Въ спп. $K_1 K_2$ MI, издається по K_2) Аще кто дерзнетъ¹ пи-ти кофiю, но и² в томъ ч(е)л(овѣ)ке будетъ ковь³ и лукавство и не будетъ самого Г(о)с(по)да Б(о)га в с(е)рдце его⁴, десято-кратно⁵ анафемствовано⁶.

¹⁾ K_1 —послѣ пити; ²⁾ K_1 —нѣтъ; ³⁾ М—ковѣ; ⁴⁾ K_4 —нѣтъ; ⁵⁾ K_1 —десятократномъ; K_4 —десятократному; ⁶⁾ М—анаѳистовомъ; K_1 —анаѳими-стовано; K_4 —анафемствованію будетъ преданъ.

№ 11.

1-я редакція (сп. K_2)

Книга Стоглавъ гла-ва, 131. В лѣто от Р(о)ж(де)ства Х(ристо)-ва по плоти 1550 году февраля 23 д(е)нь пи-шетъ сиче: Аще кто

2-я ред. (сп. M)

Книга Стоглавъ глава 31 о кре-стномъ знаменіи: аще ли кто двѣма персты не благо-словляетъ, яко

3-я редакція (сп. Y)

Выписано из книги Стоглава глава 31 в лѣ-то 7150 году ое(в)р(аля) в 23 д(е)нь при ц(а)рѣ Іоаннѣ Василевиче, а в ней пишетъ сиче. Аще

двѣма персты кр(е)стна-го знаменія на себѣ не воображаетъ, да будетъ проклятъ.

же и Х(ристо)с, или не вообража-етъ двѣма персты крестнаго зна-менія, да будетъ проклятъ.

кто двѣма пе(р)сты кр(е)-стнаго знаменія на се-бѣ не воображаетъ, да будетъ проклятъ св(я)-тіи рекоша. Не знаме-наное бо овча поистин-нѣ истиннымъ симъ зна-меніемъ всяко волчая корысть.

№ 12.

(Въ сп. K_1) Правило 12 с(вя)тыхъ о(те)цъ. Аще хр(и)стіянинъ во одежду еретическую облечется не по преданію с(вя)тыхъ о(те)цъ, или в пеструю, смешеную синюю нить с бѣлою, 20 да будетъ анаѳема.

№ 13.

(Въ сп. K_1) Книга Кронникъ глава 14. Аще мужъ или жена в чюжую одежду облечутся, сирѣчь не по преданію отеческаго, да будетъ анаѳема.

№ 14.

(Въ сп. K_1) Книга библия. Да не точатся волняная нить с портяною вмѣсто, по единой точію.

Первая повѣсть о происхожденіи картофеля.

Книга Пандокъ, глава 28, лист 68 часть ¹ последняя [четвертая] ².

Краткая
письм. ред.
повѣсти о
табакѣ.

(I). [Бысть] ³ Царь именемъ [Мамеръ] ⁴, имея дочь едину и [держа] ⁵ ю в ⁶ особой ⁷ полатѣ, и при ней находилась девица служанка. И ⁸ оусмотрѣла, что ⁹ она по діаволскому дѣйствию ¹⁰ совокупила со псомъ, и та служанка доказала царю о томъ беззаконіи. То царь самъ оусмотрѣлъ и повелѣлъ ¹¹ ю поврещи ¹² в ровъ глубока, а пса наверхъ ея, и завалить ¹³ землю ¹⁴. И ето было в древнія года ¹⁵.

Записи-
изреченій.

(II). А в послѣд. 89) дня ¹⁶ времена ¹⁷ в пришествіе сопротивника закона, по седми тысящъ прихода его, открытается всемъ на пагубу челоуѣкомъ ¹⁸.

Полн.
письм. ред.
повѣсти о
табакѣ.

(III). Въ Персіе ¹⁹ челоуѣкъ посыланъ былъ ²⁰ собирать [траву] ²¹, цвѣты для исцѣленія врачемъ, і обрѣте траву, что никогда едакой травы в томъ мѣстѣ не бывало ²², [принесе] ²³ своему врачу, и дивися врачъ и приказалъ показать ²⁴ мѣсто.

Кратк.
письм. ред.
пов. о таба-
кѣ (продол-
женіе).

(IV). И стали оно ²⁵ мѣсто раскапывать ²⁶, то [нашли] ²⁷ [бѣлые] ²⁸ жилы, а по

1) П—нѣтъ; 2) такъ въ K₂; ПК₁—четверть; 3) такъ въ ПК₂; въ K₁—этого нѣтъ; 4) такъ въ ПК₂; K₁—Мамера; 5) такъ въ K₂; ПК₁—держалъ; 6) K₂—во; П—въ; 7) сп. K₁—здѣсь добавляетъ еще в; но въ ПК₂ этого в—нѣтъ; 8) П—но; 9) П—нѣтъ; 10) ПК₂—дѣйству; 11) K₂—повеле; 12) K₂—поврещи; 13) K₂—завалити; 14) K₂—нѣтъ; 14-15) ПК₂—Въ древнія лѣта было; 16) ПК₂—последнее; 17) ПК₂—время; 18) ПК₂—нѣтъ; 18-19) П—вм. этого: Первіе; 20) ПК₂—бысть; 21) такъ въ ПК₂; въ сп. K₁ этого слова нѣтъ; 22) ПК₂—не было; 23) такъ въ ПК₂; K₁—приноса; 24) K₂—нѣтъ; 24-25) ПК₂—вм. этого: и; 26) K₂—роскопати; 27) такъ въ П; K₁K₂—пошли; 28) конъектура; въ спискахъ же ПК₁K₂—быліе;

жиламъ круглыя яицы ²⁹, и докопались до костей, и вышло из тайныхъ оудъ костей ³⁰.

(V). И они ³¹ сплетенніи ³² яйцы ³³ стали лечить челоуѣка ³⁴ очюнь [разслабленнаго] ³⁵, и тотъ челоуѣкъ ³⁶ скорое здравіе получилъ. Полн. писм. ред. пов. о табакѣ.

(VI). И зачели по (89 об.) дворахъ [садить] ³⁷, и повсюду расплодилась ³⁸ поганая картошь ³⁹ и в Росію дошла, едва едва ⁴¹ которые ⁴² спаслися от нея на ⁴³ употребленіе ⁴⁴, малая ⁴⁵ нѣкая часть челоуѣкъ. Божиимъ поможениемъ; не токмо в мирѣ, но и в монастырехъ с(вя)тыхъ осквернило(сь) ⁴⁶ множество ⁴⁷. В(о)гу нашему слава ⁴⁸. Аминь ⁴⁹. Записи-изреченій

29) K₂—яица; 30-31) П—но и; K₂—но; 32) K₂—сплетены; 33) ПК₂—доб. и; 34) П—нѣтъ; 35) такъ въ ПК₂; K₁—разслабленной; 36) K₂—доб. и; 37) такъ въ П; въ K₁—нѣтъ; въ K₂—сначала написано ходить, потомъ сверху са; 38) ПК₂—распространилась; 39) ПК₂—картошь; 40) K₂—Русію; 41) П—нѣтъ; 42) K₂—нѣтъ; 43) ПК₂—нѣтъ; 44) ПК₂—употребленія; 45) K₂—нѣтъ; 46) ПК₂—осквернено; 47) ПК₂—нѣтъ; 48) K₂—доб. и(ы)нѣ и пр(и)сно; 49) ПК₂—нѣтъ.

Пространная редакція второй повѣсти о происхожденіи картофеля.

Выписано изъ книги Пандекта о хранительномъ
были картофѣи всякому християнину подобаетъ храни-
тися отъ сего былии ¹.

(I). Братія моя, хочу вамъ поведати ²
повѣсть ³ сию о мерскомъ ⁴ семъ былии
или ⁵ зеліи ⁶.

(II). Бысть въ царствѣ ⁷ царя ⁸ Анепсія ⁹ (об.)
во стране восточной ¹⁰ [во ельлинахъ] ¹¹ собрание ¹².
Божіимъ попущеніемъ ¹³, а по дьявольскому деиству ¹⁴
грехъ ради нашихъ ¹⁵ собрашася ¹⁶ [шесть] ¹⁷ мужей ¹⁸
с прочими ¹⁹ во свое ²⁰ капище ²¹ и ^{21a} молишася ²² сво-
имъ богомъ ²³ и ²⁴ нарекоша ²⁵ сами себе с(вя)тыми и

¹) Въ сп. К: „Выписокъ изъ книги поятянскоіи теидака“ (sic); въ сп. А: О картофѣи. Изъ книги Пандоки о хранител-
номъ были глава 24 называемая картофіи, откуда взята и
расплотилася на пагубу душамъ християнскимъ; Т₁—Притча о
картофѣи выписано изъ книги Пандока глава вѣдцать (sic) 5 о
хранительномъ были отъ дуба; Т₂—притча о картофѣи выписана
изъ книги Пандока глава 25 о хранительномъ были отъ дуба;
²) Т₁—повѣдать; ³) КТ₁Т₂А—притчу; ⁴⁻⁵) КТ₁Т₂А—нѣтъ;
⁶⁻⁷) КТ₁Т₂—вѣде; А—Во время при; ⁸) КТ₁Т₂—царь; А—царе;
⁹) К—Антіе; Т₁—Алексей, Т₂—Анексей, А—Онисиі; ¹⁰) А—
доб: еже есть; ¹¹) Внесено по сп. Т₁Т₂; въ сп. Н: во ел-
нихъ поставлено послѣ собрание; К—в Еснаде; А—в Елене;
КТ₁Т₂А—послѣ восточной, т. е. такъ, какъ исправлено;
¹²) КТ₁Т₂А—собрашася; ¹³⁻¹⁴) КТ₁Т₂А—дѣя(о)лскимъ (А—
идолскихъ) наводненіемъ—передъ Божіимъ; ¹⁴⁻¹⁵) КТ₁Т₂А—
нѣтъ; ¹⁶) К—собралися, АТ₁Т₂ нѣтъ; ¹⁷) Т₁Т₂—нѣтъ; такъ
въ КА; въ Н—6; ¹⁸) А—друговъ; ¹⁶⁻¹⁸) А—послѣ попуще-
ніемъ, К—передъ ді(я)вольскимъ наводненіемъ; ¹⁸⁻¹⁹) КТ₁Т₂А—
нѣтъ; ²⁰) К—едино, АТ₁Т₂—единомъ; ²¹) А—капищи; ^{21a}) КТ₁Т₂
—нѣтъ; ²²) К—молился; А—молиша; ²²⁻²³) КТ₁Т₂—В(о)гу,
А—Бога; ²⁴) А—нѣтъ; ²⁵) К—сотворили, АТ₁Т₂—сотвориша;

начаша ²⁶ избирати ²⁷ между себе ²⁸ кому (л 2) быть ²⁹
изъ нихъ ³⁰ богомъ и ц(а)ремъ ³¹ [і поставиша свещу по-
сред(и) капища і отъ коего загорится сѣща, тому б(о)-
гомъ і царемъ быть] ^{31a} и начаша единъ по единому ³²
кланятися идоломъ ³⁴. Прежде всехъ ³⁵ нача кланятися
изъ нихъ ³⁶ старейшій ³⁷ и ничто же бысть, потомъ ³⁸
второй нача ³⁹ кланятися ⁴⁰ и тогда абие ⁴¹ загореся ⁴²
свеща и ⁴³ поставиша ⁴⁴ его ⁴⁵ по деиству дияволу ⁴⁶
ц(а)р(е)мъ и б(о)г(о)мъ ⁴⁷. И начаша покланятися ⁴⁸
ему ⁴⁹ и почитати ⁵⁰ его ⁵¹ (об.).

Старейшии ⁵² же ⁵³ абие ⁵⁴ вознегодова ⁵⁵ рекъ ⁵⁶. б) Отра-
„[Како] ⁵⁷ азъ ⁵⁸ не почитаемъ вами и не почиташа ⁵⁹ жене хы-
мя“ ⁶⁰. И ⁶¹ тако посемъ ⁶² сей окаянный ч(е)л(овѣ)къ ⁶³ стовскаго
более ⁶⁴ не ⁶⁵ посовѣтова со други ⁶⁶ своими ⁶⁷, но ⁶⁸ легенды о
разгневался ѿ ⁶⁹ иде ⁷⁰ отъ нихъ ⁷¹ ѿ преселися к дру-
гому капищу ⁷². И начаша его тий ⁷³ почитати ⁷⁴ яко
же ⁷⁵ ѿ прежде. Онъ ⁷⁶ же ⁷⁷ окаянный ⁷⁸ нача ⁷⁹
(л, 3) ихъ ⁸⁰ учити своему скверному ⁸¹ закону ѿ де-

²⁶) К—стали; ²⁷) К—избир(а)т(ь); ²⁸) А—собою; Т₁—доб.
сеі; ²⁸⁻²⁹) А—нѣтъ; ²⁹⁻³⁰) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ³¹) А—бога и царя;
^{31-31a}) въ сп. Н—нѣтъ, внесено по сп. КТ₁Т₂А, гдѣ читаемъ:
і поставиша (К—поставили) свещу посред(и) (А—среди) себя
(Т₁Т₂А—капища, А доб. каждому пасти поставленъ предъ
своею свещею) і отъ (А—пред.) коего (Т₁Т₂—кого; А—которымъ
ѿхъ) загорится (А—доб. затлейтся) свеща (А—доб. и) тому
б(о)гомъ і царемъ быть (А—и тотъ будитъ царь и богъ; Т₁Т₂—
тому ѿ быть царемъ и богомъ); ³²) К—единомъ; ³³) А—клѣтся;
доб. поклонися; ³⁴) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ³⁵) КТ₁Т₂А—нѣтъ;
³⁵⁻³⁶) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ³⁷) К—старшій; Т₁Т₂А—старейшина;
³⁸) А—доб. же и; ³⁹) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ⁴⁰) Т₁Т₂—кланяшеся;
А—нѣтъ; ⁴⁰⁻⁴¹) КТ₁Т₂—то; А—предъ нимъ; ⁴²) К—загорелася;
⁴³) К—нѣтъ; Т₁Т₂—потомъ; ⁴⁴) А—постави; ⁴⁵) А—нѣтъ;
⁴⁵⁻⁴⁶) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ⁴⁶⁻⁴⁷) КТ₁Т₂А—переставлено; ⁴⁸) А—кла-
нятися; ⁴⁹) А—послѣ начаша; КТ₁Т₂—нѣтъ; ⁵⁰) К—почитати;
⁵¹) Т₁Т₂А—нѣтъ; ⁵²) К—старшій; Т₁Т₂А—старейшина; ⁵³) А—
нѣтъ; ⁵⁴) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ⁵⁵) А—нѣтъ; ⁵⁶) КТ₁Т₂—нѣтъ;
А—и рече передъ старейшии; ⁵⁷) Исправлено по КТ₁Т₂А; въ
сп. Н: какъ; А—доб.: тако; ⁵⁸) КТ₁Т₂—я; ⁵⁹) КТ₁Т₂—не посе-
тили; ⁵⁸⁻⁶⁰) А—вмѣсто этого: отъ васъ на светѣ большіи есмь
дайте мнѣ неделю цар(с)твовать надъ ними (sic); ⁶¹) Т₁Т₂—нѣтъ;
К ж послѣ тако; ⁶²) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ⁶³) К—нѣтъ; Т₁Т₂А—
вм. этого: и; ⁶⁴) А—нѣтъ; ⁶⁵) КТ₁Т₂А—съ другими; ⁶⁶) А—
доб. товарищами; ⁶⁷) К—і; ⁶⁸) Т₁Т₂—нѣтъ; ⁶⁹) КТ₁Т₂—отиде;
⁷⁰⁻⁷¹) К—вм. этого: в другое капище; ⁶⁶⁻⁷¹) А—нѣтъ;
⁷²) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ⁷³) К—почитати; А—доб. тако; ⁷⁴) К—
нѣтъ; ⁷⁵) Т₁Т₂—нѣтъ; ⁷⁶) А—послѣ начатъ; ⁷⁷) Т₁Т₂—а пе-
редъ онъ; А—и; ⁷⁸) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ⁷⁹) А—начатъ; Т₁Т₂—на-
чаша; ⁸⁰) Т₁Т₂—передъ нача; К—нѣтъ; ⁸¹) Т₁Т₂А—передъ делу;

ломъ ⁸² неподобнымъ ⁸³. Они ⁸⁴ же ⁸⁵ стали покаряться во всемъ и слушати ⁸⁶. По некоемъ времени [разболелся] ⁸⁷ нача ⁸⁸ имъ ⁸⁹ заповедати, рекъ ⁹⁰: „когда ⁹¹ я ⁹² умру, то скороните ⁹³ мя“ ⁹⁴, [и] ⁹⁵ указа имъ место ⁹⁶. По некоемъ времени умре окаанный ⁹⁷ и ⁹⁸ положиша ⁹⁹ его ¹⁰⁰ на показанномъ месте.

в) Повѣрія о происхожденіи картофея. Потомъ вскоре ¹⁰² на томъ месте ¹⁰³ (об.) израсте ¹⁰⁴ трава яко ¹⁰⁵ дубъ подобиемъ ¹⁰⁶ и удивися ¹⁰⁷ людие ¹⁰⁸, что ¹⁰⁹ въ малое время выросла ¹¹⁰ трава ¹¹¹, аки ¹¹² столбъ, и ¹¹³ раскопаша ¹¹⁴ тое место ¹¹⁵ до самого ¹¹⁶ корене и ¹¹⁷ до его с(к)вернаго уда ¹¹⁸ и узревъше яко ¹¹⁹ от уда и от костей его изъ еедрона его сквернаго взяся корение и израсте ¹²⁰ сие мерское зелье ¹²¹ и ¹²² наречено ¹²³ имя ему картови ¹²⁴ (л. 4).

г) Запись-изреченія. От сего места ¹²⁵ и расплодися ¹²⁶ во всехъ земляхъ ¹²⁷ неверныхъ ¹²⁸, потомъ ¹²⁹ наипаче расплодится ¹³⁰ в Росіи на пагубу душамъ христіанскимъ от дьявольскаго навожденія ¹³¹. В(о)жиимъ попущеніемъ ¹³² за грехи наша.

⁸²) КТ₁Т₂—делу; А—дѣланію; ⁸³) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ⁸⁴) К—нѣтъ; ⁸⁵) К—нѣтъ; А—а передъ они; ^{85, 86}) К—нача его слушати; Т₁Т₂—слушати; А—его начаша слушати и; ⁸⁷) Такъ въ К; въ Н и др. сп. нѣтъ; ⁸⁸) Т₁Т₂—начаша; ⁸⁹) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ⁹⁰) Т₁Т₂А—приказывати, К—призывати; ⁹¹) КТ₁Т₂А—нѣтъ; К—доб.; окаанны; А доб.: други моя; ⁹²) Т₁Т₂А—егда; ⁹³) А—авъ; ⁹⁴) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ⁹⁵) КТ₁Т₂А—покороните; ⁹⁶) А—мене; ⁹⁷) Т₁Т₂—во етомъ мѣсте; ⁹⁸) Т₁Т₂—нѣтъ; ⁹⁹) Т₁Т₂—нѣтъ; ¹⁰⁰) Т₁Т₂—погребоша; ^{96–101}) К—нѣтъ; ^{96–102}) А—зказавъ въ какое время и; ^{101–102}) К—на ямо место указалъ и умеръ; ^{102–103}) Т₁Т₂—нѣтъ; ¹⁰⁴) А—израстеше; ^{104–105}) Т₁Т₂—нѣтъ; А—сто(л)бъ есть; ¹⁰⁶) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ¹⁰⁷) Т₁Т₂А—дивися; К—удивился; ¹⁰⁸) А—нѣтъ; ¹⁰⁹) А—како; ¹¹⁰) Т₁Т₂—вырослѣ; КА—израсте; ¹¹¹) К—послѣ столбъ; Т₁Т₂А—нѣтъ; ¹¹²) К—яко; Т₁Т₂А—нѣтъ; ¹¹³) А—нѣтъ; ¹¹⁴) К—раскопавъ; А—предложивше совет еже окопати; ^{114–115}) КТ₁Т₂—дубъ; А—его; ¹¹⁶) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ¹¹⁸) КТ₁Т₂—тела; ^{117–119}) А—вм. этого: докопаша до его скверной плоти и костей израсте сей дубъ из струпу его скверныхъ и томныхъ (sic) удъ его; ^{118–119}) К—из его сквернаго(о) тела от еедрона израсте; Т₁Т₂—от костей его израсте дубъ, а оттуду его; ¹²⁰) Т₁Т₂К—нѣтъ; ¹²¹) А—доб.: изъясаша сие корение невернии людие; ¹²²) Т₁—нѣтъ; ¹²³) Т₁Т₂К—нарече; А—нарекша; ¹²⁴) К—передъ имя; А—ей передъ имя; ^{125–126}) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ¹²⁷) К—приплодися; А—расплодиша, въ горахъ и во всѣхъ мѣстахъ; ^{127–128}) КТ₁Т₂А—по всей земли; ¹²⁹) К—в неверныя; Т₁Т₂—в неверныхъ; А—невернии; ¹³⁰) Т₁Т₂—нѣтъ; ^{130а}) Т₁Т₂—нѣтъ; ^{129–130а}) А—даже и по всей; К—и; ¹³¹) Т₁Т₂—доб. а; ^{131–132}) А—одъ (sic) божіею попущенія

(III). Еще ¹³³ наипаче в книге Барони речено бысть ¹³⁴: на ¹³⁵ осмый векъ ¹³⁶ возлюбятъ ч(е)л(о)в(ѣ)цы ¹³⁷ [губину] ^{137а} (об.) рекше ¹³⁸ картоеи, цари [и князе] ¹³⁹ и св(я)шеницы ¹⁴⁰ и в м(онасты)рехъ ¹⁴¹ и в пустыняхъ и ¹⁴² расплодятся по всемъ странамъ проклятое сие ¹⁴³ зелье картоеи ¹⁴⁴ и за сие ¹⁴⁵ не будетъ изобилно ¹⁴⁶ родится хлебъ и ¹⁴⁷ всякое овощіе ¹⁴⁸, но ¹⁴⁹ будетъ гладъ и ¹⁵⁰ нужда ¹⁵¹, потомъ и ¹⁵² смерть *) ¹⁵³ и ¹⁵⁴ после ¹⁵⁵ смерти вечная мука ¹⁵⁶ со дьяволомъ ¹⁵⁷ негасимомъ (л. 5) огни ¹⁵⁸. И ¹⁵⁹ тако ¹⁶⁰ о семъ ¹⁶¹ собращася ¹⁶² вернии хри(сти)анстии учителя ¹⁶³ [сие мерское зелье] ^{163а} прокляшай ¹⁶⁴ тоекратно ¹⁶⁵ Анаеема ¹⁶⁶ предаша ¹⁶⁷ и рекоша сие ¹⁶⁸: „Аще который ч(е)л(о)в(ѣ)къ сие зелье ясть ¹⁶⁹, то долженъ плакати ¹⁷⁰ и поститися о семъ ¹⁷¹ до смерти ¹⁷², дабы ¹⁷³ греховъ ¹⁷⁴ прощение,

¹³³) АКТ₁Т₂—нѣтъ; ¹³⁴) Т₁Т₂—нѣтъ; ^{133–134}) К—Книга Бароней рече; ¹³⁵) Т₁Т₂—во; ¹³⁶) К—доб.: приплодятся по всей земле и; ¹³⁷) КТ₁Т₂—нѣтъ; ^{137а}) такъ въ Т₁Т₂; въ сп. Н—губину; ^{137–138}) К—погубну; ¹³⁹) исправлено по К. въ сп. Н и остальныя нѣтъ; ¹⁴⁰) Т₁Т₂—еще иноцы; ^{141–142}) К—нѣтъ; ¹⁴³) Т₁Т₂К—нѣтъ; ¹⁴⁴) Т₁Т₂—нѣтъ; ^{144–145}) КТ₁Т₂—нѣтъ; ¹⁴⁶) КТ₁Т₂—нѣтъ; ^{147–148}) вмѣсто этого К—послѣ слова картоеи дастъ: всякое овощіе мало родится будет; ¹⁴⁹) КТ₁—и; ¹⁵⁰) К—нѣтъ; ¹⁵¹) К—нѣтъ; доб.: и проиде; ¹⁵²) КТ₁Т₂—нѣтъ; ^{133–153}) вмѣсто этого въ А: И тако возлюбилъ священнической чинъ таже и мирскій народы будить (sic) первая трава въ монастыре и пустыняхъ. Аще въ которой стране расплодять людие сие проклятое зелье, то въ той стране не будить плода пошеницы и всякаго овощія не будить и нужда, а потомъ смерть; ¹⁵⁴) Т₁Т₂А—а; ¹⁵⁵) КТ₁Т₂А—по; ¹⁵⁶) КТ₁Т₂А—переставлено; ¹⁵⁷) Т₁Т₂—доб. осудитьца; ^{157–158}) КТ₁Т₂А—въ негасимый огонь ¹⁵⁹) КТ₁Т₂—нѣтъ; ^{160–161}) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ¹⁶²) К—собращася; А—собраща; ^{162–163}) К—с(вя)тѣя; Т₁Т₂А—вернии христіяни передъ собращася; ^{163–163а}) такъ въ сп. А: въ сп. Н и др. этого нѣтъ; Т₁Т₂—доб. и; ¹⁶⁴) КТ₁Т₂А—нѣтъ; ¹⁶⁵) КТ₁Т₂А—трижды; ¹⁶⁶) К—анаеемы; Т₁Т₂А—нѣтъ; ¹⁶⁷) К—придоли (sic); Т₁Т₂А—нѣтъ; ^{167–168}) А—и о семъ сие написаша и предаша; Т₁Т₂—сие написаша и намъ предаша; К—и сию написаша о томъ; ¹⁶⁹) А—ялъ; ¹⁷⁰) КТ₁Т₂А—плакати; ^{170–171}) А—вм. этого: и каятсѣ о томъ гресе; ^{171–172}) А—до самой смерти передъ долженъ; ¹⁷³) А—да; Т₁Т₂—то; ¹⁷⁴) Т₁Т₂К—грехамъ; А—нѣтъ;

*) въ ркп.: смерто.

получити¹⁷⁵ от Б(о)га¹⁷⁶, [а кой]¹⁷⁷ ч(е)л(о)-
в(ѣ)къ¹⁷⁸ ведаеть¹⁷⁹, что грехъ [ясти,
да]¹⁸⁰ ясть¹⁸¹, той¹⁸² человекъ¹⁸³ не насле-
дуетъ¹⁸⁴ (об) царства небеснаго во веки.
Аще¹⁸⁵ постится¹⁸⁶ ѿ молится¹⁸⁷, аще¹⁸⁸
за Христа [і]¹⁸⁹ кроетъ¹⁹⁰ **) пролиетъ¹⁹¹,
а в семъ грехе не покается¹⁹², то ничто
же есть¹⁹³. Аще на огне сожгутъ¹⁹⁴, ни-
коеи ползы не получить¹⁹⁵ ѿ не избег-
нет¹⁹⁶ злыя муки¹⁹⁷.

(IV). Сего ради¹⁹⁸ убоимся¹⁹⁹, братие²⁰⁰,
суда страшнаго ѿ судий грознаго, о т-
ступимъ²⁰¹ от сего сквернаго зелия²⁰²
(л. 6) ѿ покаемся²⁰³ ѿ станемъ²⁰⁴ чисти²⁰⁵
пред Богомъ²⁰⁶. Богу нашему²⁰⁷ слава
[отцу и с(ы)ну и святому д(у)ху]²⁰⁸ [і]²⁰⁹ ны-
ней присно ѿ²¹⁰ во веки векомъ аминъ²¹¹.

¹⁷⁵) Т₁Т₂—получить; А—приметь; ^{175–176}) К—передъ
получит; ¹⁷⁷) такъ въ Т₁Т₂; въ Н—аки; К—а (к)то; А—аще
который; ¹⁷⁸) К—нѣтъ; ¹⁷⁹) Т₁Т₂—ѣдалъ; ¹⁸⁰) такъ въ К; въ
Н и др. спл. этого нѣтъ; ^{181–182}) Т₁Т₂—а елъ; А—ялъ;
¹⁸³) А—нѣтъ; К—тотъ; ¹⁸⁴) А—нѣтъ; ¹⁸⁵) Т₁Т₂—не увидитъ;
А—послѣ. во веки; ¹⁸⁶) К—доб. кто; ¹⁸⁷) Т₁Т₂—постится;
Т₁Т₂К—доб.: и трудится; ¹⁸⁸) Т₁Т₂—молится; ^{189–190}) А—нѣтъ;
¹⁸⁹) такъ въ КТ₁Т₂А; въ Н нѣтъ; ^{191–192}) К—переставлено;
¹⁹⁰) А—доб. свою; ^{191–192}) Т₁Т₂—нѣтъ; ^{193–194}) эта фраза пе-
ренесена въ КТ₁Т₂А выше послѣ слова: пролиетъ и читается:
К—или во огне сожгутъ, Т₁Т₂—или и на огни сожгутъ; А—и
аще на скворде огненной; ^{192–195}) Т₁Т₂—ничто ти есть почитъ-
ся; К—ничтож ему ползуетъ; ^{191–195}) А—нѣтъ; ¹⁹⁶) К—не збе-
жить; ^{197–198}) Т₁Т₂К—нѣтъ; ¹⁹⁹) К—убоится; ²⁰⁰) КТ₁Т₂—нѣтъ;
²⁰¹) К—отступитъ; ^{201–202}) Т₁Т₂—нѣтъ; ²⁰³) К—покается;
²⁰⁴) КТ₁Т₂—нѣтъ; Т₁Т₂—доб.: сего хранитесь ельинскаго зе-
лия картофія; ²⁰⁵) К—станитъ; ²⁰⁶) К—чист; Т₁Т₂—передъ ста-
немъ; ^{195–207}) А—нѣтъ; ^{207–208}) К—ему же; Т₁Т₂—нѣтъ;
²⁰⁹) такъ въ Т₁Т₂; въ др. спл. и Н этого нѣтъ; ^{209а}) такъ въ
К; въ сп. Н и др. нѣтъ; ^{209–210}) Т₁Т₂А—нѣтъ; ^{210–211}) Т₁Т₂—
нѣтъ.

**) въ ркп. неясно ѿ или ѿ.

Легенда о происхожденіи картофеля.

Въ одной землѣ умеръ царь и оставилъ по-
слѣ себя двоихъ сыновей. Сенаторы собра-
лись на совѣтъ и думаютъ: кого выбрать ца-
ремъ? Думали, думали и выбрали большака.

— Нѣтъ, говорить одинъ сенаторъ,—да-
вайте выберемте того, кто угоднѣе Богу.
Всѣмъ эта рѣчь и полюбилась: да, правду
ты говоришь, господине, нужно выбрать
того, кто милѣе Богу; только какъ намъ
объ этомъ узнать?

— А вотъ какъ,—говорить имъ сенаторъ,—
заставимте ихъ молиться Богу, а лампаду
не затеплимъ; у котораго во время молитвы
лампада затеплится сама, тотъ и будетъ любъ
Богу.

Заставили молиться большака. Молится
онъ, молится, а лампада не затепляется. По-
томъ сталъ молиться меньшей; помолился не-
много, лампада сама и затеплилась. Сенаторы
и выбрали его царемъ. Сталъ онъ царствовать,
а большаку дѣлать нечего. Вотъ онъ и по-
ѣхалъ въ чужія земли. Ъздилъ, ѡзидилъ и при-
ѣхалъ къ Елени. Тутъ онъ сталъ учиться волхво-
ванію и сдѣлался волхвомъ. Братъ меньшей про-
слышалъ объ этомъ и поѣхалъ къ Елени. При-
ѣхалъ туда и спрашиваетъ: „гдѣ мой братъ“? Ему
на это и говорятъ: „братъ твой былъ волхвомъ,
а теперь ужъ онъ умеръ“—„Сведите меня на
его могилу“. Пришли на могилу и глядятъ—на
ней растетъ невиданное дотоле стеблие. Что
это за стеблие?—думаютъ всѣ, а узнать никакъ не
узнаютъ. Взяли лопату, стали рыть и видятъ—
стеблие растетъ изъ ребра человѣчьяго, корни

пустило во всѣ стороны, а на этихъ корняхъ растеть картофель. Они взяли да и сварили его, чтобы испробовать, скусенъ ли онъ. Поѣли и глядятъ—впрямь онъ скусенъ. Съ тѣхъ поръ и пошли по міру картофель садить да ѣсть.

Богъ видитъ: нехорошее дѣло дѣлають православные христіане и послалъ своего ангела. Ангелъ явился одному епископу и говоритъ: „скажи ты, епископъ, православнымъ христіанамъ, чтобы они картофель не садили и не ѣли. А кто ѣлъ, тотъ да покается и получить оставленіе грѣховъ: кто же не покается, тотъ не увидеть въ царствіе Божіе“.

74900A